

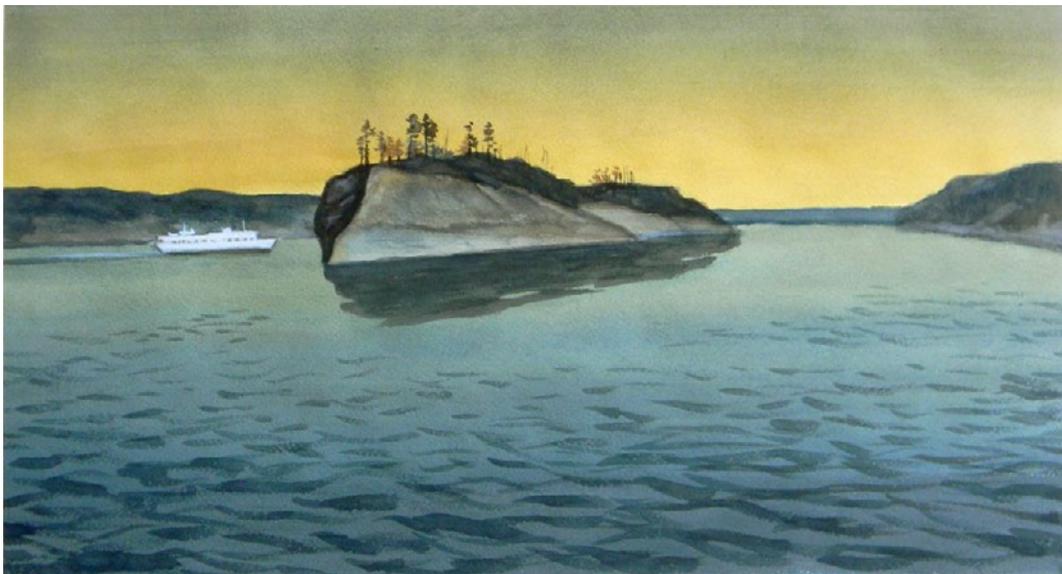
СИБИРСКИЕ ОГНИ

6/2024

На первой странице обложки:

Николай Сальников. До весны. Речпорт. Акварель. 1973

Николай Сальников. Кораблики. Акварель. 1980

Николай Сальников. Остров отдыха. Цветная линогравюра. 1977

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

И. о. главного редактора:

М. В. ХЛЕБНИКОВ

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
П. В. Басинский (Москва)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
А. К. Лаптев (Иркутск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Р. В. Сенчин (Екатеринбург)
М. А. Тарковский (Красноярск)
А. Н. Тимофеев (Москва)
А. Б. Шалин (Новосибирск)
М. Н. Щукин (Новосибирск)

Михаил Косарев
ответственный секретарь

Лариса Подистова
начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Сергей Москвитин
редактор отдела художественной литературы

Татьяна Седлецкая
редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Л. Р. Юкляева
Верстка: С. В. Колотилов

6/2024

Содержание

ПРОЗА

Александр АМБРОСЬЕВ.

Аарыма. Превратности волчьей судьбы. Повесть. 3

Наталья ДЕНИСОВА. **Последняя льдина.** Миниатюры. 67

Андрей КОРОЛЕВ. **Короткометражки.** 72

Александр НАЙДЁНОВ. **Хроника давнего лета.** Рассказ. 80

Александр ПОНОМАРЕВ. **Зависимость.** Рассказ. 103

Дмитрий РОМАНОВ. **Белка.** Рассказ. 112

ПОЭЗИЯ

Юрий ВОРОТНИН. **Время побега.** Стихи. 63

Роман РУБАНОВ. **Дым акаций.** Стихи. 116

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Евгений ЖУРАВЛИ. **Волонтерские будни.** 119

Народные мемуары

Валерий ГАБРУСЕНКО. **Что было, то было. Окончание.** 138

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Лаборатория критического субъективизма

Дарья ЕФРЕМОВА. **Держись, Собакин!**

О романе Кирилла Рябова «Дирижабль». 162

Елена САФРОНОВА. **Об остросюжетной прозе**

как ценном историческом источнике. 166

Анна ЖУЧКОВА. **Поиграем в постмодерн.** 169

Константин КОМАРОВ. **Зачем «Зачем поэзия».**

О книге Владимира Козлова «Зачем поэзия». 172

Вера КАЛМЫКОВА.

О русском языке, культуре отмены и судьбе поэта. 176

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Владимир БОРИСОВ. **Разговоры с экипажем,**

или Кого взял бы на свой ковчег Геннадий Прашкевич? 180

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

Наталья ТРИГАЛЕВА. **Вдохновленный Енисеем.**

О художнике Николае Сальникове. 188

Авторы номера 190

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

И. о. главного редактора, и. о. директора ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни» М. В. Хлебников

Александр АМБРОСЬЕВ

ААРЫМА. ПРЕВРАТНОСТИ ВОЛЧЬЕЙ СУДЬБЫ¹

П о в е с т ь

Глава первая

Гибель волчонка

Настали чудесные долгожданные деньки, знойная маковка короткого лета, когда луга и алаасы² Срединной земли покрылись зеленым ковром шелковистой травы, пестро изукрашенным яркими цветами. Когда в такие дни окунаешься в прохладу скромной березовой рощицы, то легкое дуновение ветерка и трепет изумрудных листьев вливают в душу умиротворение и словно настраивают на новую жизнь. Кажется, что все кругом дышит любовью и нежностью.

Сегодня выдался особенно жаркий день. Каждое существо норвило спрятаться в вожденную тень, и лишь неутомимые оводы беспрестанно жужжали меж цветов и трав. Однако Аарыма³ покинул окрестности благословенного родного алааса и пустился в неблизкий путь. Тому была веская причина: Кылбара⁴, молодая подруга матерого волка, кормила первый в ее жизни выводок из четверых почти непрерывно сосущих материнское молоко мохнатых щенят. Волчице нужно было хорошо питаться, иначе она слишком отощает и ей будет трудно пережить предстоящую суровую зиму. Потому новоявленный глава волчьего семейства не ждал спасительной ночной прохлады, а вышел на промысел, чтобы поскорее добыть свежего мяса. Была у него и другая важная причина. Волчье семейство решило переселиться в верховья одного из бесчисленных притоков длинной извилистой Большой речки. Аарыма был уверен, что там, на обильно заросших тальником берегах,

¹ Журнальный вариант второй части повествования о волке (первая часть была опубликована в № 6 за 2023 год). Перевод с якутского Алексея Амбросьева (Сизн Мунду).

² *Алаас* — типичный для равнинной Якутии ландшафт: поле округлой формы с пологими, как правило, склонами и чаще всего с озером посередине. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

³ *Аарыма* — очень большой, громадный, матерый.

⁴ *Кылбара* — здесь: блестящая, светлая, чистая.

волчатам будет безопаснее и вольготнее. Щенки, да и он сам с Кылбарой, быстрее нагуляют необходимый жир, и у них вовремя загустеет необходимый в холода подшерсток. И конечно, всегда лучше заранее изучить окрестности, чтобы выбрать удобные для волчьей пары с щенками места лежки в защищенных со всех сторон местах.

Кылбара с выводком неугомонных волчат неотступно и осторожно следовала за Аарымой. Волчица держалась на почтительном расстоянии, но по едва приметным следам и запахам главы семейства чувствовала, есть опасность для щенят или нет.

Огромный волк бесшумной тенью будто плыл по-над землей, мелькая сквозь разлапистые ветви густого вечнозеленого ельника, служившего серым хищникам надежной защитой и зимой, и летом. Скоро Матерого можно было видеть уже меж стволов громадных лиственниц, выделявшихся среди остальных деревьев особой статью и величиим. Аарыма бежал тихой трусцой по мягкой, густо заросшей мхом земле, где то тут, то там виднелись полянки еще не созревшей брусники. От его зоркого взгляда и чуткого слуха ничего не ускользало. Время от времени вспугнутые им шустрые белочки в летних буро-красных или рыжих шубках стремительно взбирались на верхушки деревьев, откуда, наострив ушки, с любопытством рассматривали нежданного гостя.

Осмотр близких и дальних владений Аарыма начал с охотничьих угодий, расположенных к западу от укромного логова, где они до этих пор обитали с молодой волчицей. По пути возле густых березняков волк заметил немало просторных лужаек с хорошим травостоем, где, судя по следам, постоянно паслись и отдыхали косули. Затем проведаль залитые солнцем лесные прогалины, глубокие распадки со струящимися чистыми водами, алаасы с круглыми, как блюдце, озерами и подумал: это, пожалуй, прекрасные места, чтобы привести сюда пока неуклюжих смешных волчат для натаскивания на добычу, когда они еще чуть-чуть подрастут.

Аарыма, которого течение жизни вынесло на новую стремнину, продолжал бежать легкой трусцой по зеленым пологим возвышенностям, размышляя о превратностях волчьей судьбы. Незаметно для себя он перемахнул срединные холмы и большие увалы с высоченными стройными лиственницами и оказался невдалеке от заветной речки с густо заросшими тальником берегами. Вскоре он наткнулся на совсем свежие следы. Судя по ним, это была молодая лосиха-первородка с еще маленьким сеголетком — теленком нынешнего года, чей красновато-рыжий мех только начинал меняться на коричневый. Они направлялись напрямик к лесному озерцу, расположенному на сопке в бывшем горельнике. Хищник, почуяв добычу, весь подобрался и немедленно устремился вслед за явно спешившими лесными скороходами. Иногда Аарыма останавливался, внимательно принюхивался, потом вновь пускался в погоню. Видимо, жара и многочисленные слепни, докучавшие сохатым, заставили их ринуться напролом к спасительной прохладе лесного водоема. В такие минуты, конечно, любой может потерять бдительность, даже лосиха-мать. Теперь все зависело от серого

охотника — как он сможет распорядиться неожиданным подарком Баай Барыылаах Байаная⁵. Если удача от него не отвернется, то волчье семейство уже сегодня вдоволь полакомится вкуснейшими нежными потрохами и еще теплой кровью.

Матерый волк, скользивший бесшумной тенью меж деревьев, внезапно остановился. Он точно знал, где находится затерянное на таежной сопке озеро, и потому решил не подходить слишком близко к тем, кого преследовал. «Лучше дождаться здесь своих», — пронеслось у него в голове, и он притаился за буреломом. Обуревавшие хищника охотничий азарт и нетерпение заставляли его время от времени приподниматься и вглядываться в сторону, где находилась предполагаемая добыча. Быть осторожным не мешало. Скоро лосиха избавится от докучливых слепней, уймется нестерпимый зуд от укусов бесчисленных мелких кровопийц, и к ней вернется прежняя бдительность. Аарыма опасался, что тогда большие и чуткие уши лосихи-матери смогут уловить любой посторонний звук. А вот пугающие запахи она, скорее всего, почувствует позже: буйствующая вокруг зелень источала сильный, все перебивающий аромат. Это, конечно, поможет волкам немного выиграть расстояние, подойти для нападения чуть ближе. К тому же волк затаился на подветренной стороне.

Кылбара, шедшая по следам Аарымы, сразу определила момент, когда началась охота. Волчица прибавила ход и уже вскоре вместе с четырьмя щенятами была рядом с поджидавшим их отцом семейства. Пара устроила щенят под толстым стволом упавшей лиственницы. За жоака выводка родители оставили волчонка, который при появлении на свет первым скатился на устланную мягким мхом землю, а сами, прячась за большими деревьями и густым ивняком, направились в сторону пока ничего не подозревавшей лосихи с телянком. Старший волчонок пошел в отца: по сравнению с другими щенятами у него и лапы побольше, да и в целом он крупнее остальных. Он обладал всеми задатками настоящего жоака. Уже сейчас он задавал хорошую трепку чересчур расшалившимся младшим волчатам, и те его слушались, поскольку у них в крови было: каждый в стае должен знать свое место. Вот поэтому родители не в первый раз оставили малышей под его присмотром. Второй волчонок больше походил на мать, у него были такие же рыжеватожелтые подпалины на брюшке и на скулах. Он побаивался старшего брата, поскольку ему, как самому шустрому и зачинщику всей щенячьей кутерьмы, доставалось от того больше всех.

Волчата, еще ни разу не участвовавшие в большой охоте, превратились в глаза и уши. Они с нетерпением прислушивались к каждому шороху, чтоб уловить звуки охоты матерых таежных следопытов.

Аарыма и Кылбара подкрались к лесному озеру.

Вырвавшиеся на открытое пространство потоки воздуха, будто освободившись от мешающих вольному движению объятий могучих

⁵ *Байанай* — дух леса, покровитель охотников и рыбаков. *Баай Барыылаах* — постоянный эпитет к имени Байанай. Буквально — «имеющий богатство», «богатый».

лиственниц и непроходимых кустарников, сплелись в легкий ветерок и, оставляя на водной глади мерцающую солнечную рябь, затеяли веселый танец-хоровод. Молодая лосиха-мать находилась посередине озера. Прижав большие подвижные уши, она с наслаждением окуналась в чистую прохладную воду, шумно и с удовольствием фыркала длинным, с горбинкой носом. После каждого появления из-под воды она, чтобы поскорее избавиться от надоевших слепней и мошкары, встряхивалась всем коротким сильным туловищем, и тогда мириады капель разлетались во все стороны и вокруг купающейся лосихи возникала яркая радуга. Лосенок на длинных тоненьких ножках радостно резвился ближе к берегу. Чувствовалось, что до воды мать с теленком добрались недавно и еще не успели остудиться и вдоволь насладиться купанием.

Хищники переглянулись. Понимавшая вожака с полувзгляда волчица попятилась и скрылась в лесной чаще. Аарыма подкрался к берегу еще ближе и затаился так, что волка можно было заметить, лишь почти наступив на него. Легкий ветерок по-прежнему обдувал хищника со стороны озера, так что плескавшиеся в воде сохатые никак не могли учуять его. А вот запах живой плоти вперемешку с запахом мокрой шерсти так раздражающе щекотал ноздри матерого волка, что тот изошел слюной. По его расчетам, Кылбара уже скоро должна была оказаться на противоположной стороне озера. Лосиха, как бы ни окуналась в воду и ни фыркала, непременно почувствует запах хищницы. И тогда мать инстинктивно бросится к лосенку и они, скорее всего, рванут напрямик в спасительную тайгу. Но сначала им предстоит преодолеть участок с высоким кочкарником, и именно в этот момент Аарыма не должен упустить свой шанс.

Вскоре не в меру расшумевшаяся и потерявшая на время бдительность лосиха-мать замерла. Ее большие уши насторожились, мягкие влажные ноздри широко раздулись. Видимо, она учуяла запах волчицы-загонщицы. Еще мгновение, и она, вздымая брызги воды, помчалась к лосенку. Как только лосиха достигла заросшего травой мелководья, теленок пристроился к ней сбоку, и они вместе выбежали на берег.

Все получилось по расчету Аарымы. Едва сохатые достигли высокого кочкарника, который мешал развить большую скорость, притаившийся на их пути серый охотник рванул с места. Всего лишь пара огромных прыжков, и матерый волк с ходу вонзил клыки в горло лосихи. Но Аарыма не сумел сразу прокусить толстую шкуру, и лосиха-мать начала резко мотать головой. Она, хоть и была молода, обладала мощью, несравнимой с волчьей. Удачный резкий взмах головой мог размазать вцепившегося в шею хищника о кочку, а если бы лосиха сумела добраться до деревьев, то первый же удар об ствол могучей лиственницы стал бы для волка гибельным. Передними лапами серый беспомощно хватался за мокрую шкуру сохатого, а задние почти при каждом взмахе лосиной головы теряли опору и попросту болтались в воздухе. Несколько раз Аарыму так сильно приложили к здоровенным кочкам, что у него помутнело

в глазах и он чуть не потерял сознание. Волк не разжимал клыки, иначе, он это прекрасно понимал, охота закончится ничем. Но так долго продолжаться не могло.

В решающий миг — как только успела! — появилась Кылбара. Стремительный выпад — и острые, как бритва, клыки волчицы подрезали подколенные мышцы и сухожилия задней ноги жертвы. Захромавшая лосиха-мать допустила роковую ошибку. Она, все еще пытаясь скинуть вцепившегося ей в горло волка, замедлила ход и оглянулась, ища взглядом чуть отставшего во время яростной схватки лосенка. Этого было достаточно, чтобы Аарыма нащупал под лапами твердую опору, и он в мгновение ока с новой силой клацнул зубами. В этот раз, несмотря на плотную и грубую шерсть на горле, волку удалось прокусить его. Матерый, почувствовав солоноватый вкус крови, резко рванул клыками. Из артерии брызнула кровь. Дело было сделано. Аарыма, чтобы не попасть под убийственные выпады заостренных копыт, резко отскочил в сторону. Кровь била струей из смертельной раны, но лосиха все же нашла в себе силы прикрыть собою лосенка, и они углубились в лес — как раз в том направлении, где волчья пара оставила щенят.

Аарыма, тяжело дыша, стоял и отфыркивался от набившейся в пасть лосиной шерсти. Кылбара была рядом. И тут они поняли, куда направились сохатые! Волки пустились вслед за раненой лосихой и лосенком. Догнали их, когда жертвы уже дошли до упавшей лиственницы, где притаились волчата. Потерявшая много крови лосиха-мать бессильно прислонилась к растущему рядом с буреломом дереву. В этот момент самый шустрый и любопытный из щенят опять не послушался старшего брата, выбежал навстречу лосенку и тут же попал под смертельные удары его заостренных копыт. Раздался жалобный визг волчонка. Гигантский прыжок — и матерый волк опрокинул лосенка. Тот еще не успел упасть на землю, как клыки Аарымы разорвали ему горло. И во второй раз за этот день во все стороны брызнула кровь. Лосенок попытался было встать, но тут же завалился на землю и, подергав немного тоненькими длинными ножками, затих. Прислонившаяся к дереву лосиха-мать едва стояла на ногах. Она не могла видеть, как все произошло, но услышала последний хрип детеныша, и силы покинули ее окончательно. Огромное животное, ломая сучья и подминая кусты, с шумом рухнуло, как подкошенное.

Наступила звенящая тишина...

По телу затоптанного насмерть волчонка пробежала судорога. Кылбара, которая только что неистовствовала в пылу охоты, понимала, что щенка уже не вернуть, но все прижималась к нему и продолжала слизывать выступившие на крохотном тельце капли крови. Вскоре она встала и, осторожно схватив за загривок безжизненного волчонка, ушла в чащу леса.

Два самых маленьких щенка хотели было последовать за матерью, но Аарыма чуть оскалил зубы, и они послушно остановились. Волк полоснул зубами подбрюшье лосихи, и из распоротого живота на траву хлынули

внутренности. Затем он ловко вытянул из дрожавшей, как холодец, массы покрытую жировой сеткой толстую кишку и ткнул щенят в исходящий паром деликатес. Волчата, еще никогда не пробовавшие столь жирной вкусной еды, с удовольствием начали разрывать крохотными зубками нежную плоть. Сидевший до этого молча старший щенок встал и присоединился к ним. Сегодня все происходило тихо. Никакой радостной волчьей песни, когда многоголосое эхо разносит над деревьями весть об удачной охоте, не было. Матерый лишь для приличия и соблюдения законов тайги издал короткий вой.

Кылбара появилась, когда семейство уже наелось до отвала и отдыхало в тени деревьев. Аарыма знал, что она схоронила убитого волчонка, но почему-то не встал и не подошел к ней...

Три дня и три ночи над лесистой возвышенностью, где под торчащими корнями сваленной бурей могучей лиственницы появился холмик из веток и мха, раздавался проникающий до самых глубин живого сердца волчий плач. Щенята, потрясенные случившимся, навсегда запомнили неумолимый закон волчьей стаи: малейшее неповиновение вожаку может привести к трагическому исходу. И еще они поняли, что любое существо, маленькое или большое, будет биться за жизнь до конца.

Охота на косуль

Пышный наряд земли увял, и природа стыдливо прикрылась тонким выцветшим одеялом еще только подступившей осени. В умиротворяющей тишине густая отава, напоминая о жарких летних деньках, украсила живописным зеленым ковром луга и прогалины. От нее старался не отстать и растущий на буреломах полевой хвощ, чья вызывающе яркая зелень бросалась в глаза. Но все-таки осень постепенно брала свое: тихие перелески и густая тайга, будто соревнуясь друг с другом, начали менять зеленое убранство на желтое. Березы, ивы и осины замерли в ожидании какого-то неведомого сигнала, по которому они враз осыплют землю золотым дождем опадающих листьев. А пока только редкие листики с темными, будто вены, жилками срывались спросонья с веток раньше времени и, удивленно качаясь в почти безветренном прозрачном воздухе, медленно уплывали куда-то вдаль...

Опустились сумерки. Для небольшой стаи во главе с Аарымой наступило время охоты. Волки собрались караулить пугливых косуль, хоронившихся днем в лесной чащобе и выходивших пастись на небольшие поляны и алаасы с сочной травой только с наступлением темноты. Сегодня путь волков лежал к вытянутому с севера на юг большому алаасу, где раньше вольготно паслись многочисленные стада коров и табуны лошадей. Выстроенная некогда система каналов пришла в запустение, и вода, перелившаяся через заброшенные запруды, затопила большую часть алааса. Теперь в безоблачный день невозможно было разглядеть дальний берег из-за ярких солнечных бликов на зеркальной глади.

Волки прошли сначала по короткой южной стороне алааса с вклинившимся лиственничным мысом и старым заброшенным ётёхом⁶, где с западной стороны виднелся желтый островок березок, которые к прежнему ложу озера росли ближе остальных деревьев. Затем хвостатые лесные охотники, так же прикрываясь ивняком и густыми кустарниками, осторожно потрусили по западному косогору алааса.

К вечеру небо заволокло низкими облаками, предвещающими перемену погоды. Совсем стемнело. Время от времени сквозь прорехи небесного покрова на землю проливалось потоком лунное сияние. Потом вновь наступала кромешная тьма. Но, несмотря на постоянное движение ночных облаков и чередование тьмы и света, в алаасе было тихо и безветренно.

Волки, чутко принюхиваясь, продолжали круговой обход алааса. Они передвигались бесшумно, будто тени облаков в те редкие минуты, когда выглядывала луна. Вдруг шедший чуть впереди остальных вожак, ступавший осторожно, чтобы не хрустнула даже успевшая засохнуть листва, замер. Появившееся в прогалине меж облаков ночное светило лишь на миг озарило землю, но этого было достаточно, чтобы Аарыма успел заметить возле березового островка косуль. Их глаза, будто упавшие с небес на землю звездочки, предательски сверкнули фосфоресцирующим светом.

Матерый хищник тотчас укрылся в лесу. Почувствовавшие азарт волки нетерпеливо сгрудились возле вожака. Наступили минуты наивысшего напряжения, когда предвкушение действия будоражит кровь, заставляет учащенно биться сердце и гонит вперед. Опытные Аарыма и Кылбара знали, что самым главным в предстоящей скоротечной охоте является холодный расчет и умение выждать подходящий момент. Волчата их первого помета были совсем еще юны, но лобастый первенец-крепыш уже обладал всеми задатками прекрасного охотника и будущего лидера. Он с рождения был рассудительным, и потому родители нарекли его Джосун⁷. Неудивительно, что Аарыма и Кылбара взяли его с собой, а двух младших определили загонщиками.

Охота началась!

Хорошо обученные волчата выбрали правильную позицию. Они зашли к ничего не подозревающим пасущимся жертвам со стороны озера. Застигнутые врасплох косули, не ждавшие хищников именно отсюда, бросились врассыпную. Большинство, как и предполагал Аарыма, помчалось, полетело сквозь березовую рощицу, через поляны напрямиком к лесной чаще. Матерый опытный волк прекрасно знал, что как только изящные косули с длинными, красиво изогнутыми шеями достигнут деревьев, то они тут же растворятся в ночном лесу. И попробуй сыщи их там! Они так запутают следы, что в кромешной темноте у серых охотников почти не будет шансов отыскать их. Потому волки и устроили

⁶ Ётёх — место, где ранее стоял дом, остатки заброшенной усадьбы, жилья. Поскольку предки народа саха раньше селились по принципу «один алаас — одна семья», ётёхи в Якутии встречаются повсеместно.

⁷ Джосун — важный, солидный, достойный, громадный.

засаду у открытого, хорошо просматриваемого участка, расположенного между островком березок и глухой стеной тайги на краю алааса. Расчет мудрого вожака оказался верен: вскоре послышался топоток маленьких копыт по скошенной стерне, и в лунном свете показалась косуля, выбежавшая прямо на Аарыму. И тут же луна, будто ей стало стыдно за то, что предательски осветила пытавшееся скрыться нежное создание, поспешила спрятаться за темные облака. На земле опять воцарилась мгла. Но вожака было уже не остановить. Он почти наугад схватил за заднюю ногу пролетавшую над ним в высоком прыжке косулю, а затем одним движением мощных челюстей перекусил тонкий хребет жертвы.

Кылбара также удачно поохотилась и дала Джосуну возможность добить подранка. Молодой охотник весьма ловко прекратил агонию жертвы. Остальные косули сумели прорваться к спасительным чащобам.

Наступило затишье. Лишь в березовом островке на краю алааса оставшиеся ни с чем младшие волчата гоняли взад и вперед одинокую косулю. Пока старшие члены стаи ждали, чем это закончится, ночную тишину неожиданно нарушил взревевший двигатель трактора. Этот звук был очень хорошо знаком Аарыме по временам его соседства с двуногим, который, как теперь казалось волку, существовал в какой-то совсем другой его жизни...

Работники только что управились с изгородью вокруг уложенного ими стога сена и, несмотря на глубокую ночь, возвращались домой. Они уже с вечера почувствовали, что погода скоро переменится. Колесный трактор с людьми в прицепе аккуратно ехал по укатанной полевой дороге вдоль темной стены леса. Он не пытался спрямить путь, а послушно следовал всем плавным изгибам, спускам и подъемам. Свет фар то исчезал, то появлялся вновь, будто мелькавшая меж облаков луна с вечными спутниками — звездами. Вскоре, когда фары выхватили из темноты поляну меж темным лиственничным лесом и березовой рощицей, люди из прицепа заметили трех волков, которые пересекали дорогу. Первым шел громадный волк, легко несший в зубах взрослую косулю, а за ним следовали звери поменьше, видимо, еще волчата. Они спокойно, без видимой суеты дошли до леса и скрылись в нем.

Сидевшие в прицепе люди молча проводили волков взглядом. А потом заговорили все разом.

— Нет, ну вы видели? Вот это волчище! Просто монстр какой-то!

— Да уж... И откуда он только взялся? Вроде бы летом его в наших краях не было...

— Матерый волчище. Никогда не думал, что бывают такие гиганты...

Возбужденные голоса мужчин, никак не ожидавших увидеть столь матерого волка в алаасе, где они провели все лето, постепенно удалились и стихли. Лишь еще какое-то время слышался шум трактора, но вскоре пропал и он.

А в это время Кылбара, на сердце которой еще не зарубцевалась рана от утери любимого непослушного щенка, затоптанного копытами лосенка, задала двум маленьким волчатам хорошую трепку. И было

за что. Они так увлеклись охотой за одинокой косулей в березовой роще, что в пылу азарта даже не заметили шума дымодышащего четырехколесного со светящими глазами, едущего прямо в их сторону. Вот и пришлось Аарыме в спешном порядке отправиться за ними в рощу, а затем мелькать с волчатами перед двуногими. По пути опытный вожак успел перехватить и завалить убежавшую от незадачливых волчат косулю. Люди заметили их, когда они как раз возвращались к поджидавшим их матери семейства и Джосуну.

Волчица-мать представила себе, что могло произойти, если бы вожак не успел за волчатами, и ей стало жутко. Ей привиделась страшная картина: вот выскакивают из прицепной тележки двуногие с огнедышащими железными палками и расстреливают волчат, а те, захлебываясь кровью, катятся кубарем и замирают на земле. И ей стало жутко. Оттого она и задала хорошую трепку провинившимся отпрыскам. Волчата хорошо усвоили новый материнский урок: надо ухо всегда держать востро. Нельзя легкомысленно подвергать смертельному риску свою жизнь и жизнь других членов стаи.

Поневоле выдавший двуногим свое присутствие, Аарыма решил, что ему с еще не подростками волчатами ссориться с местными жителями совсем ни к чему. У него уже был горький опыт. Хотел волк этого или нет, но отныне все коневоды и охотники, до которых мгновенно дойдет слух о его существовании, дружно ополчатся на огромного зверя. Так что ему вместе со стаей следует убраться отсюда подобру-поздорову. И как можно дальше, в другие богатые живностью места. Лучше уйти к верховьям двух притоков Большой реки, ближе к тем местам, где он впервые встретил молодую Кылбару.

Аарыма жив!

Отшумели осенние порывистые ветра, срывавшие с лесного покрова тайги золотые листья и устилавшие землю мягкой хвоей. По ночам ветви деревьев начали покрываться нежной серебряной вязью. Но стряхнувшая пышную позолоту тайга недолго выглядела сиротливо голой и черной. Накануне больших холодов она с несказанной радостью примерила новый роскошный белоснежный наряд. В это время притихшие таежные возвышенности с пологими склонами бывают особенно притягательны: воздух прозрачен и чист, все кругом дышит умиротворяющим покоем. Сначала кажется, что накануне наступающих холодов величественное белое безмолвие нарушают лишь редкие птички трели да хлопотунья белка, запасающаяся на зиму шишками и другой необходимой снедью. Но несколько минут спокойствия и внимания, и ты уже начинаешь удивляться обилию следов птиц и всевозможных зверьков на свежевыпавшем пушистом снегу. Увидевший их разнообразие поневоле задумывается о том, почему вся эта живность никогда не меняет сдержанный и суровый нрав родных краев на теплый климат южных стран.

Белка уже успела поменять летнюю шубку на зимнюю, с плотным и густым мехом сероватого цвета, белым на животике, и теперь без конца

сновала, утепляя жилище. То тут, то там у подножья темно-зеленых елей виднелись остатки ее обеда: шелуха, шишки и семена. Утепляться было действительно нужно. И не только шустрому лесному зверьку с длинным пушистым хвостом. Судя по слишком крепким для этого времени года ночным холодам, зима ожидалась малоснежная и оттого особо суровая, с долгими трескучими морозами и колючими ветрами.

Волчья стая переселилась ближе к родным краям Кылбары и присмотрела для себя укромные места в верховьях одного из притоков Большой речки. Прибыв туда, они почти сразу наткнулись на свежие следы диких оленей и тотчас решили потропить их. Не зря же говорят, что волка ноги кормят. К тому же именно сейчас родителям надо было хорошо откормить волчат, создать у них запас жира, поскольку в лютые зимние холода им по несколько дней, а то и недельку-другую придется обходиться без еды. Ну и настало время отработать и закрепить навыки коллективной охоты и умение беспрекословно слушаться вожака. А то последний случай с двуногими дал старшим волкам повод крепко задуматься об этом. Только действующая заодно стая может перезимовать без потерь.

Кылбара с двумя младшенькими осталась в засаде. Аарыма и Джосун пошли по следам оленей, чтобы догнать их и направить к поджидающим охотникам. Если вожак не ошибся, то сейчас преследуемые ими олени находились в излюбленном месте отдыха — в густых тальниках у какой-нибудь прибрежной поляны. Волки устремились туда.

Аарыма был прав. Следы оленей вели в сторону заливных лугов. Волки осторожно подкрались к растущему на пологом косогоре сосняку и стали изучать, что происходит внизу, в тальнике. А с левой от волков стороны, где после вырубki сосен образовался пролесок, прямо к ним неслась во весь опор темной масти псина с белой полоской вокруг шеи. Не отставала от нее и светло-рыжая, почти лисьего окраса, собака. Заметив волков, собаки дружно залаяли, давая знать хозяевам-охотникам, что кого-то увидели. Стоявшие в низине сторожкие олени услышали громкий лай и мгновенно рванули на противоположный берег. Раздосадованный сорванной охотой, Аарыма гневно оглянулся и грозно зарычал. То же самое сделал и Джосун. Хищный оскал и сверкающие огнем глаза ничего хорошего псам не сулили.

В этот момент на прогалине сосняка показались три всадника. Заметив на возвышении матерого волка и бегущих к нему собак, они сразу поняли, какая беда ждет их четвероногих друзей. Двуногие, выхватывая ружья, закричали что есть силы, подзывая собак. Увидев стремительно приближающихся охотников, Аарыма решил отступить, тем более что рядом с лошадьми мелькали и другие хвостатые следопыты. Матерый волк мог быстро справиться с псом, но он достаточно прожил на Срединной земле и знал, что двуногие с огнедышащими железными палками очень опасны. Любой выстрел может оказаться для волков смертельным. Однажды, как раз в этих местах, Аарыма

своими глазами видел, как двуногие из таких штук уложили оленей, находящихся аж на другом берегу. И это тоже было в разгар сезона охоты на белок с новенькой зимней шубкой. Волк запомнил тот случай на всю жизнь.

Черная собака с белой полоской вокруг шеи превратно поняла громкие крики хозяев. Она восприняла их как поощрение, побуждение к атаке и вознамерилась с разбегу напасть на чуть приотставшего от отца Джосуна. Увидевший это Аарыма, позабыв обо всем на свете, прыгнул навстречу собаке и в мгновение ока просто разорвал ее. Она даже взвизгнуть не успела. В этом страшном зверином выпадении смешалось все: и желание защитить своего отпрыска, и раздражение от сорванной охоты.

Раздался сухой треск выстрела. Пуля вонзилась в стоящую рядом с волками сосну и отщепила большой кусок коры, обнажив светло-желтоватый ствол. Второго выстрела Аарыма и Джосун ждатель, разумеется, не стали и пустились наутек.

Несмотря на случай с собаками и стрельбой, которая могла закончиться весьма плачевно, Аарыма решил, что от первоначального плана отказываться не стоит. Убежавших оленей они с Джосуном догнали уже возле Большой речки, но сумели вдвоем развернуть их и направить обратно вверх по течению, к поджидавшим в засаде другим членам стаи. Мудрый волк рассуждал так: «Охотники вышли белковать. Значит, они пойдут дальше и обязательно наткнутся на свежие следы волков, подстерегавших оленей. Двуногие поймут, что серым хищникам и дела не было до собак, которые просто помешали их охоте. И еще они поймут, что убитый пес — это трагическая случайность... Пойдут вдоль речки. Потом, скорее всего, разделятся. Не будут же они гурьбой гоняться за белками».

И надо сказать, в своих рассуждениях Аарыма не ошибся.

Оставив Джосуна и дальше гнать стадо в нужную сторону, вожак свернул направо и углубился в тайгу. Сейчас самое время осторожно разведать, не направился ли сюда кто-нибудь из встреченных ими всадников. Но никаких свежих следов круглых копыт лошадей, а также запахов псины Аарыма не обнаружил. На обратном пути он наткнулся на двух оленей, видимо, отбившихся от основного стада, и тотчас развернул их. Вожак забеспокоился. Может, Джосун, в ожидании опытного отца, замедлил ход или, наоборот, слишком близко подошел к оленям и они от испугу разбежались. Тогда, считай, вся охота насмарку. Но, подойдя ближе, матерый волк понял, что все олени вновь воссоединились в одно стадо. Аарыма остался доволен охотничьими повадками молодого волка. Джосун, не отвлекаясь на двух то и дело отлучавшихся особенно беспокойных детей тундры, степенно, в одном темпе преследовал основное ядро стада. Он лишь иногда забегал вправо или влево, чтобы направлять животных в нужную сторону. На взгляд вожака, Джосун в качестве загонщика вел себя не по годам толково. А ведь это простое умение, вырабатываемое у серых хищников годами.

Приближаясь к месту засады, загонщики начали то и дело подвывать, все громче и увереннее. Этим воем они не только давали знать Кылбаре и двум младшим волчатам, с какой стороны их ждать, но и не позволяли оленям разбежаться. Вдруг, перебивая шум гудящей от ветра тайги, впереди послышалось неистовое рычание и звуки яростной борьбы. Раздумывать было некогда, и Аарыма с Джосуном бросились в подвернувшийся в густой чащобе просвет из молодых лиственниц. Оказалось, что Кылбара с волчатами уже завалили двух животных, успели, разрезав клыками их глотки, утолить жажду, утихомирить охотничий пыл свежей дымящей кровью, и теперь ждали их. И тут Джосун заметил, что по лесистой возвышенности в направлении реки убегают еще четыре оленя. Решив, что теперь наконец-то настало и его время завалить добычу, он рванул было вслед за ними, но Аарыма тут же осадил его. С них хватит и этих двух, добытых Кылбарой. Нельзя убивать сверх меры направо и налево. Это закон тайги, и отпрыски обязаны знать об этом.

Вожак и его волчица, устроившись возле добытых маленькой стаей оленей, дружно исполнили традиционную песнь удачной охоты. К ним присоединились младшие члены стаи. И многоголосое эхо разносило над тайгой эту их радостную весть.

Через несколько дней молва о том, что Аарыма жив, облетела все ближайšie села и наслеги⁸. В интернет-мессенджере писали: «Вернувшиеся из тайги охотники-бельчатники своими глазами видели громадного волка, и это точно был пропадавший куда-то Аарыма. Все распространяемые ранее сведения о том, что кто-то из охотников убил его, — не более чем небылицы!» Более осведомленные люди делились деталями. В частности, рассказывали об одном из бельчатников, который раньше видел Матерого и сейчас опознал его живого. Теперь разговор каждого табунщика и охотника, да и весьма далеких от охоты жителей начинался с расспросов про лесного хищника, не видел ли кто его новых следов и так далее. Казалось, еще немного, и люди начнут справляться о его здоровье! Кого-то возвращение Аарымы из небытия искренне радовало, а охотники-волчатники, заявлявшие ранее, что они добыли матерого хищника, лишь молча выслушивали новости. Мол, с кем не бывает, могли и ошибиться.

Возвращение в родные края

Наконец-то отступили исторгаемые свирепым дыханием грозного Быка холода⁹ жестокие морозы с клубящимися туманами и настала долгожданная весенняя пора с ярким переливающимся солнышком. Дни удлиннились, все вокруг наполнилось мягким дыханием теплого воздуха. Небольшая стая Аарымы, соскучившаяся по просторным алаасам, где

⁸ *Наслег* — территория сельского поселения.

⁹ *Бык холода* — древнее олицетворение зимы у народа саха. Он выходит из Ледовитого океана в Срединный мир, и начинаются холода. С ростом его рогов морозы крепчают, а когда рога ломаются — ослабевают.

с приходом лета голову кружит непередаваемый аромат разнотравья, возвращалась в родные места.

Стая благополучно перезимовала в междуречье. Волчьему семейству чрезвычайно повезло: как раз накануне наступления суровых холодов на юго-восток проследовали огромные стада диких северных оленей. Они покинули бескрайние просторы тундры, где опустилась полярная ночь, освещаемая лишь дрожащим изумрудным светом северного сияния. Там наступило время свирепых ветров, за белесыми полотнами которых не было видно ни зги, и мокрый снег превращался в ледяной наст, разрезающий в кровь олени ноги. Животные откочевывали на зимовку к спасительным ягельникам, расположенным у подножия высоких скал, чтобы вырастить там новое потомство. Так было испокон веков. Так было и в этот раз.

Одно крыло бесконечно струящегося по тайге поголовья прошло, задев междуречье, где обитало семейство Аарымы. Для волчат, выросших в алаасных лесах в окружении тихих перелесков, это стало невиданным доселе событием. Стае удалось отсечь и изолировать несколько групп по десять, а то и двадцать оленей, которые так и остались пастись в богатых на ягельники местах. И волки всю зиму спокойно охотились на оставшихся животных.

Алаасные владения Аарымы, где в просторных полях гуляют вольные ветра и поет свою песнь вековая тайга, граничили на юге с обширной территорией другой стаи во главе со старым вожаком. Вернувшись из междуречья, Аарыма узнал, что стада оленей прошли и через эти соседские земли. Только закончилось это весьма печально. Вечные спутники большого скопления мигрирующих животных — серые разбойники, не признающие никаких законов тайги и любых границ, — принесли местным жителям неисчислимые беды. Вольготно охотясь на диких оленей, пришлые разбойники задрали без всякой надобности множество домашних лошадей и вбили клин смертельной вражды между избегавшими охотиться в родных местах волками и людьми. Коневодам-табунщикам недосуг было разбираться, что за хищники завалили их длинногривых детей Джэсёгея¹⁰. Старый вожак местных волков Кырыктаах¹¹ был бессилен в своей ярости. Он прекрасно отдавал себе отчет, что ничего не может противопоставить многочисленным волкам, следующим за стадами оленей. Вожак состарился. Уже клыки истерлись и силы не те. Он был в том же возрасте, в каком некогда встретился Аарыме Хосуун, другой серый старейшина, живший по законам тайги и никогда не преступавший их. Кырыктаах, насколько мог, тоже придерживался законов вечной тайги, но стремительно терял авторитет, и несколько самых сильных переярков из стаи ушли вместе с чужаками. И теперь остались лишь сам Кырыктаах с верной подругой и два молодых волка из прошлогоднего выводка.

¹⁰ *Джэсёгей* — в мифологии народа саха небесный покровитель коней и отважных мужчин.

¹¹ *Кырыктаах* — злобный, лютый, агрессивный.

После того как стада оленей прошли, для крохотной стаи Кырыктааха настали по-настоящему черные дни: молодые глупые волки, уже распробовавшие нежнейшее мясо длинногривых, достававшееся им даром после пиршества чужаков, решили и сами покуситься на жирных кобылиц. Чаша терпения коневодов-табунщиков, только начинавших успокаиваться после разбоя пришлых волков, переполнилась. В ярости они решили полностью истребить местную стаю. Жители ближайших наслегов и раньше воевали с серыми хищниками, но речь шла в основном о проходящих вместе с мигрирующими стадами оленей волках. Неудивительно, что вскоре два молодых самца стали добычей охотников-коневодов. Да и сам Кырыктаах едва спасся, оставив в хитро расставленном капкане истертые когти. И теперь он отпечатывал узнаваемый след без когтей. Далее события развивались стремительно. Для Кырыктааха и его состарившейся подруги, на глазах которых распалась их большая стая, месть стала единственным смыслом жизни. Вскоре хозяева длинногривых начали находить то тут, то там искалеченных или задранных кобыл.

Так долго продолжаться не могло. Кырыктаах понимал это, но назад пути уже не было...

Пока цветистое жаркое лето раздумывало в недоумении, уходить ему или задержаться еще немного, яркие краски вылиняли, словно их смыли водой, и наступила осень. Но и ее золотое царство продержалось недолго, и она незаметно и тихо попрощалась до следующего года. Вскоре лесистые возвышенности, поля и перелески запорошило, и только затем выпал густой зимний снег, который уже не растает до следующей весны. Он окончательно скрыл остатки осенней роскоши.

Первые крепкие морозы не заставили себя долго ждать. Ётёхи, поля и перелески заполнили пушистые зайцы-беляки. Они, будто разминаясь и разгоняя кровь, начали проторять множество троп по глубокому свежевывавшему снегу. Аарыма решил, что сейчас, пока еще держатся бодрящие утренние холода и следы длинноухих видны как на ладони, настало самое время молодым отпрыскам потропить набегавшихся за ночь беляков. Те с удовольствием и азартом взялись за дело. Обнаружив вскоре одну из наиболее утопанных заячьих троп, цепочкой пошли вдоль нее. И тут же тихим скулежом младшая из выводка дала понять, что учуяла добычу. Получившие сигнал двое старших устроили засаду в редколесье на опушке, в сторону которой вела заячья тропа.

Вскоре стало понятно, что беляк, почувствовавший слежку, сделал хитрый крюк и вознамерился вернуться обратно. Но молодые хищники уже были научены родителями, что зайцы частенько пользуются этим маневром, и потому лишний раз дергаться не стали, а тихонько переместились чуть поодаль по обе стороны тропки и стали ждать.

Немного погодя они увидели, как на поляне вырос снежный столбик. То был заяц-беляк, севший на задние лапы и прижавший передние лапки к груди. Он настороженно принюхивался, широко раздувая

ноздри темного, словно шишка, носа и поводя при этом во все стороны длинными ушами, концы которых были черны, будто их хватили измазанными сажей рукавицами. Большие миндалевидные глаза беспокойно оглядывали окрестности. Прошло некоторое время. Заяц вроде ничего опасного не обнаружил и теперь должен был вернуться назад по проложенной им же тропке, где его поджидали молодые волки. Все шло, как они и предполагали, но белая вдруг остановился, снова сел на задние лапы и весь превратился в настороженный слух. Еще мгновение, и он стремглав пустился в сторону леса. И только теперь удивленные хищники уловили невесть откуда появившийся новый звук. Но теперь казалось, что он слышится отовсюду.

Вдруг со стороны сопредельной территории, принадлежавшей некогда грозному вожаку Кырыктааху, из лесной чащи выскочила пара взрослых волков и устремилась к ётёху — как раз туда, где в засаде находились молодые охотники из стаи Аарымы. Следом за ними, разбрызгивая во все стороны еще рыхлый снег, показались две ревущие железные повозки с вооруженными двуногими. Они, сами того не ведая, отсекали младшую из отпрысков Аарымы от сидящих в засаде Джосуна с братом. Если сейчас удирающие от свинцовых пуль хищники двинутся в сторону сыновей Аарымы, то выведут охотников-волчатников прямо на них. И молодым волкам придется очень туго, поскольку охотникам не составит большого труда выследить их по свежеснеженному снегу. Та же участь постигнет и их сестру.

И в этот момент Джосун, сызмальства привыкший брать ответственность на себя, принял не по годам зрелое решение. Он смело выскочил из устроенной для засады лежки и во весь опор устремился в направлении Большой речки, где они зимовали со стаей. При этом дал понять брату, чтобы следовал за ним, и тот, с детства привыкший слушаться старшего, тотчас пустился за Джосуном.

Первая пара хищников уже скрылась в лесу. А перед охотниками неожиданно показалась другая пара волков, и люди, развернувшись, пустились в погоню уже за ними. Выросшие здесь серые прекрасно знали местность. Джосун, уводя охотников, специально выбирал косяки с завалами беспорядочно упавших елей и лиственниц или открытые участки с высоким кочкарником. Волчатников на расстояние верного выстрела отпрыски Аарымы так и не подпустили. Тем временем начало быстро смеркаться, и охотникам пришлось свернуть погоню и возвращаться восвояси. А успешно запутавшие их молодые волки на всякий случай решили переночевать в лесу на противоположном берегу Большой речки.

После того как младшая из выводка волчица пришла одна, Аарыма с Кылбарой осторожно заглянули в ётёх, где молодые волки пробавлялись охотой на зайцев. Судя по следам, дети тайги увели волчатников в сторону Большой речки, а старый Кырыктаах с подружкой, счастливо избежавшие смертельной погони, вернулись на свою территорию. Прошло несколько дней. Когда, встревоженные долгим отсутствием

отпрысков, Аарыма с Кылбарой уже собрались отправиться на их поиски, Джосун с младшим волком, наконец, появились.

Случившееся стало еще одним уроком молодым таежным хищникам, усвоившим, что в мире все взаимосвязано и каждое событие неминуемо влечет за собой другое. И к этому надо быть обязательно готовым.

Первая зимовка Джосуна

Когда утренние морозцы превратились в настоящие крепкие холода и земля основательно промерзла, Аарыма с Кылбарой и двумя младшими волчатами двинулись к местам прошлогодней зимовки. Что касается Джосуна, то вожак решил, что тот стал уже достаточно самостоятельным и ему пора начинать взрослую жизнь. Его оставили на территории рядом с бывшим двуногим соседом Аарымы — обжиться, осваиваться. Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что вожак еще осенью, задолго до первого снега, обошел со старшим отпрыском прежние обширные владения. Показал разные укромные уголки, солонцы, а также другие удобные для охоты места, где чаще всего любят пастись и хорониться пугливые косули.

Стая ушла. Но Джосун не скучал. Он неутомимо рыскал по всей территории, внимательно изучая ее и наблюдая за тем, что происходит вокруг. В один из дней, исследуя дальние распадки и луга, он неожиданно наткнулся на свежие следы неведомого ему чужака. Молодой волк не смог точно определить, кому они принадлежат, но, судя по размерам и глубине отпечатков лап с длинными когтями, зверь был крупнее и тяжелее Джосуна. Ступал он степенно и важно. С тех пор Джосун постоянно чувствовал незримое присутствие чужака. Более того, тот неизменно следовал за ним. Признаки его присутствия были везде. Теперь молодой волк был постоянно настороже и прислушивался к любому шороху.

Ранняя зима сковала все кругом льдом и засыпала снегом. Открылись большие зимники, по которым и днем и ночью проносятся, сотрясая стоячий холодный воздух, тяжело груженные машины. Их железный грохот далеко разносится над зимней тайгой. Джосун уже перестал обращать внимание на этот постоянный шум.

Однажды на южных границах своих владений, пробегая вдоль расчищенной недавно просеки, молодой волк вдруг заметил наверху одного из беспорядочных завалов деревьев коренастую, чуть сгорбленную фигуру. Он сразу догадался, что это и есть тот самый зверь, который с некоторых пор повсюду следует за ним. Джосун мгновенно приготовился вступить в схватку и продемонстрировал весь набор угроз: вздыбил шерсть на загривке, свирепо зарычал, оскалил зубы, прижал уши и, наконец, пригнув лобастую голову, пошел прямо на незнакомца. Похожий на маленького медведя темно-бурый коренастый зверь ничуть не испугался. Он еще более сгорбился, зарычал в ответ и, выставив короткие мощные лапы с длинными и острыми когтями,

сам приготовился напасть на Джосуна. Неожиданно на перекресток просеки и дороги выскочила железная повозка двуногих, шума которой Джосун не расслышал из-за постоянного грохота со стороны зимника. Впереди раскачивающегося на ухабах гудящего четырехколесного неслись два пса светло-рыжего окраса с белыми подпалинами. Они учуяли волчий дух и устремились к Джосуну. Увидев их, молодой волк мгновенно перемахнул через поваленные деревья и во весь опор пустился в лесную чащу.

А вот упрямая росوماха — это была именно она, — не привыкшая отступать ни перед кем, убежать не собиралась. Она еще сильнее выгнула спину и, встречая собак, издала грозное рычание и оскалила острые, как бритва, клыки. Но при виде людей и их техники с шибяющим в ноздри противным запахом все же была вынуждена забраться на ближайшую крепкую лиственницу. Там она устроилась на самом нижнем толстом суку и приготовилась защищаться.

Убегая от собак, Джосун успел заметить, как преследовавший его все последние дни зверь взобрался на дерево и как его окружили псы. Молодой волк отошел уже довольно далеко, но в общем шуме удаляющегося собачьего лая расслышал несколько сухих коротких выстрелов, звук которых уже научился различать раньше. Он не знал, чем закончилась история с незнакомцем, но догадывался, что огнедышащие железные палки просто так не прогемели.

Уйдя от просеки на приличное расстояние, Джосун более-менее успокоился, отдышался и теперь легко трусил по лесной тропе, проложенной в глубоком снегу длинноногими лесными великанами — лосями. В какой-то момент он неожиданно услышал нервное шуршание коготков белки, резво взбирающейся вверх по дереву, и по привычке таежного хищника поднял голову — узнать, что происходит. И успел заметить, как с толстой ветки соседней кряжистой лиственницы, издав душераздирающее уханье, прямо на него устремилась огромное пернатое существо с большими глазами. Молодой волк кое-как успел увернуться от мощных и острых крючкообразных когтей. Нападение было неожиданным, но реакция Джосуна была мгновенной: инстинктивное клацанье волчьих челюстей — и послышался хруст ломаемых костей. Но хищная птица и не думала сдаваться. Она продолжала чувствительно бить по волчьей морде здоровым крылом, а мощные когти, мелькавшие перед Джосунном, могли располосовать его в любой момент. Однако после короткой яростной битвы волк взял верх и вскоре с удовольствием отведал мяса напавшего на него существа. Это был огромный филин с бочкообразным туловищем и почти двухметровым размахом крыльев. Он лишь ненамного уступал по размерам беркуту, которого народ саха уважительно называет царь-птицей. Подобные гигантские экземпляры пернатых хищников встречаются довольно редко, и не совсем понятно, что заставило птицу напасть на волка, пусть и молодого. Зато в ночь после гибели филина зайцы, которых он держал в постоянном страхе, чуть ослабили бдительность, и Джосун добыл пару-тройку длинноухих. Наевшись,

далеко уходить не стал. Выбрал, как учил глава стаи Аарыма, удобное место на лесистой возвышенности с хорошим обзором местности, свернулся клубком и задремал чутким сном.

Отныне за Джосуном уже никто не следил. Слой снега стал толстым и плотным, наступили трескучие морозы. Все кругом замерло и, укрывшись белым одеялом, погрузилось в долгий дремотный зимний сон. Лишь изредка был слышен голос вездесущего и чрезвычайно любопытного черного ворона, которому не терпелось рассказать хоть кому-нибудь, что в местной тайге объявился новый клыкастый хозяин.

Полуголодная зима для одинокого молодого волка показалась бесконечно долгой. Тем ценнее были следы на чистом снегу, по которым Джосун мог точно определить, кто и куда направился. Он специально не мышковал, хотя частенько перекусывал мелкими грызунами, напрасно считавшими, что под глубоким снегом их никто не видит и не слышит. Чуткий слух пробежавшего мимо волка улавливал любое движение под толстым белым зимним одеялом полей и лесов, и молодому хищнику не составляло большого труда добыть мышей-полевок. Но самой желанной его добычей в эту снежную пору стала боровая дичь. Джосуну понравилось охотиться на нее. Рыская по алаасам и перелескам, особенно по опушкам стыдливо поникших голыми ветвями березок, он находил в глубоких сугробах лунки, в которых в самые сильные морозы ночевали рябчики или тетерева. Задремавшие птицы слышали подкрадывающегося волка лишь в последний момент, и, когда они взлетали перед самым его носом, он хватал их прямо на лету. А иногда и вовсе давил спящих птиц в снежной норе, ставшей для них настоящей западней. Также молодой волк добывал любящих полакомиться корой тальника зайцев, подкарауливая длинноухих на краю алаасов и просек с густым подлеском и гоняя до изнеможения по их тропкам.

Но так было не всегда. И к весне, когда снежный наст основательно затвердел, а кое-где и вовсе обледенел и охотиться стало особенно тяжело, ни разу не добывший за зиму косуль или других крупных животных молодой волк заметно ослаб. В этот момент, словно почувствовав состояние старшего отпрыска, с верховьев междуречья появились родители волка. Кылбара, как некогда в детстве, срыгнула сыну еще окончательно не переваренного, почти целого тетерева, добытого по пути. И у него сразу просветлело в глазах. Старшие клыкастые хищники увели Джосуна на совместную загонную охоту.

Участь Кырыктааха

Минуло два года. Кырыктаах с волчицей, ступившие на тропу войны с двуногими, были по-прежнему целы и невредимы. Как ни старались охотники-табунщики добыть старого вожака, тот все время умудрялся перехитрить их и продолжал наносить людям чувствительный ущерб. Он при любом удобном случае нападал на табуны, отмечаясь каждый раз то задранной, то искалеченной кобылой. Хозяева безошибочно

определяли, кто это был, поскольку Кырыктаах оставлял на месте нападения характерные следы лапы без когтей. Старый волк понимал, что ему рано или поздно придет конец. И они с волчицей однажды привели щенков нового помета чуть ли не к логову Аарымы, а сами исчезли, будто их и не было. Расчет был прост: только под присмотром сильного и здорового вожака волчата смогут остаться в живых.

Когда обе волчицы из помета Кырыктааха миновали возраст сеголетков, они ушли вместе с Джосуном зимовать на другую сторону Большой речки. Кылбара была уверена, что их старший, прекрасно усвоивший навыки охоты в стае и с детства проявлявший способности будущего вожака, не пропадет сам и не даст в обиду любых членов своей стаи. Им как постоянное место обитания определили уголья, которыми раньше владел знаменитый вожак — старый Хосуун. Эта земля была родиной Кылбары. Младшего самца из отпрысков Матерого отправили зимовать на территорию давно знакомого Аарыме двуногого хозяина алаасных угодий и табунов лошадей, где в прошлом году зимовал Джосун. Ну а самая младшая волчица осталась жить с родителями до тех пор, пока окончательно не повзрослеет. Кылбара с Аарымой собирались показать ей за зиму свои обширные владения. Вот только они не учли, что на сопредельной территории обитает продолжающий лютовать Кырыктаах, что, конечно, никакой спокойной зимовки им сулить не могло.

После того как доморощенные охотники так и не смогли справиться с вконец распоясавшимся старым волком, жители наслега пригласили знаменитого волчатника. Об этом опытном охотнике ходили целые легенды. Он жил на другом берегу Великой реки. Утверждали, что его каждый раз благословляет на удачный промысел сам покровитель охотников и рыбаков Баай Барыылаах Байанай. Так и говорили: «Охотник, чьи ладони погладил Байанай».

Кырыктаах об этом ничего не знал. Однажды они с подругой решили наведаться к останкам не так давно задранной кобылы. Старый волк еще издали учуял, что там уже побывали люди, и догадался, что расставлены хитроумные капканы. Вроде тех, на одном из которых он лишился когтей. Но не отступился, а очень осторожно обошел все смертельные железные ловушки. Волчица шла за ним след в след, и они назло двуногим объели все останки кобылы подчистую. Приглашенный охотник, узнав об этом, объявил, что отныне будет промышлять исключительно один.

Неспешно, мышинным шагом, миновала макушка суровой зимы, когда казалось, что солнце замерзло в молочной стуже и теплых дней никогда больше не будет. Затем настала пора, когда на поверхность рек и озер вылезают обитатели загадочных водных глубин¹², дабы покуражиться-позабавиться, вмешаться в полную треволнений жизнь людей Срединного мира. Но остались позади и эти дни. И теперь узкая алая полоска, едва угадываемая сквозь стылый туман на восточной стороне

¹² По старинным якутским поверьям, с 14 по 19 января из водоемов выходят соллюкюны (водяные). Это время Танха, или гаданий.

небосвода, с каждым днем держалась все дольше. Что это значит, могут понять только люди, всю лютую зиму с нетерпением ждущие первых и оттого самых ярких и долгожданных проблесков лучей дневного светила. Никто еще солнца не видел, но всякий, у кого в жилах горячая кровь, уже внутренне радовался, ибо знал, что скоро мрак уйдет. Уйдут и вгоняющие в тоскливое уныние однообразные студеные дни.

Была ночь. Рассеянный свет луны пробивался сквозь легкую дымку тумана и избавившихся от снежного груза истончившихся облаков. Вдоль густых зарослей ивы, чьи тени растянулись на добрую четверть небольшой поляны, крался матерый волк. Он словно соткался из морозного воздуха, но оставлял характерные следы без когтей. Это Кырыктаах с подругой пришли проведать останки кобылы. Постаревшей волчьей паре без стаи становилось все труднее добывать быстроногих косуль, вот они и были вынуждены возвращаться к мерзлым объедкам задранных ими некогда детей Джёсёгея. Кырыктаах прекрасно понимал, что в этом таится огромный риск, но выбора у него не было, поскольку голодная смерть его не прельщала. Он долго стоял среди ив на краю поляны, прислушиваясь и принюхиваясь к морозному воздуху. Старый волк, несмотря на возраст и часто застилающее разум чувство мести, инстинкт самосохранения в целом не потерял, был чрезвычайно осторожен и потому, наверное, был до сих пор жив.

В этот раз ничего опасного и подозрительного Кырыктаах не обнаружил. Были видны лишь следы одинокого жеребца, чуть углубившегося в лес, чтобы выкопать из-под снега замерзшую на корню зеленую отаву и полакомиться ей. Человеческим духом и страшными смертельными приспособлениями двуногих не пахло. Это вызвало у старого волка немалое удивление: он знал, что двуногие обычно со всех сторон обкладывают капканами поляну с жертвами нападения серых хищников, поскольку волки имеют привычку возвращаться, особенно в зимнее время, к еще не до конца объеденным останкам.

Благодаря присущим волкам уникальному нюху и памяти, за годы объявленной на него охоты Кырыктаах запомнил запах каждого здешнего волчатника и коневода-табунщика. Также он великолепно знал, как пахнет любой уголок его владений, каждый алаас и ётёх, каждый перелесок и распадок. И потому охотники не могли уничтожить запах капканов, натирая их травами и кореньями с других участков. Не помогли ни кипячение, ни другие способы устранения запахов капкана. Старому волку, прежде чем подобраться к останкам кобылы, достаточно было уткнуться мордой в снег поляны или алааса, чтобы освежить память, и далее он мог ощущать малейший привкус, даже чего-нибудь лежащего под снегом. Он никогда не попадался в самые хитро расставленные ловушки. Лишь однажды по неосторожности оставил когти в капкане. Больше таких оплошностей он не допускал.

Кырыктаах двинулся к опушке и при первом же шаге услышал хорошо знакомый лязгающий звук металлического капкана. Одновременно с этим левую переднюю лапу пронзила нестерпимая боль. С тех пор как волк лишился когтей на правой передней, он привык ступать сначала левой

ногой. Как же был противен и страшен звук сработавшей смертельной ловушки! Раньше капканы в лесу никогда не ставили... И в отчаянной злобе старый волк впился истертыми клыками в толстую металлическую цепь. Куда там! Теперь его некогда крепкие зубы даже трубчатую мозговую кость не могли перекусить. Кырыктаах оглянулся и зарычал, давая понять волчице, чтобы не приближалась к нему. А та оторопело смотрела на верного спутника и не знала, что делать. Она надеялась, что мудрый волк и в этот раз найдет какой-то выход.

Взбешенный тем, что его жизни приходит бесславный конец в каком-то капкане двуногих, Кырыктаах запрокинул морду и начал выть на равнодушную луну. Уже за полночь, когда угодившая в железные тиски лапа замерзла и кровь перестала течь, старый волк решил, что надо во что бы то ни стало перегрызть ногу и освободиться. На деле оказалось, что можно перегрызть только уже замерзшую и омертвевшую плоть. Но как только зубы доходили до еще живых нервов, все тело пронзала дикая боль и Кырыктаах чуть не терял сознание. Тогда он останавливался и опять ждал, пока свернется кровь и замерзшая лапа потеряет чувствительность. Уже начало светать, когда его клыки добрались до костей. Старый волк все еще надеялся перегрызть кость и уйти на трех лапах.

Когда узкая полоска алого света, отделяющая небо от земли, начала постепенно расширяться, вдали показался всадник. Вскоре застоявшийся морозный воздух содрогнулся от резкого звука выстрела...

Но это был еще не конец истории. Через несколько дней приглашенный охотник доставил в поселок окоченевшую тушу волчицы Кырыктааха. Она также угодила в капкан. Хитрый охотник, уверенный в том, что серая хищница видела, в каком месте попал в ловушку Кырыктаах, применил другую тактику. Он отказался от прежних методов расстановки капканов, а зарядил один-единственный прямо возле останков кобылы. Нестерпимый голод, притупивший внимание, а также отсутствие мудрого старого волка предопределили скорую кончину старой волчицы.

Приглашенный промысловик, про которого говорили, что ему благоволит покровитель охотников и рыбаков Баай Барылаах Байанай, полностью оправдал возложенные на него надежды. Он положил конец бесчинствам серых разбойников, и местные коневоды-табунщики наконец-то вздохнули с облегчением. Как бы там ни было, Кырыктаах преступил неписанные законы жизни в тайге, потому от него отвернулся даже сам Джылга Хаан¹³.

Тем временем в наслеге вновь заговорили об Аарыме. Утверждали, что матерый волк теперь действительно стал добычей приглашенного охотника. «Оказывается, волк без когтей, который несколько лет терроризировал нас, — это и есть Аарыма. Он был совсем старым, зубы истерты вконец», — передавали жители из уст в уста. Рассказы подкреплялись распространяемыми через интернет фотографиями, где

¹³ *Джылга Хаан* — в мифологии народа саха божество, живущее на верхних ярусах неба, распоряжающееся судьбами людей и всего живого.

многие позировали рядом с убитым волком. Он, без всякого сомнения, был гигантского размера, и люди поверили, что охотник-волчатник добыл Аарыму.

Встречи

Когда морозы заметно ослабели, Аарыма решил проведать оставленного на зимовку молодого волка, своего младшего отпрыска. Напомним, что Матерый определил ему семейную территорию, где они до поры до времени обитали в мире и согласии с двуногим соседом, с чего и началась наша история. Заодно вожак решил заглянуть и к Джосуну. И вот теперь по старым хоженным тропам направлялся в знакомые места. Подходя к опушке очередного алааса, где некогда пришлое волки задрали кобылу двуногого соседа, Аарыма почувствовал запах оленей, принесенный холодным восточным ветром. Он тут же юркнул обратно в лес. Быстро сориентировался и, скрываясь за деревьями, подкрался к животным с подветренной стороны. Так и есть. В алаасе с заброшенным оросительным каналом паслось на берегу озера небольшое стадо.

Вдруг стоявший настороже вожак пустился в противоположную от волка сторону. Остальные олени тотчас последовали за ним. Аарыма лишь проводил взглядом ускользнувших прочь рогатых тонконогих. Он сразу понял, что не успеет переметнуться по уже глубокому снегу через заброшенный оросительный канал и догнать оленей до конца алааса. Вскоре на опушке леса со стороны жилища бывшего двуногого соседа показалась железная тележка на четырех колесах и уверенно двинулась вдоль леса по накатанной за зиму дороге. Она, оказывается, и была причиной внезапного бегства тонконогих рогатых.

Матерый волк еще по дороге сюда заметил в густом ельнике четырех молодых детей Джёсёгея, копытящих из-под снега зеленую отаву. Сейчас он догадался, что это были лошади бывшего соседа и двуногие направляются к ним, чтобы подкормить — подбросить сена из хозяйских припасов. Аарыма решил убраться восвояси.

Пройдя сквозь темный лес и пробежав по новой, прямой, как стрела, просеке, Аарыма подошел к Большой речке, невдалеке от которой встретил табун двуногого соседа. Длинногривые стояли на небольшой поляне одни, без жеребят. Судя по всему, их хозяин уже давно разделил табун и пустил взрослых кобыл на вольный выпас. Вот сейчас они и занимались тебенёвкой — добывали корм из-под снега. Матерый волк знал, что люди начиная с середины зимы подкармливают любимых детей Джёсёгея сеном — укладывают на снегу маленькие копны из больших аккуратных огороженных стогов. В это время года все табуны обычно подтягиваются к лугам и алаасам поблизости от хозяйского жилья. Потому волк удивился тому, что встреченные им лошади находятся так далеко от родных мест. Какое-то время Аарыма, переваливший по годам за середину жизни, постоял в задумчивости, глядя на хорошо ему знакомого старого, но еще крепкого вожака

табуна, Туллая. Под его блестящей шкурой по-прежнему бугрились и перекатывались мощные мускулы, а густая темная грива колыхалась при каждом движении. Но годы брали свое, и табун его был не так многочислен, как в прежние годы. Да, были времена, когда Туллай и Аарыма, будто соревнуясь друг с другом и бросая вызов силам стихии, вздымали в лугах и алаасах круговерть снежных пластов из-под мощных копыт и могучих лап...

Однажды, когда Аарыма только начинал превращаться в матерого волка, он стал свидетелем эпической битвы молодого вожака и его старшей кобылы с тремя пришлыми волками. Серые хищники зажали большой табун лошадей, обживавших новые пастбища на лугу с редкими деревьями. Могучий каурый жеребец сбил в круг всех лошадей и, издавая грозное воинственное ржание, не давал нападающим приблизиться к табуну. Опуская иногда большую голову и дико вращая белками глаз, а потом резко вставая на дыбы, он бегал вокруг табуна. Рядом, по внутренней стороне круга, чуть сбоку и на полкорпуса позади вожака, носилась молодая кобылица молочно-белого окраса и тоже издавала громкое грозное ржание. Эта пара одним ударом мощных копыт могла раскроить череп любому волку, посмевшему приблизиться к сгрудившемуся в центре поляны табуну. В случае чего жеребец с кобылицей могли пустить в ход и зубы. И мало никому бы не показалось. Хищники никак не могли подступить к другим лошадям, стоявшим головой к центру круга. Те, в свою очередь, резкими ударами задних копыт пресекали любые попытки разбойников добраться до находящихся в центре живого круга жеребят.

В пылу охотничьего азарта один из волков сделал попытку вцепиться в горло кобылице, носившейся рядом с вожаком. Отчаянный прыжок был прерван неожиданным ударом гнедой лошади, стоявшей в защитном круге. Удар копытом пришелся по ребрам, отчего хищник, издавая отчаянный визг, подлетел в воздух. Не успел он приземлиться, как подскочивший каурый жеребец укусил волка за ушибленное место, содрав мясо до костей. Зализывая раны, серый хищник с трудом уполз на край поляны.

Второй волк сделал еще одну попытку напасть на кобылицу и тоже чуть не попал под удар стоящих в круге лошадей. Хищник в попытке увернуться от копыт неожиданно оказался перед каурым вожаком, успевшим укусить его пониже холки.

Чужаки, судя по выступавшим ребрам и тусклой лохматой шерсти, пришли из дальних краев и были не совсем удачливы в охоте. Об этом свидетельствовала и изначально неправильно выбранная тактика нападения, когда они не сумели сразу рассеять табун и отбить от него хотя бы одну лошадь. Но голод не тетка, и волки, постояв немного рядом со скулящим раненым собратом, вновь пошли на приступ. В этот раз они не стали нападать поодиночке, а кинулись вдвоем на вожака. Если бы они сделали так в самом начале, то был бы шанс, что хоть один из них нанесет чувствительные раны каурому жеребцу.

Молодому Аарыме совсем не понравилось, что какие-то пришлые разбойники вытворяют на его территории что хотят. Он решил продемонстрировать чужакам, что это его владения. Молодой волк поставит их на место, покажет, что нельзя нарушать законы тайги, нельзя охотиться на чужой территории на табуны, принадлежащие местным двуногим. Он издал воинственное рычание, вздыбил шерсть на загривке, оскалил острые клыки и, сверкая глазами, шагнул на поле смертельной битвы. Чужаки сразу распознали в огромном волке властелина этих земель. Отощавшие и ослабевшие за время скитаний чужаки поняли, что схватка с грозным местным хищником ничего хорошего не сулит, и поспешили убраться. Третий, тяжелораненый чужак поковылял вслед за ними, взвизгивая от боли на каждом шагу. Видимо, лошадь отбила ему печень, и долго он не протянет. Так оно и оказалось. Вскоре на берегу одного из ручьев Аарыма обнаружил, что изголодавшиеся хищники подкрепились раненым собратом и оставили от него лишь одни обглоданные кости.

Тем временем молодой каурый вожак, который только что защитил табун от нападения чужаков, остановил беспокойный бег и уставился на одинокого крупного волка. Он не знал, чего ожидать от него, но по-прежнему был готов биться до конца, спасая кобыл и жеребят. Высоко держа голову, конь с нетерпением переминался с ноги на ногу, и под его блестящей шкурой вновь бугрились мощные мускулы. Аарыма с уважением посмотрел на гордого жеребца, а затем решил тихо удалиться, чтобы не распугивать еще не успокоившихся лошадей. Пришлые серые разбойники могли затаиться и ждать подобного исхода, а затем напасть на разбежавшихся кобыл и жеребят. Тогда бы снег этого луга обагрился кровью не одного жеребенка, а весь гнев местных двуногих был бы направлен прежде всего на местного волка.

Это было первое знакомство хозяина лугов и алаасов могучего жеребца Туллая и властелина окрестных таежных охотничьих угодий матерого хищника Аарымы. С тех пор местный волк частенько видел каурого жеребца с густой темной гривой, полоской такого же окраса вдоль всего хребта и темными же ногами. Конь любил пастись чуть поодаль от своего табуна, внимательно следя за тем, что происходит вокруг. Если чувствовал какую-либо опасность, стучал передним правым копытом по земле, издавал короткое ржание, и этого было достаточно, чтобы весь табун тут же собрался в одном месте. А среди сотен отпечатков копыт лошадей можно было безошибочно угадать его большие круглые следы, глубоко вдавленные в землю или снег.

Аарыма всегда удивлялся прозорливости каурого вожака. Тот умудрялся держать свой табун подальше от серых хищников и бурых хозяев тайги. К назначенному природой сроку ожерёба — к марту¹⁴ — кобылы Туллая обязательно успевали перекочевать с дальних зимних пастбищ поближе к благословенным просторным алаасам, над которыми сизой лентой вился дым из трубы дома их хозяина. При

¹⁴ Март по-якутски — кулун тутар ый, буквально: «месяц получения жеребят».

дальних переходах вожак неизменно выбирал наиболее безопасные пути, в том числе и тропы вдоль больших дорог, от которых хищники инстинктивно держались подальше. Не случайно осенью за каждой кобылицей Туллая следовали жеребята на тоненьких ножках — все в целости и сохранности. Со временем мускулистый жеребец привык к виду местного матерого волка. Видимо, нутром чувствовал, что тот никогда не тронет лошадей...

Аарыма при встрече со слегка постаревшим, как и он, могучим каурым жеребцом ненадолго погрузился в воспоминания. Но быстро очнулся и потрусил дальше по новой просеке. Затем, постепенно разогрев мышцы и разогнав по телу кровь, резко прибавил ходу.

По другую сторону Большой речки волчьих следов не было. Аарыма предположил, что молодые клыкастые могли уйти к лесистым возвышенностям с плоскими вершинами, пологими склонами и удобными для охоты многочисленными распадками.

До приближения по-настоящему теплых дней было еще далеко. Там, где сугробы не огрузнели и не превратились в крепкий наст, Матерый проваливался в глубокий снег. В поисках стаи Джосуна ему пришлось отмахать немалые расстояния по местам, где они с Кылбарой когда-то встретились и впервые вместе перезимовали, — по бывшим владениям почтенного вожака Хосууна...

Волк примечал все. Вот очередной луг, где паслись здешние лошади. Судя по их спокойному поведению, серых хищников здесь тоже не было давно. Кстати, отсюда совсем недалеко до широкой речной поймы, где старый вожак Хосуун достойно встретил конец своей долгой славной жизни. Аарыма решил проведать окрестности заливного луга, где на его с Кылбарой глазах разыгралась вечная драма жизни и смерти. Как только матерый волк заглянул на знакомый обширный луг, тут же из-за темных облаков выглянула полная луна. Она будто специально ждала этого момента и хотела напомнить Аарыме, как, освещенный таким же голубовато-желтым лунным мерцанием, он стоял на холме и оплакивал смерть Хосууна. Аарыма грустно склонил большую лобастую голову. И вдруг услышал знакомый радостный волчий вой. Это был Джосун! И этот голос, точнее, голоса раздавались совсем рядом. Волк оглянулся и разглядел на вершине холма тени трех волков. Все повторилось вновь! Его отпрыск и две волчицы, как когда-то он сам с Кылбарой, стояли на холме и на фоне полной луны казались вырезанными темными силуэтами. Глава волчьего рода ответил приветственным громким воем. Услышав это, все трое так быстро спустились с покатою сопки, будто кубарем скатились, и во весь опор помчались к старшему волку.

Сердце Аарымы вздрогнуло и учащенно забилося. Чтобы не выдать распиравшее волнение, Матерый напустил на себя степенный, важный вид. Джосун, который был теперь вожаком небольшой стаи, уселся перед главой рода, а подруги улеглись по обе стороны от него. Вздрагивающие кончики хвостов и плотно прижатые уши выдавали

радость молодых волчиц и их готовность к полному подчинению. Главный вожак с гордостью посмотрел на сидящего напротив молодого вожака. У того был густой зимний мех, отливающий здоровым блеском, и внимательный взгляд все замечающего таежного хищника. Словом, Джосун напомнил Аарыме его самого в юности. А еще Матерому понравилось, что молодой вожак не улегся перед ним, пусть и главным вожаком всего рода здешних волков, а сидел напротив, как равный перед равным. И это было достойно уважения. Аарыма затаил радостный тойук¹⁵ долгожданной встречи, в котором выразил особую благодарность седой тайге и воздал хвалу дедушке Байанаю за охотничью удачу своего повзрослевшего отпрыска. Его песнь была тут же подхвачена молодыми волками.

Под утро старый вожак попрощался со стаей Джосуна и перебрался обратно на свою сторону Большой речки.

Вскоре матерый волк уже ступил на земли бывшего двуногого соседа, где в прошлом году они с Кылбарой оставили зимовать молодого волка, младшего брата Джосуна. Решив пойти в обход зимнего пастбища табунов двуногого, которое располагалось недалеко от жилья, Аарыма обнаружил свежие следы оленей. Установил по запаху, что эти парнокопытные были теми же, что убежали от него и юркнули в лес вчера, испугавшись шума железной телеги. Поняв, куда они направились, опытный охотник пустился наперехват и вдруг наткнулся на следы своего отпрыска. Оказалось, что тот, как настоящий таежный хищник, не бежал за оленями след в след, а сопровождал их, держась на приличном расстоянии, и ничем себя не выдавал, выжидая удобный момент для нападения. «Молодец!» — подумал про себя главный вожак и решил подсобить молодому охотнику.

Олени, как и предполагал прекрасно ориентирующийся в этих краях опытный вожак, прямоком направились в один из распадков близ Большой речки. Аарыма резко прибавил ходу. По пути он специально пересек дорогу молодому волку, осторожно следующему за оленями, давая знать, что присоединился к охоте. Тот это сразу понял и время от времени начал коротким воем подавать сигналы Аарыме, в какую сторону двигаются преследуемые животные. Молодой клыкастый охотник за время самостоятельной зимовки хорошо изучил местность и теперь направлял оленей прямоком к песчаному крутояру с сосновым бором, расположенному в петле извилистой речки. И действительно, подойдя туда, он увидел главного вожака, встретившего его с прекрасной добычей — взрослой важенкой северного оленя. Они вместе исполнили победную песнь удачи. А затем молодой охотник, в ожидании, когда трапезу начнет опытный вожак, уселся чуть позади. Молча ждал, когда ему разрешат вкусить свежего мяса. Аарыма с одобрением заметил, что, несмотря на сильное чувство голода, молодой самец чтит законы волчьей стаи и уступает старшим первенство в еде. Но Матерый и здесь

¹⁵ Тойук — особое протяжное пение, исполняемое в торжественных случаях.

не выдал радости, а степенно распорол брюхо и начал есть. Только потом посмотрел в сторону молодого волка. Тот сразу понял, что теперь можно приступать к трапезе, мгновенно отделил острыми зубами заднюю ногу оленя от парящей на морозе туши, оттащил в сторону и начал жадно рвать на куски. Есть от старших в сторонке — это тоже неписанный закон волчьей стаи.

Аарыма остался доволен увиденным. Он убедился, что все его отпрыски, потомки волков алаасных лесов, хорошо устроены, правильно хозяйничают на доставшихся им территориях. Оставив большую часть недоеденной туши молодому охотнику, вожак попрощался с ним. Вскоре уже можно было видеть, как в свете полной луны по тайге несется тень громадного волка.

Младшая из отпрысков Аарыма и Кылбары создала пару с молодым самцом из стаи Кырыктааха, который еще щенком заблудился во время нашествия серых чужаков и рос один в дебрях тайги. Они отделились и стали осваивать бывшую территорию Кырыктааха, чья судьба сложилась так трагично.

Иногда во время массового кочевания оленей все стаи рода Аарымы собирались на большую совместную охоту. То же бывало и при загонном промысле лесных великанов — сохатых в дремучей тайге. Волки, которым достались алаасы и леса вокруг них, разбились на небольшие стаи с отдельными охотничьими угодьями. Но и они во время большой загонной охоты любят объединяться в одну крупную сильную стаю. Хищники сопредельных земель на их территории не вторгались.

Глава вторая

Битва за территорию

К северу от междуречья, где обычно охотился Аарыма, и даже еще дальше расположенных в том направлении наслегов были особо богатые на всякую дичь и зверье земли. Это прекрасно знал матерый волк, зимовавший в детстве в тех краях и сейчас заглядывавший туда время от времени.

Там настоящее царство бесконечной тайги, над которой стоит вечный гул, возникший, кажется, в изначальный момент сотворения Срединного мира и всего сущего на земле. При пристальном взгляде с высоты птичьего полета видно, что протекавшие здесь некогда великие реки обмелели или поменяли русла и в оставшихся после них вытянутых низинах возникло множество озер с кристально чистыми водами. Но и сейчас с вершин длинных увалов по мягким пологим склонам стекают многочисленные ручьи и ручейки. По проложенным за века замысловатым руслам они впадают в длинную извилистую Большую речку, а она и другие водные потоки, образуя обширную голубую сеть,

вливаются в Великую реку. Там, где русла рек пересохла или обмелели, образовались поистине благодатные края со множеством потаенных уголков, где найдется место огромным сохатым и маленьким лесным мышам, могучим медведям и проворным ласкам, пугливой кабарге и шустрым зайцам. В озерных и речных глубинах водятся разные рыбы, неутомный говор всевозможных пернатых не смолкает до поздней осени, а густо заросшие берега — любимые места обитания всякой мелкой дичи и живности. И все это в окружении елей и лиственниц и других деревьев вечной тайги, которые на крутых песчаных пригорках вдоль речек и речушек сменяются насквозь пронизанными солнечным светом сплошными сосновыми борами.

Неудивительно, что благодатные земли, где вольготно размножаются животные и через которые проходят иногда огромные стада диких северных оленей, представляют собой лакомые куски для хищников и являются территорией вечного раздора. Но разборки между местными волками вмиг отходят на задний план в минуты всеобщей опасности. Вслед за многочисленными парнокопытными детьми бескрайней тундры неизменно следуют настоящие серые разбойники, не признающие никаких законов тайги. Таежным волкам это не нравится, и они испытывают лютую ненависть к чужакам. Появление пришлых разбойников спланивает вечно враждующие меж собой из-за охотничьих угодий стаи местных волков. Те объединяются, вместе защищаются от чужаков и нападают на них.

Волки алаасных лесов живут в стороне от сезонных страстей таежных хищников и чужаков. Однако некоторые из них помнят, как в былые времена они наведывались в благодатные уголья таежных волков и, пораженные их многочисленностью, спешно ретировались на свои тихие луга и поляны. Но даже за то короткое время, пока они были там, Байанай показал богатства тех краев.

Отец Аарымы относился к алаасным волкам. Родители Матерого познакомились во время брачной поры, когда молодые обитатели алаасов выбрали в ранее незнакомые таежные края. Аарыма там и родился. Но вскоре они вернулись в уголья главы семьи, в тихие алаасы и ётёхи с нежно шумящими лесами. Потом, видимо, волчица-мать настояла, и следующую зимовку они решили провести в ее родной стороне, где в унисон с вольными ветрами гудит-шумит великая тайга. Но это зимовье обернулось для них трагедией. Отец Аарымы погиб в неравной схватке. Мать с маленьким волчонком перезимовали, прячась от всех, в местности с бьющим из-под земли, никогда не замерзающим холодным родником. Они выжили благодаря тому, что в тех богатых на охоту угольях было полно всякой боровой дичи и зайцев. Но все же с наступлением теплых дней волчица-мать решила убраться подальше из этих ставших опасными для них мест. Они вновь перебрались в алаасы. Аарыма помнил детство и свою первую зиму. И как бы ни хотел иногда поохотиться в тех лесах, понимал, что многочисленные таежные волки встретят его семейство враждебно. А рисковать жизнью своих отпрысков он не хотел.

Но сейчас, когда большая часть жизни уже была прожита, старому вожаку все чаще и чаще снились счастливые моменты волчьего детства...

Однажды Аарыма и Кылбара собрали все стаи своих отпрысков. Большая объединенная стая удачно поохотилась на лосей и диких северных оленей у ближайших притоков Большой речки. Теперь хорошо отъевшиеся молодые волки отдыхали, устраивали от переизбытка энергии шуточные бои, которые иногда чуть не превращались в настоящие драки. Но возмужавший Джосун, ставший со временем копией отца, таким же матерым и сильным, мгновенно пресекал подобные выходки. Ему никто не осмеливался перечить. Достаточно было одного сурового взгляда, чтобы молодые тут же утихомирились. А вот старый вожак Аарыма, наоборот, подзадоривал молодых. Казалось, ему нравится наблюдать за их боевым настроением, готовностью к драке. Кылбара знала, что Аарыма неукоснительно соблюдает извечные законы тайги, уважает обычаи и традиции четвероногих предков и того же требует от остальных членов стаи. В последнее время она все чаще и чаще стала замечать в поведении супруга незаметные для остальных членов стаи изменения. И это беспокоило ее. Она, как всегда, в дела и решения вожака не вмешивалась. Однако чувствовала, что в их жизни грядут большие перемены.

Ближе к осени несколько стай вновь собрались вместе, чтобы, как думали молодые, поохотиться в хорошо знакомых местах у притоков Большой речки. Но в этот раз старший вожак в привычных охотничьих угодьях останавливаться не стал, а пересек границу территории таежных волков и двинулся дальше на север, в сторону других притоков. Он даже не обращал внимания на свежие следы лосей и оленей. Члены стаи, догадавшиеся, что им предстоит совсем другая охота, поневоле удвоили внимание и по безмолвному указанию главного вожака распределили роли. Разведать пути следования и предупреждать об опасности доверили самому резвому и наблюдательному молодому волку с верной подругой. Это был тот отпрыск, которому Аарыма отвел угодья рядом с бывшим двуногим соседом. Он привык быть постоянно настороже, и они с подругой прекрасно справлялись с возложенными на них обязанностями. Кроме того, большую стаю с бывшей территории Кырыктааха старший вожак разделил на две группы, следующие по бокам. Также предупредил остальных, чтобы никто ни на что не отвлекался. Так они и двигались на север единой грозной силой, готовые в любой момент к схватке с хозяевами земель, куда они вторглись.

Как только они прошли широкий лесной массив на пологой возвышенности и сквозь стволы могучих лиственниц показались едва различимые контуры какой-то речки, чуткие быстроногие разведчики дали знать, что на берегу их поджидают таежные волки. Старший вожак оставил позади небольшую группу самых сильных воинственных волков во главе с Джосуном, а сам повел вперед основной костяк стаи. Ждавшие в засаде многочисленные таежные волки тут же напали на них с двух сторон. Жестокая битва началась! Неожиданно в разгар

кровавой сечи на таежных хищников с обоих флангов напали молодые волки — отпрыски Кырыктааха — со своими волчицами. Но и у противостоящей стороны был резерв. Часть стаи, наблюдавшая за битвой с другой стороны речки, бросилась помогать сородичам. Тут вовремя подоспели опытные волки Джосуна, прошедшие испытания в ходе постоянных стычек за охотничьи угодья на той стороне Большой речки. Они встретили переправляющихся через речку таежных волков прямо на берегу и дали им жаркий бой.

В результате битвы, в ходе которой пролилось немало крови с обеих сторон, объединенная стая отпрысков Аарымы вышла победителем. Воинственные таежные волки, никогда не уступавшие проходившим через их территории многочисленным чужакам, в этот раз испытали горечь поражения и были вынуждены бежать, оставив на месте битвы убитых и тяжелораненых сородичей. Их безраздельной власти в благодатном краю пришел конец. Над полем боя всю ночь звучала торжественная песнь победителей. В этом тойуке было все: и благодарность предкам, в чьих жилах смешалась кровь алаасных и таежных волков — и даже северных хищников, восхваление мудрого главного вожака и горечь утраты по павшим в сражении воинам-волкам.

Наутро, к удивлению членов стаи, они не закрепили своими отметинами завоеванные территории, а вернулись к одному из притоков Большой речки, где и оставили опознавательные знаки мочой и фекалиями, запахом пота. Они дали понять, что отныне это граница их новых земель.

Мудрый вожак понимал, что одержанной сегодня победой война с таежными волками не закончилась. Те обязательно захотят вернуть утраченные территории и привлекут для этого еще больше других волков из самых глубин вечной тайги. И потому Аарыма решил, что если его объединенная стая не отберет все охотничьи угодья, принадлежавшие ранее поверженным хищникам, а займет лишь достойную победителя часть земли вблизи своих бывших границ, то это будет вполне справедливым итогом кровавой битвы. Старший вожак был уверен, что с этим должны согласиться и таежные волки, и тогда не будет повода для дальнейших сражений. Однако на всякий случай на границах новых территорий были выставлены дозорные, а сама большая стая была разделена на четыре группы. Они расположились по отдельности, чтобы одновременно страховать друг друга и при этом избежать окружения всей стаи.

Ночью сильно подморозило. Под утро, когда все вроде было спокойно, Кылбара ушла сопровождать трех тяжело раненных волков в свое родное урочище, где росла целебная трава, которую в мире двуногих называют волчьей.

Волки Джосуна сопроводили волчицу-мать до Большой речки. А потом ушли проверить границы новых земель.

Стая Джосуна была особой надеждой Аарымы, его гордостью. Эти волки были с детства приучены к разным трудностям, в том числе и к сражениям с самым сильным противником. По сути, они, брошенные в бой

в последний момент, и решили исход всего сражения. Все как на подбор рослые и сильные, под стать старшему вожаку, эти серые казались неуязвимыми воинами. Но при этом беспрекословно признавали авторитет Джосуна. Именно поэтому Аарыма отправил эту сплоченную волчью гвардию разузнать положение дел на границе новой территории, где они оставили вчера свои опознавательные отметины.

Новый мир

Вечером явился вестник от Джосуна, давший понять, что стая славно поохотилась, добыла большого сохатого и теперь приглашает Аарыму и его волков на пир. В подтверждение гонец срыгнул большой кусок мяса, которым тут же угостили покалеченных в бою сородичей. И стая дружно двинулась в сторону новых земель. Впереди всех легкой рысцой бежал главный вожак Аарыма.

«Если нас вызвал Джосун и у него все спокойно, значит, таежные волки признали предложенные мною границы», — рассуждал мудрый волк. Действительно, участвовавшие в кровавой битве таежные хищники, доселе никогда не уступавшие чужакам, потерпели сокрушительное поражение и на деле убедились в том, что большой объединенной стаей победителей руководит мудрый вожак. Они признали новые границы охотничьих угодий. Отныне межа будет проходить между полем битвы и одним из притоков Большой речки, где стая Аарымы оставила опознавательные знаки. Таежные волки также обильно пометили свою сторону, давая понять, что новые границы пересекать нельзя. Это будет нарушением неписаных законов вечной тайги, за которое можно ответить жизнью. Так установился хрупкий мир.

Оставив нескольким молодым волкам уголья в привычных спокойных алаасах с тихими лесами и перелесками, основная часть большой объединенной стаи перебралась в новые, богатые всякой живностью земли. А стая Джосуна направилась в прежние места обитания.

...Возвратившаяся с родных урочищ Кылбара, блестя здоровой роскошной шубой, возлежала возле Аарымы, чутко прислушиваясь к разным таежным звукам. Она размышляла об участи раненых в жестокой схватке волков, которые сами должны определить свою дальнейшую судьбу. Кто-то останется с новым молодым сильным вожаком, а кто-то окажется не готов принять его крутой, суровый нрав и вернется под опеку мудрого Аарымы.

Уживутся ли их отпрыски на новых землях, где всяк с горячей кровью ежедневно борется за жизнь? Детям алаасов, где, успокаивая душу и сердце, гуляет легкий ветерок, где шелестом нежных листьев ласкают слух березовые рощи, где зеркальную гладь озер волнуют серебряно-чешуйчатые рыбы, это будет непросто. Новые уголья — это могучие кражистые лиственницы и готовые схватить колючими лапами обомшелые ели. Это огромные, без конца и края, опасные пространства, где главное — не дать себя застигнуть нежданному несчастью. Пустят ли здесь молодые волки корни, появятся ли на новой

ветви вечного древа жизни здоровые и упитанные волчата, которым ничто не угрожает? Кто знает...

Под пологом могучих деревьев, пробивая дорогу в густом ковре из мхов и лишайников, струился, никогда не умолкая, крохотный ручеек с прозрачно-чистой ледяной водой. Он с юга впадал в приграничный отныне приток Большой речки. Если сквозь частые увалы подняться вверх по течению, то на самой высокой сопке можно было увидеть будто вытолкнутый кем-то из недр самой земли маленький островок соснового бора. Там, из-под массивного округлого валуна, и начинал свой путь этот крохотный ручеек, рождаясь от родника. А образовавшаяся в морозы ледяная горка от непрерывно бьющей хрустально чистой воды не оттаивала до самой середины знойного лета. У испившего этой чудесной воды прибавлялось сил, к нему приходило успокоение, прояснялись его мысли.

Вокруг массивного валуна за сотни тысяч, а может, даже миллионы лет образовалось множество небольших каменных пещер. Видно, немало воды утекло, прежде чем возникли эти запутанные загадочные лабиринты. Почему-то все сторонились весьма необычных для этих краев природных образований. Обходили их стороной и охотники. Но именно здесь, укрываясь и прячась от всех, волчица-мать провела с маленьким Аарымой первую зиму после гибели их главы семьи. Быть может, поэтому главный вожак, вспомнив детство, решил устроить там логово своей небольшой стаи. Это чрезвычайно удобное со всех точек зрения место. Отсюда, с вершины самой высокой сопки, хорошо наблюдать за тем, что происходит в окрестностях. В каменных лабиринтах легко укрыться от охотников, хищников, пронизывающих ветров и холодных дождей. И неподалеку течет ручей со множеством распадков, сулящих удачную охоту.

Аарыма с Кылбарой обосновались за массивным валуном, из-под которого и бил незамерзающий родничок. Если первый вход в каменную пещеру скрывали сплетенные корни могучей сосны, то второй был прикрыт густым тальником и совсем незаметен снаружи.

С Аарымой и Кылбарой на новое место переселились еще три молодые волчицы. Две из них были из распавшейся стаи Кырыктааха. Они долго скитались, пока не попали под крыло Аарымы. Еще одна самка, следовавшая со своей стаей вслед за оленями, чуть не погибла в схватке с местными волками и потом также прибилась к Аарыме. Этим трем юным хищницам невероятно повезло — они попали под мудрую опеку главного вожака. Сызмальства привыкшие к вольной жизни, где все решает грубая сила, они под руководством Аарымы чуть ли не впервые начали усваивать вечные законы тайги, учились ставить на первое место интересы стаи. Теперь они беспрекословно подчинялись Аарыме как вожаку стаи, а к Кылбаре относились с огромным уважением, воспринимая ее как старшую волчицу-мать.

Время от времени навестить старшего вожака приходили и оставшиеся в аласных лесах, и обосновавшиеся в таежных дебрях молодые волки. Они с удовольствием принимали участие в совместной охоте.

Немного тревожило, что давно уже не было никаких вестей от Джосуна. Аарыма успокаивал себя тем, что возмужавший и физически окрепший Джосун достойно возглавляет стаю, что все они сыты и здоровы и потому лишний раз не показываются. И вполне вероятно, что они сами издали следили за тем, как живет собранная с миру по нитке новая стая отца с матерью.

Таежные волки, чьи ряды значительно поредели после кровавой битвы, исподволь наблюдали за новыми соседями и испытывали невольное уважение к их умению приспособливаться к любым условиям. Мудрый вожак поступил очень разумно, не став претендовать на большую часть территорий, которые его волки могли занять как победители. Они взяли лишь земли, которые спокойно прокормят их стаи с будущими отпрысками. И это устроило побежденных, которые приняли предложенные границы, поскольку понимали, что в закромах Баай Барыллаах Байаная живности хватит на всех.

Схватка с косолапым

Однажды впервые перезимовавшие на новых территориях волки в полной мере ощутили присутствие в тайге могучего зверя, считающего себя полноправным хозяином этих земель. Случилось это весной, в пору схода снега, когда даже серые хищники с острыми клыками устали от бесконечно длинных холодов.

Потеплевший воздух пах талой водой. Широкие холмы наполнились волнующим гулом деревьев. Снег почти сошел и с самых высоких холмов с пологими склонами. Уже были явственно видны прошлогодние кусты толокнянки, будто пытавшиеся разгрести обильно опавшую сосновую хвою, чтобы поскорее выйти на свет. Блестели замерзшие за ночь лужи в ямках почти полностью почерневших склонов и небольшие пласты обледеневшего снега у основания буреломов. Скоро начнут зеленеть нежные кисти лиственниц, на которых распустятся волшебные красно-розовые бутоны, и тайга наполнится неизъяснимыми ароматами, от которых закружится голова. Невероятную свежесть прозрачного воздуха дополняли терпкие запахи различных кустарников, растущих вдоль многочисленных рек и речушек. На фоне описанного пейзажа резко выделялась большая сверкающая наледь — результат неутомимой зимней работы вытекающего из-под массивного валуна родника.

В эту пору несмолкаемого гомона счастливых птиц и всякого зверья из берлоги выбрался припозднившийся нынче медведь. С ним заодно пробудился от длительной спячки шустрый бурундук и уже всюю верещал и носился как угорелый.

Косолапый первым делом испил ледяной родниковой воды, чтобы побыстрее избавиться от фекальной пробки, образующейся перед зимней спячкой. Затем успокоил затрепыхавшееся сердце новой порцией холодной воды и, почувствовав голодное урчание пустого желудка, направился вверх по течению ручейка на поиски чего-нибудь съестного.

Медведь почти сразу наткнулся на кусты голубики с сохранившимися кое-где гроздьями прошлогодних поздних ягод. Пока он хватал пастью голые кусты с редкими ягодами и облизывал их, вдруг почувствовал запах, от которого у него мигом вздыбилась шерсть. Ведь запах смертельного врага — клыкастого серого хищника с густым пушистым хвостом — не спутаешь ни с чем. Это была молодая волчица из клана северных хищников, еще не совсем отошедшая от истошающего силы брачного периода и потому оставленная Аарымой и Кылбарой охранять логово. Она, уютно свернувшись калачиком на прогретом весенним солнцем массивном камне, заснула прямо на посту. Ей снился полный приключений мартовский гон и красивый молодой волк-крепыш из стаи таежных хищников. В это время остальные члены стаи Аарымы, не слишком удачно поохотившись невдалеке на боровую дичь, возвращались в логово. Было не то время года, когда волки могли спокойно охотиться на спящую в глубоких снежных лунках дичь. Глухари, тетерева и рябчики уже восседали на толстых ветвях лиственниц и чуть ли не презрительно разглядывали пробежавших мимо раздраженных невозможностью достать их хищников. Лишь рано свившие гнезда пары, которые в попытке увести волков от кладки изображали еле летающих птиц, частенько попадали к серым в пасть.

Изголодавшийся за время спячки медведь обнаружил источник запаха и тотчас решил проломить голову спящего заклятого врага. Раскачивая широкими мускулистыми бедрами, косолапый тихонько приблизился к ничего не подозревающему переярку. Молодая волчица проснулась оттого, что в ее сладкий сон с красивым волком-крепышом проник какой-то смрад. Она обернулась в сторону, откуда слышались звуки, будто кто-то дышал в большую пустую посудину, и увидела, что к ней приближается какой-то лохматый рыжеватый мешок. Медведь заметил, что волчица проснулась, и сделал несколько мощных прыжков в ее сторону. Не успела серая удивиться молниеносности движений массивного зверя, как перед ней уже возникли черные пуговики злых глаз и красная пасть, полная острых клыков. Волчица едва успела отскочить в сторону. От досады бурый тойон¹⁶ стукнул когтистой лапицей по камню, где только что лежал его враг, и издал пронзительный рев, отозвавшийся в тайге долгим звучным эхом.

Стая уже приближалась к своему каменному логову, когда услышала пронзительный рев хозяина тайги. Он сопровождался треском ломаемых деревьев и прочими звуками яростной схватки. Аарыма и другие члены стаи вмиг догадались, что с оставленной охранять логово молодой волчицей что-то случилось. Они во весь опор устремились в сторону звуков.

Хозяин тайги, уверенный в том, что сейчас прихлопнет спящего врага, испытал настоящую ярость, когда серая ускользнула буквально из-под носа. Взбешенный медведь начал гонять по всему лесу заклятого врага с густым пушистым хвостом. Но ловкую хищницу просто так в угол было не загнать, и потому разъяренный косолапый, носясь за ней,

¹⁶ Тойон — господин.

с диким рыком ободрал и переломал немало деревьев. Когда с шумом и треском они добрались до густо заросших лиственницами холмов, в какой-то миг медведь успел заметить, что прямо на него, оскалив острые клыки, летит в прыжке матерый волчище. Удивленный косолапый хозяин тайги опрокинулся было на спину, но тут же ловко извернулся и встал на лапы. И в этот момент над самым его ухом лязгнули мощные челюсти огромного волка.

Только сейчас до косолапого дошло, что он оказался в окружении целой стаи. И тогда медведь, не обращая внимания на вцепившегося в него серого, вырвал с корнем крепкую молодую лиственницу и огрел нападавшего. Но тот был слишком близко, и не получилось размахнуться так, чтобы удар причинил волку серьезный вред. И все же нападавший разжал зубы и отскочил в сторону. Медведь, знавший, как защищаться в таких случаях, прислонился спиной к могучей лиственнице и, приседая, стал сверху вниз наносить удары вывороченным с корнями деревом по хвостатым хищникам. Хоть он и не попадал по врагам, но попыток вцепиться в него резко стало меньше. Вместе с тем косолапый понимал, что против пятерых взрослых, имеющих опыт в сражениях волков ему не устоять. Рано или поздно он устанет и допустит оплошность, которую серые ему не простят. Вокруг него, оскалив острые клыки и вздыбив шерсть на загривке, в ожидании только им понятного сигнала от опытного вожака, стояли готовые к нападению члены дружной волчьей стаи.

Настал решительный момент схватки. Но вдруг, не переставая скалить зубы, стоящий перед медведем матерый волк начал постепенно отходить. Другие последовали его примеру и тоже тихонько попятнулись. Косолапый хозяин тайги, получивший недвусмысленный знак, что может быть свободен, дождался, когда волки отойдут на достаточное расстояние, и, тяжело и устало переваливаясь, направился вглубь тайги.

Матерый вожак и в этот раз показал свою мудрость. Хоть он был уверен, что стая выйдет победителем из этой схватки, он знал и то, что косолапые хозяева тайги, как любые крупные хищники, чрезвычайно злопамятны. А он не хотел многолетней кровной мести, когда родственники местного топтыгина начнут охоту на их стаю. Хватит двух-трех косолапых, чтобы от волчьей стаи ничего не осталось. Ведь медведи весьма искусные охотники, умеющие устраивать самые настоящие засады. Они только с виду кажутся медлительными увальнями, но на самом деле очень быстры, изворотливы и развивают приличную скорость. И еще Аарыма, конечно, думал об отпрысках, только начинающих самостоятельную жизнь, и безопасности их маленьких щенят. Старший вожак надеялся на то, что отпущенный им медведь по достоинству расценит его поступок. Косолапый убедится в том, что сильная стая уважает и чтит законы тайги, и должен будет признать, что именно он сам чуть не стал зачинщиком вражды.

Там, где много всякой живности, там и хищников больше. Поэтому Аарыма и его стая решили, что отныне не будут охотиться поодиночке и что сторожить места остановки и тем более ночевки будут два охранника.

Загадочные следы

Наступила поздняя осень — пора великого промерзания земли, когда та еще не успела укрыться молочной пенкой густого снега. После первых сильных морозов слышно было, как трещала разрываемая холодом влажная почва. Треск стоял и над голыми льдами алаасных озер.

Как бы хороша ни была для дальних передвижений рано промерзшая без снега земля, укрытые тонким льдом родники и ручьи представляли опасность для тяжелой техники двуногих. Но скоро природа исправилась и все стало на свои места: завьюжило, запуржило и с небес повалили густые хлопья снега, которые шли безостановочно несколько дней и ночей. Сбылась мечта коневодов, желавших, чтобы скорее выпал снег, который поможет им в поисках табунов.

Как раз в такую пору прежние соседи Аарымы приехали на своем четырехколесном железном коне в ётёх, где у них была расположена конебаза со всеми необходимыми строениями. Первым делом растопили печь и, пока дышавший подвальным холодом дом отогревался, наведались в сопредельный алаас — там паслись кобылы из табуна уже немолодого жожака Туллая. Заперли их в большой просторный загон. Впоследствии уже оттуда отберут и переведут в маленький крайний загон необходимое количество детей Джёсёгея. Именно так каждый год начинается подготовка к традиционному осеннему забою жеребят, нагулявших за лето необходимый жир и вес. Сам забой происходит обычно в конце октября или начале ноября, с наступлением крепких морозов. В простых и очень будничных поступках участников этого события заключен особый смысл, дошедший до нас из глубин веков.

Отряхнувшись от снега, мужчины вошли в уже успевший наполниться теплом дом, где совершили привычный обряд кормления духа огня¹⁷ и только затем уселись за стол. Согревшись горячим чаем, начали делиться новостями: кто что видел, заметил, узнал, где могут находиться другие табуны...

— Опасный сосед у нас завелся, — сказал старший из трех братьев, приехавших с хозяином дома, всегда говоривший серьезно и вдумчиво. — По пути заметил следы волка. Видимо, решил поселиться в наших краях.

— Похоже, действительно волчьи следы. Совсем молодой. Было бы хорошо, если бы он не поселился здесь, — поделился мнением средний, самый высокий из братьев.

Самый младший и самый неразговорчивый недоуменно поднял голову: мол, ты о чем?

— Этот серый, с маленькими аккуратными следами, уже давно обретается здесь, — откликнулся хозяин дома, мужчина в возрасте. — В первый раз заметил его следы на просеке, потом стал наткаться на них

¹⁷ *Дух огня* — в якутской мифологии старик с длинной белой бородой, которого зовут Бырджа Бытык Хатан Тэмиэрийэ. Любое более-менее значительное действие начинается с обязательного ритуала кормления духа огня.

все чаще и чаще. Давеча он охотился на боровую дичь на опушке алааса, и я еще подумал тогда: какая крупная лиса. А это, оказывается, был он. Но самое занятное — этот волк, судя по следам, совсем не растет...

Хозяин конебазы, бывший двуногий сосед Аарымы, дивился неспроста. Волк с маленькими лапами объявился в этих краях уже несколько лет назад. Но, судя по следам, он действительно совсем не рос. Каждый год оставлял отметины одного и того же размера. Маленькие, аккуратные отпечатки. У владельца конебазы, видевшего наяву гигантские следы настоящего матерого волка, они вызывали какое-то странное чувство неудовлетворенности. Досаду, что ли. Будто сам Байанай хотел оскорбить его этими волчьими метками. Но откуда было человеку знать, что после того, как Джосун перезимовал тут один, каждый год главный вожак отправляет сюда с новых территорий другого юного волка. Спустя год его сменяет другой. И так несколько лет подряд. Аарыма знал, что делает: его бывший сосед — справедливый двуногий и ни в чем не повинных волчат преследовать не будет. Этим старший вожак и поставил двуногого в тупик, задав ему неразрешимую задачу. Хозяин конебазы за то, что обладатель маленьких лап не покушался на лошадей, да и людей обходил на почтительном расстоянии, прозвал его «порядочным волчонком».

И в этот раз следы, которые видели люди из усадьбы, принадлежали прибывшему недавно юному волку. Не будет преувеличением сказать, что именно здесь вчерашние щенки из стаи Аарымы проходили настоящую суровую школу жизни. Они учились терпеть голод, даже когда нещадно урчит в желудке. Учились держаться подальше от табунов двуногих и избегать соблазна нападать на спящих жеребят. Учились умению охотиться в одиночку — бесценному навыку, который пригодится им всегда и везде. А тот, кто не сможет выдержать невзгоды, не совладеет с чувством голода, затуманивающим ум, не научится добывать пропитание в одиночку, тот, разумеется, в Среднем мире долго не протянет.

А еще хозяин усадьбы недоумевал из-за того, что Аарыма исчез столь неожиданно. Будто в воду канул. Непохоже, чтобы он обитал где-то рядом. Но время от времени хозяин слышал различные рассказы. То кто-то из охотников видел большущего зверя в тайге. То в соседнем наслеге не менее матерый волк, оставивший в капкане когти, после того, как люди перебили всех волков стаи, задрал в отместку много кобыл. Были и подробности. Мол, местные жители в течение долгого времени не могли найти управу на хищника и были вынуждены пригласить охотника-промысловика со стороны, который и добыл серого разбойника и его волчицу. Тот самый волк без когтей выглядел на фотографии настоящим монстром. Но хозяин конебазы думал, что волк со снимка — это не Аарыма, у которого окрас шкуры был гораздо светлее. Он был уверен, что бывший четвероногий сосед хоть и хищный зверь, но не такой кровожадный. Все рассказы никак не вязались с долгим мирным сосуществованием человека и волка. Если бы тот волк был столь беспощаден к табунам длинногривых, то это рано или поздно коснулось бы и кобыл хозяина усадьбы. Но ничего подобного не случилось. Аарыма, которого он знал, любил тихую, спокойную жизнь

в соответствии с законами тайги. Из головы хозяина не выходили слова знакомого охотника-соболятника, поведавшего однажды, что видел в верховьях Большой речки следы огромного волка.

Бывший двуногий сосед Аарымы, как только навевывался в эти края, сразу вспоминал матерого волка. Почему-то ему хотелось, чтобы тот был жив. Каждый раз, когда в мессенджере выкладывали очередную фотографию большого хищника, у него сжималось сердце. Он был уверен, что когда-нибудь Аарыма обязательно вернется в родные места. И тогда человек и волк обязательно встретятся. А если Матерого не станет, то не станет и какой-то очень важной частички души человека...

Порядочный волчонок

Небо, только вчера затянутое низкими плотными облаками, с которых землю обсыпало толстым слоем зимнего снега, сегодня прояснилось и окрасилось в нежно-лазоревоый цвет. Солнце уже показалось из-за вершин деревьев и вскоре озарило ярким до боли в глазах светом новый белоснежный наряд Срединной земли. Ночью стих и пронизывающий, колючий холодный ветер. Чувствовалось лишь слабое движение воздуха с юга. На ближайшей к западному краю алааса огромной лиственнице несколько белок, беспрестанно вереща, устроили веселые игрища. В такой день одетый по зимней погоде человек, даже слегка подвигавшись, сразу начинает покрываться испариной.

Для мужчин, собирающихся вместе один раз в год на традиционный осенний забой жеребят, настал долгожданный день. Наскоро перекусив, они дружно выдвинулись к вчерашнему табуна, запертому в большом загоне, и переместили животных в меньший, чтобы отобрать нужных. Оставили несколько самых здоровых самочек для будущего приплода. Старые кобылы, уже привыкшие, что у них каждый год отнимают жеребят, довольно спокойно отнеслись к этому. Пришлось повозиться лишь с двумя кобылицами-первородками, отчаянно не желавшими расставаться с полугодовальными сосунками. Завершив отбор, люди вернулись в дом, чтобы основательно позавтракать, прежде чем приступить к работе, требующей ловкости и сноровки, физической силы и крепких нервов. Заодно уточнили и план дальнейших действий. Самый старший, бывший сосед Аарымы, отправится на поиски табуна другого жеребца. Братья останутся на забое.

Работа началась. Уже проведавшие о предстоящем пиршестве два местных толстоклювых черных ворона, изредка крухая, будто торопя людей с угощением, не спеша пролетели над местом будущего действия. Бывший сосед Аарымы, словно чувствуя что-то, решил не брать собак. Сел на старую гнедую лошадь, уже много лет верой и правдой служившую ему, и направился в сторону западных ворот изгороди.

Обойдя большой соседний алаас с глубоким озером, хозяин усадьбы вышел через восточный мыс на такой же обширный сопредельный луг. Но и там никакого табуна не было. Тогда по едва приметной тропе,

петляющей по лесистой возвышенности с пологими склонами, он добрался до следующего алааса с одинокой сосной. Именно здесь он видел Аарыму в последний раз. Раньше тут было два отдельных озера, которые со временем слились в одно. Он пустил гнедого по восточной стороне алааса, где на длинном холме, растянувшемся вдоль острова и заросшем разными видами деревьев, были остатки ётёха. Когда гнедой ступил на заброшенную пашню, стоявшие за островом четыре оленя пустились вдоль ручья. Но как только они забежали в лес, послышалась какая-то непонятная возня. Весьма озадаченный, всадник под прикрытием деревьев подъехал поближе. Затем спешился, привязал гнедого к лиственнице и с ружьем наизготовку сделал несколько осторожных шагов в сторону непонятного шума. И тут же увидел оленя, старающегося встать на ноги и падающего вновь. «Напоролся на сук, что ли, — подумал человек удивленно. — Как это? Чтобы олень напоролся на дерево — такого даже в сказках не бывает. Что бы это значило?» В конце концов решил, что надо прекратить мучения живой души, и одним метким выстрелом положил конец бесполезным попыткам жертвы подняться на ноги. Меняя на ходу патрон, добрался до дергающегося в предсмертной агонии животного и только тогда понял, что вмешался в чужую охоту. Сухожилия задних ног оленя были разорваны — явно волчьими клыками. Почувствовав близкое присутствие таежного хищника, хозяин усадьбы внутренне напрягся. Быстро огляделся по сторонам, но ничего не заметил. «Неужели волк оставил добычу из-за меня?» — подумал он. Чуть успокоившись, достал бинокль и внимательно осмотрел густые кустарники, сугробы у подножия деревьев и присыпанные густым снегом буреломы. И вскоре в просвете торчащих во все стороны корней сваленной ветром большой лиственницы уловил какое-то движение. Так и есть! Это была голова волка. Хищник также вглядывался в его сторону. Были видны торчащие уши и черные блестящие глаза. «Неужели Аарыма?» — подумал человек и почувствовал, как неожиданно гулко забило сердце.

Удивляясь самому себе, бывший сосед Аарымы внимательно разглядел волчью голову и понял, что обознался. Это был другой хищник. Совсем маленький, даже миниатюрный какой-то. «Так это, наверное, и есть тот самый порядочный волчонок с маленькими аккуратными отпечатками», — догадался человек и сразу успокоился. Отложил в сторону ружье, достал нож и перерезал оленю горло. Пока вытекала кровь, о чем-то задумался и улыбнулся. Затем ловко вырезал из задней ноги большой кусок мякоти — на один хороший обед. Так же не спеша достал рюкзак. Вынул из пластикового пакета пару бутербродов и взамен засунул только что отрезанный шмат оленины. Один кусок бутерброда с колбасой положил чуть поодаль от оленьей туши на чистый снег. И все это время следил краешком глаза за «порядочным волчонком», прячущимся в буреломе. Судя по торчащим шевелящимся ушам, можно было догадаться, что юный серый хищник с удивлением наблюдал за происходящим.

Затем, специально повернувшись в сторону сваленной ветром лиственницы, человек достал из рюкзака компактный термос, налил

в крышку горячий чай и сделал несколько глотков. И так же спокойно, не переставая улыбаться каким-то своим внутренним мыслям, собрался и закинул за спину рюкзак. Половину оставленного волку бутерброда с колбасой он положил у подножия кряжистой лиственницы и тихо воздал благодарение Баай Барыылаах Байанаю. Вновь повернулся в сторону прячущегося волка и произнес только что придуманное обращение по случаю удачной охоты:

— О-о, великий сын седой священной тайги
С длинным хвостом, косматой шубой, острыми клыками!
Оказавшись по велению Баай Байаная на одной охоте с тобой,
Взял только то, что положено мне.
И делюсь я взамен снедью своей.
Прошу тебя, быстроногого, не сердать на меня.
Все остальное — по закону тебе.
Алакы!¹⁸

Все это бывший сосед Аарымы произнес нарочито громко. Удивился, что от его голоса, эхо которого пронеслось по всему алаасу, волк не убежал куда подальше, а продолжал таиться и следить за необычным двуногим. «Видимо, действительно совсем еще волчонок. И любопытство взяло верх над страхом», — сделал человек окончательный вывод. Взял в руки ружье и если раньше шел, прячась за деревьями, то сейчас напрямик направился по снежной целине к привязанному гнедому.

Молодому волку, прозевавшему из-за охотничьего азарта приближение двуногого, которому он ни в коем случае не должен был показываться на глаза, было не по себе. К жертве совместной охоты он подошел, лишь когда человек удалился на почтительное расстояние. На снегу лежало что-то незнакомое, издающее невероятно соблазнительный запах, от которого у серого поневоле потекли слюнки. Но осторожный от рождения хищник пересилил желание попробовать еду, оставленную странным двуногим, и начал жадно рвать мясо со стороны, где шкура уже была отделена от туши.

Двуногий сосед Аарымы верхом на гнедом коне пересек небольшой ручей и по знакомым только ему тропам перебрался через небольшие увалы. Вскоре перед ним открылся вид на совершенно круглый алаас. Здесь хозяин и обнаружил искомый табун, возглавляемый черным, как уголь, жеребцом с пестрыми ногами. Скоро он уже пригнал табун на широкий луг рядом с домом и связался по рации с братьями, которые спешно открыли большие ворота и помогли направить кобыл сразу в нужный загон. Все получилось как нельзя лучше.

За вечерней трапезой, когда мужчины с удовольствием вкушали нежнейшее мясо нового забоя, хозяин усадьбы рассказал о совместной с молодым волком охоте. Братья, хотя всегда доверяли старшему, выслушали его с некоторой долей скепсиса. Уловив это, он вышел во двор

¹⁸ *Алакы* — радостный возглас, знак удовлетворения, восхищения или заключительная точка какого-нибудь обрядового обращения.

и занес начинающий коченеть большой кусок оленины. Все оживились. От бывшего недоверия не осталось и следа. Свежая оленина тут же отправилась в кастрюлю и превратилась в закуску. Парни заставили хозяина дома рассказать в подробностях все, как было, и сопровождали повествование комментариями и предположениями. Один шутя спрашивал, знают ли волки охотничьи законы. Другой задавался вопросом, почему старший не взял половину туши, если это была совместная добыча. А третий и вовсе удивлялся, мол, как это старший, зная, что рядом хищник, преспокойно разделал оленя и поделился с волком добычей. В общем, весь вечер только это событие и обсуждали. Отныне люди будут вспоминать о нем долгие годы, собираясь вместе в день забоя жеребят.

Нежданные гости

Поучаствовавший невольно в «совместной охоте» с двуногим молодой волк еще не знал, какие трудности суждено ему испытать во время длинной суровой зимы. И самая главная из них — охота в одиночку. Но если он пройдет все испытания, то следующей осенью предстанет совсем другим хищником. Сильным и уверенным.

Хотя волк и знал, что двуногий уже давно ушел, звериное чувство опасности заставило его оторвать от туши лишь небольшую часть и быстро оттащить в укромное место. Он боялся, что человек мог вернуться в любой момент. И лишь там, за буреломом, более-менее спокойно распробовал свежее мясо.

В это время к добыче, словно к специально накрытому для них столу, слетелись вездесущие вороны. Сначала прилетел один. Затем появились еще две птицы. Черные крылатые обитатели тайги уселись на ближайшей к туше кряжистой лиственнице и уже оттуда изучили обстановку, зыркая вокруг все замечающими глазами. Только убедившись в безопасности, слетели вниз и начали долбить острыми клювами застывающую плоть.

Доев утащенный в бурелом кусок мяса, волк увидел, что черных птиц, пирующих на дармовщинку, стало еще больше. И он вновь устремился к туше. Вспугнутые серым хищником вороны дружно взлетели, уселись на нижних ветвях ближайших деревьев и уже оттуда, поглядывая вниз на серого, начали издавать различные неодобрительные звуки. Мол, жалко ему оленины. Впрочем, умные птицы, знающие, где находится самая жирная и вкусная часть туши, сразу выпотрошили покрытую жировой сеткой толстую кишку. Волку от нее досталось лишь то, что не успели доесть крылатые гости. А еще — исходящие на морозе паром печень и сердце.

Утолив первый голод, молодой хищник отделил от туши заднюю ногу. И вновь оттащил в бурелом, где принялся есть мясо и с наслаждением грызть и обсасывать трубчатые кости. Вороны тут же слетели вниз и, толкаясь, словно сварливые покупатели на рынке, продолжили лакомиться бесплатным угощением. Волк уже спокойно поглядывал на расшумевшихся непрошенных гостей. Приметил, что всеми заправляет

иссиня-черный ворон с длинным кривым клювом. В одном из крыльев у него не хватало большого махового пера. Если он был чем-то недоволен, то резко наскакивал на сотрапезников, и те сразу отходили в сторону.

Когда отпрыск Аарымы вновь вернулся к туше за еще теплым мясом, ворон резко взлетел. Птица как раз перед этим заметила чуть в сторонке бутерброд с маслом и колбасой, подскочила к нему и схватила острым клювом чужое угощение. Именно в этот момент ее вспугнул неожиданно появившийся волк, и, взлетая, она недовольно каркнула и выронила колбасу. Серый хищник, чуть не лишившийся еще не распробованного угощения двуногого, осторожно лизнул его. А потом и сам не заметил, как в мгновение ока проглотил и колбасу, и хлеб. Лесной зверь, которому вкус колбасы пришелся по душе, с сожалением обнюхал снег, где лежал бутерброд, но ничего более не обнаружил. Тогда он отгрыз большущий кусок с передней ноги оленя и, как и прежде, утащил к бурелому, где принял за мясо с уже откровенной лентой.

Меж тем среди деревьев замелькала еще одна гостья. Красная лисица уже давно крутилась вокруг да около, но все никак не решалась подойти. Она опасалась более крупного хищника, но, глядя на наглых воронов, боялась лишиться и дармового мяса. Волк хоть и не видел лисицу, но словно угадал ее мысли. Наевшийся до отвала хищник нехотя поднялся и медленно направился в сторону увала, растянувшегося между бесконечными лугами и алаасами с заброшенными ётёхами. Вскоре его силуэт исчез между деревьями.

Лисица поняла, что настал ее долгожданный час. Она шустро прибежала, оторвала от филейной части кусок. Так же быстро юркнула под сень лиственницы, где с наслаждением принялась уплетать свежее мясо. Рыжая плутовка, живая до сих пор благодаря осторожности, знала, что не может улететь, как вороны, при появлении серого братца, и потому предпочитала держаться подальше от него. Таежного хищника лисичка боялась не зря. Попадись она ему, когда он голоден, ей точно несдобровать. Волк сделает все, чтобы догнать ее и превратить в свой обед.

Согласно законам вечной тайги, после того, как большие звери и птицы наедятся тушей оленя, настанет черед мелкой живности, вплоть до самых маленьких мышей.

Ночью, услышав доносящийся с края алааса гомон многочисленных воронов, идущая цепочкой стая волков поспешила туда. Серые хищники прекрасно знали, что эти птицы в одном месте просто так не собираются. Они тщательно исследовали остатки пиршества. Поняв, куда направился волк, поохотившийся вместе с двуногим, стая последовала за ним. Вскоре серые установили, где залег сытый собрат, и, рассыпавшись цепью, начали прочесывать лес.

Юный волк, от голода толком не отдохавший несколько дней подряд, набил на радостях брюхо и теперь спал без задних ног. Но вдруг будто кто-то толкнул его в бок. Он проснулся, встал и оглянулся. И как раз вовремя. С той стороны, откуда он пришел на ночлег, раздался волчий вой. Одновременно со всех сторон послышались не сулящие ничего

доброго голоса целой стаи хищников. Волк понял, что окружен, и его чуть не парализовало от страха. Меж деревьями замелькали зловещие огоньки. Но молодой волк нашел в себе мужество собраться. От сна и сытой неги не осталось и следа. Несмотря на юный возраст, храбрый отпрыск Аарымы решил биться до конца. Он поднял вверх морду и начал перед неминуемой смертельной схваткой воинственную песнь одинокого бойца. Затем, глядя в ночную темноту, вздыбил шерсть и оскалил острые клыки. И тут из-за большой лиственницы неожиданно выросла громадная фигура матерого волка, который, усевшись, завел радостную приветственную песнь. Джосун! Для волчонка, только что уверенного в том, что настали последние минуты его жизни, все перевернулось с ног на голову. Он тут же бросился навстречу старшему брату, уже известному в этих краях как сильный вожак крепкой стаи, сел перед ним и присоединился к приветственной песне. И тотчас их радостный вой подхватили со всех сторон.

Оказалось, что стая преследует тех самых оленей, одного из которых молодой волк добыл сегодня вместе с двуногим. Джосун дал понять брату, что они продолжают погоню. Молодой волк присоединился к ним.

Невольные должники

В пору самых сильных холодов, когда ледяное дыхание зимы окутывает все кругом кипенно-белым туманом, шквалистые ветра вздымают снег до поднебесья. В такие суровые времена молодой волк, ставший обитателем тихих алаасов, скрывался в своем логове в густо заросших деревьями увалах, тянущихся до самого горизонта.

Однажды, когда, наконец, прошли трескучие морозы, имеющие коварное свойство тихонько сковывать движения и незаметно усыплять все живое мертвым сном, серый хищник из рода Аарымы вспомнил добытого совместно с двуногим оленя. Голодный желудок нестерпимо заурчал. Молодой волк поднялся на расположенную между двумя алаасами лесную гряду.

Природа, давая знать, что скоро проснется, разбушевалась метелями и колючими буранами. Это только казалось, что сейчас, после утомительных морозов, настала удобная пора для волчьих вылазок. Бесконечные ветра уложили снег в длинные ряды плотных сугробов по всем обширным лугам и алаасам и превратили их шуршащую, сверкающую на солнце поверхность в твердый наст. Мышковать, гонять зайца и охотиться на боровую дичь на таких полях было для одинокого серого охотника трудной задачей. То и дело наст, не выдержав его веса, проваливался под ним, и он, увязнув в глубоком снегу, тратил впустую много сил и энергии. Впрочем, уроки даром не проходили, и молодой волк почти перестал выходить на открытые поляны.

Шли дни. Преисполненная счастья и радости царица весны Саргылаах Саас Сайбары овевала землю долгожданным, едва уловимым теплым дыханием. И этого было достаточно, чтобы отломился первый рог великого Быка холода. Однако полное стужи свирепое создание еще

долго будет сопротивляться и насылать на Срединную землю крепкие морозы. Действительно, было холодно, и все живое радовалось пока еще редко выпадающим дням без тумана, с прозрачным воздухом.

Сегодня выдалась особенно ясная ночь. На небе висел совершенно круглый лик равнодушной желтой луны. Звезды мерцали, будто нарядные игрушки, освещенные изнутри волшебными огоньками и прикрепленные к роскошному иссиня-черному бархату. Когда долго смотришь вверх, то вскоре привыкаешь к голубоватому свечению холодной луны¹⁹, и перед тобой открывается множество других миров. И чем дальше от заслоняющего их ночного светила, тем серебристых точек становится больше. Они сверкают, будто звездный след вооруженного луком и пальмой²⁰ охотника, промчавшегося по ночному небу на подбитых шкурой лыжах в погоне за небесным оленем. Небесный страж никогда не тающего студеного моря и всевидящее око — звезда Чолбон²¹, прикрепленная к центру небесного купола, сияла ярким светом, указывая путникам направление на север.

Толком не питавшийся зимой молодой волк ближе к весне ослаб. Он был бы рад любому перекусу, потому и вспомнил про остатки добытого прошлой осенью оленя. Место совместной охоты с двуногим он нашел безошибочно. Но упустил из виду, что тут уже побывала стая его старшего брата Джосуна, когда искала его. Неудивительно, что после их визита, а также после счастливого пиршества множества мелкой таежной живности остались одни обглоданные кости. Однако голодный хищник выкопал из-под снега несколько целых трубчатых костей, которые тут же хрустнули в его челюстях, и принялся высасывать их содержимое. Конечно, это не могло успокоить его пустой желудок. При свете полной луны пришлось пуститься рыскать по окрестностям. Как-никак волка ноги кормят. Не найдя поблизости ничего съестного, молодой волк вышел на старую просеку, ведущую напрямик к большой дороге железных тачек двуногих, и почти сразу уловил запах пробежавшего по ней оленя. От радости даже желудок немного отпустило, в глазах просветлело и прибавилось сил. Волк побежал вслед за жертвой. Но оголодавшему серому не хватило выдержки, и он слишком близко подобрался к оленю. Тот, искавший для остановки место с богатым ягельником, почувствовал хищника и, недолго думая, свернул с просеки и скрылся в густой чащобе. Волк ринулся за ним. Уходящий от погони олень выбежал к проторенной дороге здешних двуногих, по которой те ездили в свой поселок. Перескочил ее и помчался прочь по старой заснеженной дороге, где уже успели появиться высокие кочкарники.

Когда животное приблизилось к дороге двуногих, совсем некстати появился желтовато-серый щенок, которому еще не исполнилось и года.

¹⁹ Голубой оттенок луны — весьма редкое оптическое явление, присущее очень холодному зимнему воздуху.

²⁰ *Пальма* — универсальный инструмент таежника (используется как топор, секира, короткое копьё). Представляет собой большой металлический нож, прикрепленный к длинному древку.

²¹ *Чолбон* — в якутской мифологии существуют два значения этого слова: Венера (утренняя звезда) и Полярная звезда.

В поисках уехавших на ночь в поселок хозяев он дошел до большой дороги, но опоздал: их там уже не было. Теперь пес возвращался обратно на конебазу, принадлежавшую бывшему соседу Аарымы. Вдруг слева послышался хруст ломаемых веток и буквально перед собачьим носом дорогу стремительно перескочил олень. В щенке заговорили охотничьи инстинкты. Ему показалось, что это именно он вспугнул оленя. И щенок, не думая ни о чем, пустился вдогонку. Но куда ему было угнаться за быстроногим созданием! Щенок, несолоно хлебавши, вновь вернулся к дороге. И вдруг с той стороны дороги прямо на него выскочил серый хищник. В еще неопытном, но уже понимающем свои обязанности перед хозяевами щенке разыгралась кровь предков. Он прыгнул навстречу своему извечному врагу, и они с ходу сцепились в смертельной схватке. Несмотря на щенячий возраст, пес по отцу был отпрыском овчарки и отличался довольно большими размерами. Встав на задние лапы, волк и собака оперлись передними друг о друга, пытаясь вцепиться сопернику в горло. Но это никому не удалось. И вдруг все завертелось, закружилось в снежном вихре. Слышались яростные звуки жестокой схватки. Только каким бы сытым ни был щенок, измученный голодом хищник все равно был гораздо сильнее физически. Молодой волк изловчился и схватил собаку за уязвимое место. Пес попытался было освободиться от смертельной хватки, но лесной зверь только сильнее сжимал челюсти. Еще мгновение, и хищник разорвал собачью шею. Молодой волк отпрянул в сторону. Не успевший ничего сообразить щенок с бьющей из шеи кровью сделал попытку наброситься на врага, но тут же почувствовал страшную слабость во всем теле. Он жалобно взвизгнул, словно звал хозяина, и неуклюже свалился набок. Еще не отошедший от напряженной битвы молодой хищник подскочил к умирающей собаке, чтобы разорвать ее и насладиться теплой плотью и горячей кровью. И вдруг услышал позади себя грозное рычание. Волк резко обернулся.

Перед ним стоял Аарыма. Это он пригнал оленя с верховьев Большой речки к охотничьим угодьям молодого волка. Старший вожак вполне справедливо полагал, что молодой одинокий отпрыск, оставленный на хозяйство в тихих алаасах, в это время года, как никто другой, нуждается в помощи и поддержке. И олень в качестве добычи ему будет кстати. Аарыма с самого начала понял, как развиваются события, и шел по следам погони, читая их, как открытую книгу. Здесь молодой волк вспугнул оленя. Тот убежал. Но в конце концов животное должно было успокоиться и остановиться в одном из любых ягельных мест, коих полно в ближайших распадках. «Лишь бы волчонок снова не оплошал», — размышлял Аарыма, как вдруг услышал звуки отчаянной схватки и тут же во весь опор пустился в том направлении. К его приходу все было кончено. На снегу, истекая кровью, лежал щенок бывшего двуногого соседа.

Мудрый волк сразу понял, что его отпрыск, сам того не ведая, заложил этим убийством страшный источник будущих бедствий и несчастий. Остановив молодого волка, все еще желавшего растерзать поверженного соперника, старший вожак задумался. Как же так? Ведь

обычно ко времени ожереба хозяева привязывают псов, оставляя только старую и опытную собаку, которую Аарыма знал еще со времен встречи на старой просеке. Двунogie обязательно захотят отомстить за потерю любимого питомца. Значит, пока они не встали на тропу войны, необходимо действовать первому.

Выросший в этих краях, Аарыма предположил, где мог остановиться убежавший от молодого волка олень, и у него созрел план. Отправив отпрыска преследовать добычу, опытный вожак направился наперехват подуставшему животному. Олень почувствовал, каким-то образом почуял приближение Матерого и резко свернул направо — как раз в ту сторону, где параллельно ему следовал молодой хищник. Поняв ошибку, животное резко взяло налево и выскочило прямо на Аарыму.

Песнь в честь удачной охоты была краткой. Видя нетерпение молодого волка, жаждавшего приступить к трапезе, старший вожак полоснул клыками горло жертвы и дал отпрыску напиться теплой крови. Но тушу трогать не разрешил. Она была нужна для задуманного плана. После того как молодой волк слегка утолил чувство голода, они вдвоем оттащили тушу оленя к мертвой собаке. Затем тщательно присыпали тела снегом. И все это на краю дороги, по которой каждый день ездит бывший двуногий сосед Матерого. Этим подношением Аарыма как бы давал двуногому понять: «Мы допустили большую ошибку. И в знак извинения и примирения оставляем этот дар. Мы не хотим войны». Мудрый вожак надеялся, что двуногий поймет его. Но примет ли человек его извинения? Простит ли убийство любимого щенка, которого растил как верного неразлучного друга? Не встанет ли на путь кровавой мести?

Прощение

Переменчива пора межсезонья. Только вчера стояла тихая, спокойная погода, и над тайгой сияло яркое солнце. А сегодня уже иная картина. Вновь над лугами и полями взвихрились свирепые бураны, засвистели метели, укатывая и без того плотный снежный наст.

Бывший сосед Аарымы и его напарник-водитель свернули с большой дороги в сторону алааса, где паслись их табуны. Внезапно они увидели на обочине невесть откуда появившийся снежный холм и, не доезжая метров десять, остановили машину. Подошли поближе. Этой снежной копейки вчера точно не было. Пока водитель ходил к машине за лопатой, бывший сосед Аарымы решил проверить, насколько плотен насыпанный холмиком снег. И тут разглядел два отчетливых волчьих следа. Внимательно изучая их, обошел холмик. Один из отпечатков явно принадлежал зимовавшему здесь молодому волку. Узнал человек и второй след, который ни с чьим перепутать не мог. Передние лапищи были чуть повернуты внутрь. Кослолапый след принадлежал Аарыме!

Напарник, едва начав разгрести снег, почти сразу наткнулся на что-то твердое. Это была красная лисица. Озадаченные люди отряхнули нежданную находку от снега и забросили в машину. Но далеко не уехали, поскольку увидели на дороге еще один снежный холмик

и вновь обнаружили под ним красную лису. Удивление бывшего соседа Аарымы, смешанное с непонятным чувством какого-то подвоха и опасения, возрастало с каждой минутой. Однажды он слышал историю о том, что когда-то местные волки, случайно перехватив законную добычу известного охотника, расплатились с ним подобным образом. Но он-то совсем другое дело. Он не знаменитый охотник, и хищникам вроде Аарымы не в чем извиняться перед ним... Неужели волки задрали лошадь? В таком случае никакого прощения не будет. Из двух, как говорится, выживет один. Если серые каждый раз за убитую кобылу будут отделяться лисицей, то скоро пустят его по миру. Если Аарыма виноват, то он по привычке может уйти и надолго затеряться в тайге. А вот с молодым волком, если он уже распробовал мясо детей Джёсёгея, подобное вряд ли произойдет. Хищник на одной вкусной жертве не остановится. Обязательно вернется и попробует проделать то же самое еще не раз.

Чем ближе напарники подъезжали к алаасу, где пасся табун, тем сильнее хозяина конебазы охватывало беспокойство. В голове, словно облака в ветреную погоду, мелькали разные тревожные мысли. Вдруг почему-то он вспомнил о щенке. Ребенок есть ребенок. В поселке щенок гонялся за каждой проезжающей машиной. Попробовали было держать на цепи, но потом решили отправить его на «воспитание» напарнику на конебазу, думая, что там, на природе, пес быстрее повзрослеет и остепенится. Бывшему соседу Аарымы щенок нравился. По всему было видно, что он вымахает в большую и сильную собаку. Правда, не нравился хозяину только желтовато-серый окрас пса. Бывалые люди утверждали, что собакам с таким окрасом Байанай относится не слишком благосклонно. Вчера, когда хозяин конебазы уезжал, щенок был на привязи, но, видимо, оставшийся в доме напарник слишком рано его отвязал. Хозяин успел разглядеть собачьи следы, которые вели к большой дороге, а потом повернули назад.

— Смотри-ка! — Удивленный голос водителя заставил старшего напарника очнуться от раздумий.

На дороге виднелись два снежных холма разной высоты. Из-под того, что побольше, напарники извлекли оленью тушу с перерезанным горлом. Будто все было сделано для того, чтобы вытекла кровь и мясо можно было спокойно употребить в пищу. Под вторым холмиком лежал щенок. Только теперь до бывшего соседа Аарымы дошло, почему волки так настойчиво ищут мира с ним. Они, оказывается, убили его еще не подросшего пса. Внимательно изучив тело собаки, напарники обнаружили, что у нее разорвана лишь сонная артерия и она умерла от потери крови. А все остальное было в целостности и сохранности. По всей видимости, пес возвращался домой, когда встретил волков и вступил с ними в неравную схватку. Но, с другой стороны, это было весьма странно и не очень соответствовало тому, что обычно происходит в таких случаях. Для бывшего соседа Аарымы случившееся так и осталось загадкой.

Погрузив в машину останки щенка и оленя, люди поспешили к своему табуну. К их вящему удовольствию, все кобылы были в целостности

и сохранности и паслись как ни в чем не бывало. «Оказывается, волки сюда даже не заглядывали. Не повезло щенку. Хорошо, что они не разорвали его тело». Бывший сосед Аарымы немного успокоился. Еще он подумал, что мудрый волк специально сделал снежные холмы, чтобы вездесущие вороны не тронули оставленные тела. А также чтобы человек мог достойно похоронить своего питомца, за убийство которого Матерый просил прощения. Волк искал мира и преподнес подарок.

Пока доехал до дома, хозяин усадьбы более или менее успокоился и уже без лишних эмоций принял окончательное решение по поводу своих действий: «Щенка уже не вернуть. И если сейчас начать сгоряча мстить волкам, еще неизвестно, кому будет от этого хуже. Видно, что Аарыма, как мудрый вожак стаи, ищет мира. Значит, на дороге что-то пошло не так и убийство щенка было совершенно случайным. С предложением о мире надо соглашаться». Если объявить сейчас войну, значит, надо будет уничтожить отпрысков Аарымы подчистую. Но это практически невозможно. Кровавой вендетте не будет конца. А вот благополучию сельского жителя, которое в значительной степени зависит от целостности и сохранности табунов длинногривых, конец придет. Но, конечно, если перемирие будет нарушено и начнут пропадать кобылы, придется обратиться к охотникам-волчатникам.

После этого случая следы волков исчезли. Не было ни больших отпечатков, ни маленьких. Гости конезаводы весьма удивились этому: «Что за странный край без волков...»

...Наступление весны чувствовалось явственно. Человек уже ощущал на щеках тепло солнечных лучей. На лугах, где хозяева обычно подкармливали кобыл, появились первые проталинки. Вместе с этим прилетели вестники весны — пуночки. Они дружно держались возле табунов, выклеывая рассыпавшиеся из сена семена на прогалинах. Но на лесистых увалах снег по-прежнему лежал плотной массой, и от туда время от времени было слышно на всю округу, как дятел стучит по дереву. Весна сменила зиму. Жизнь продолжалась.

Подарок

Пролетело еще одно лето. Лесное окаймление алаасных лугов окрасилось в яркие охристые цвета, отчего казалось, что все кругом было залито золотым сиянием. При взгляде на густо заросшие разными породами деревьев широкие увалы возникало странное ощущение. Вроде бы то же буйство красок с одной палитры, но совсем другие узоры и другие мазки волшебной кисти. Сквозь темную зелень елей пробивалась ослепительная белизна стройных березок, чьи трепещущие листья добавляли свои нотки в прощальную мелодию лета. В вылинявшей за жаркие дни небесной синеве тянулись клиньями последние гусиные стаи, и их, качаясь и кружась на тихих, незамутненных водах, проводжали унесенные на середину озера резные желтые листья.

С первыми лучами солнца в алаасе, жившем спокойной осенней жизнью, появился человек с двустволкой. Это бывший сосед Аарымы

выбрался из своего ётёха побродить с ружьем по лугам и перелескам. Заодно, по неизменной привычке сельского жителя быть постоянно занятым чем-то, он хотел проведать табуны. Хотя до поры сбора длинногривых и их перегона на близлежащие пастбища еще далеко, лишний хозяйский взгляд не помешает. Кроме того, была у владельца табунов и давно лелеемая тайная мечта: набрести на заветную поляну, где в это время года со своим уже повзрослевшим весенним выводком отдыхает глухарь. Найти такую глухариную поляну в сосновом бору или среди высокого хвойного леса — заветное желание любого охотника. «Может, Баай Байанай нынче улыбнется мне», — думает он. Друзья-напарники хозяина конебазы отправились к изученному вдоль и поперек круглому озеру в надежде настрелять еще не улетевших нырковых уток. Его старая собака Кыыстара увязалась за ними, а он даже останавливать ее не стал.

Бывший сосед Аарымы обошел опушки сосняков и лиственничных чащоб с густой мшистой подстилкой, а также любимые глухарями высокие открытые поляны, но нигде ничего не заметил. Заглянул ненадолго в обширный алаас с глубоким озером, а потом поднялся на левую возвышенность длинного увала, чтобы дойти, наконец, до самого северного алааса, где обретался табун старого жоака. Но по пути захотел обязательно взглянуть на новый табун молодых лошадей во главе с пятилетним жеребцом, которому в качестве основного пастбища определили уютный ётёх с хорошим сочным разнотравьем, расположенный между западным и северным алаасами.

...Вроде все было спокойно. Из семи кобыл только за одной не следовал жеребенок. А за остальными бегали уже заметно подросшие за лето тонконогие, с кудрявыми хвостами дети Джёсёгея. «Это хороший приплод. Замечательно для начала», — подумал бывший сосед Аарымы. Но кобылы при виде хозяина почему-то пустились в сторону северного алааса. Послышался глухой топот копыт, превратившийся постепенно в хлюпающий звук бега по мелководью. Пятилетний жеребец замыкал табун, будто защищая кобыл от кого-то чужого, представляющего для них опасность. Странно. Почему они шарахнулись от человека? Что их так испугнуло? На всякий случай хозяин конебазы вознамерился проследить за ними. Но зная, что чужих длинногривых здесь нет и что его лошади наверняка направились в обширные луга северного алааса, где пасся табун старого жоака, успокоился и решил обойти большой алаас с глубоким озером с восточной стороны, где также полно удобных для глухариного сбора уголков. Может, именно там ему и улыбнется охотничья удача.

Перевалив кратчайшим путем через невысокий увал, охотник вышел прямо на северный алаас. Кругом были тихие закутки с небольшими сухими полянами. Теперь необходимо было глядеть в оба глаза, обращать особое внимание на нижние толстые ветви любимых глухарями кряжистых лиственниц и сосен. Но, обойдя таким образом весь алаас по южной стороне, бывший сосед Аарымы никаких признаков присутствия боровой дичи не заметил. Стояла тишина.

Вдруг охотник, державший правой рукой ремень висящего на плече ружья, остановился. Доведенным до автоматизма резким движением снял с плеча ружье.

Прямо на его пути сидел волк. Он смотрел на человека, не отрывая от него золотисто-желтых глаз, а из его пасти свисало что-то большое и темное с крыльями. Затем хищник аккуратно положил на землю то, что держал в зубах, поднял морду к небу и издал короткий вой. Оглянулся пару раз на удивленного человека и растворился в лесной чаще.

Бывший сосед Аарымы, державший ружье наизготовку, был коневодом и обладал особой зрительной памятью на морды, окрас масти и общий рисунок всей шкуры детей Джёсёгея. Это помогало ему отличить одну лошадь от сотен других. То же самое касалось и увиденных им однажды диких животных, и потому он никак не мог ошибиться. Только что перед ним был тот самый молодой волк, с которым они вместе «поохотились» прошлой осенью. Хищник заметно возмужал, вырос в холке. Он явно становился похожим на своего матерого отца. Все еще оглядываясь и держа ружье наизготовку, человек подошел и осмотрел то, что оставил серый хищник. Это был огромный глухарь!

Человек ощупал птицу руками. Туша была еще теплой. «Так это, значит, был ты, мой аккуратный волчонок, зимовавший здесь. Ну это же ты, негодяй, прикончил моего щенка! Тебе повезло, что ты отпрыск Аарымы, который извинился за тебя. Наверное, это подарок за то, что я не стал охотиться и преследовать тебя и весь ваш род. Ладно, принимаю твой дар, булчут»²². Размышляя подобным образом, он попытался засунуть глухаря в рюкзак. Но дорогой подарок в большой заплечный рюкзак поместился лишь наполовину. И бывшему соседу Матерого пришлось стянуть огромную птицу веревкой, чтобы не болталась и не мешала идти. Весь обратный путь домой он проделал с такой же улыбкой, как и после прошлогодней совместной охоты с тогда еще совсем юным волком.

О чем он думал? Каким мыслям так загадочно улыбался? Может быть, вспомнил волчонка, который был настолько удивлен странным поведением двуногого, что даже не попытался скрыться. А может быть, вспомнил о матером соседе, долгие годы бывшем с ним рядом, и о том, что они с мудрым Аарымой когда-нибудь обязательно должны встретиться...

Наступил осенний вечер. Эбэ кюэль²³, будто стараясь защитить притихший алаас от ночного прохладного воздуха, бережно укрыла все низины плотным туманным одеялом, сотканным из накопленного за день тепла.

В уютно натопленном домике, стоящем на краю ётёха, было весело и многолюдно. Несколько мужчин, сидя вокруг богато обставленного охотничьего стола, оживленно разговаривали на традиционные темы. Кто что видел, кто что добыл. Богатый стол — это то, что послал им

²² Булчут — охотник.

²³ Эбэ кюэль — буквально: Бабушка-озеро. Эбэ — бабушка. Так в народе саха уважительно называют озера, реки, алаасы, леса и другие значимые для жизни людей места.

сегодня Баай Байанай. Отборные караси величиной в полторы ладони, на любой вкус: и поджаренные до нежно-золотистого цвета, и в наваристой ухе. А также суп из последних в этом году нырков, чей янтарный жир аппетитно поблескивает на поверхности. В большой глубокой миске дымится разделанное и выложенное горкой мясо дичи. Все приготовлено просто и без особых изысков. И именно в этом прелесть блюд, которые достались от предков в неизменной рецептуре, ведь их главный секретный ингредиент — это свежайшие исходные продукты, добытые и выловленные буквально пару часов назад.

У всех было приподнятое настроение. Вспоминали разные забавные случаи. Но несомненным чемпионом вечернего разговора стал большущий глухарь, подаренный хозяину дома волком. Кое-кто, как водится, слушал рассказ с улыбкой, зная, что в охотничьих рассказах всегда есть преувеличения и мистификации. Хозяин никого переубеждать не стал, а рассказал одно старинное предание:

— Жил-был, говорят, известный старик-охотник. Однажды жена упросила его, чтобы он взял с собой на охоту старшего сына одинокой многодетной соседки. Мол, и тебе поможет, и сам промыслового опыта наберется.

Так с ним в тайгу и отправился только начинавший физически крепнуть мальчонка. На их беду выдалась редкая осень, когда собаки ни разу не облаяли сохатого. Но Баай Байанай в конце концов сжалился над промысловиками. Перед самым возвращением из тайги они добыли лося. Однако покровитель охотников решил не ограничиваться этим подарком. Мальчонка, которого старик отправил за водой к маленькому озерцу, увидел на противоположном берегу большого глухаря, сидевшего на нижней ветке старой лиственницы. Он тут же доложил об этом своему наставнику. Но старый охотник, то ли утомившийся от разделки громадной туши, то ли посчитавший глухаря не такой уж значительной добычей по сравнению с сохатым, ответил мальчонке, чтобы тот сам сходил. Мол, если повезет, то это будет его законный приз. Мальчонка ушел и вскоре вернулся с большущей черной птицей.

Собрались домой, и наступила пора делить трофеи. Старик, каждый год добывавший по несколько сохатых, в этот раз, вопреки всем охотничьим законам, отнесся к напарнику пренебрежительно. «Кто что добыл, то и получает», — обманул он мальчонку. И забрал себе всю тушу громадного лося. Ничего не подозревавший юный охотник с искренней радостью взял глухаря. Родные встретили мальчонку, как настоящего добытчика. Их восторгу не было конца. Из последних остатков муки приготовили оладушки, чтобы воздать должное духу огня Бырджа Бытык Хатан Тэмиэрийэ и вознести честь и хвалу покровителю охотников Баай Барылаах Байанаю. А старый охотник даже слова благодарности не сказал Баай Байанаю. Наоборот, выразил неудовольствие тем, что тот нынче заставил его понервничать.

Баай Байанай, всю жизнь покровительствовавший охотнику и постоянно посылавший ему таежные дары, глубоко опечалился. Его также сильно огорчило, что старик пренебрег самым дорогим подарком — глухарем,

а позарился на большую лосиную тушу, которой, вопреки всем охотничьим законам, даже не поделился с юным напарником.

С тех пор, говорят, удача отвернулась от известного охотника. Старик потом корил себя, плакал и признавал свою ошибку, но всегда возвращался с пустыми руками. А тот мальчонка стал удачливым охотником, слава о котором бежала впереди него. Именно после этого случая охотники стали считать глухаря царской добычей, ниспосланной самим Баай Барыылаах Байанаем. Они ценят его даже дороже сохатого и преподносят в дар самым уважаемым людям.

В наступившей тишине вдруг послышался неожиданно громкий треск головешки в печке, будто согласившейся с только что прозвучавшим старинным преданием. Кто-то из парней спросил:

— Значит, зимовавший здесь молодой волк по достоинству оценил то, что ты не стал отбирать его добычу, а поделился с ним. И в благодарность за это преподнес самый дорогой подарок Баай Байаная — черного глухаря?

— Получается, что так, — заговорили со всех сторон.

— Вы правильно думаете, — ответил бывший сосед Аарымы. У него были еще и другие соображения, но он решил их сегодня не высказывать.

Спасение Аарымы

Прошел год. И была зима, и весна, и было лето.

Зима не торопилась уходить. Она привыкла к тому, что в царстве вечного холода все подчиняются ей и в долгие месяцы усыпляющей морозной красоты копят силы для возрождения к новой жизни. Капризная царица в покрытой инеем ослепительно-белой накидке, усыпанной алмазной крошкой изо льда и снега, только днем укрощала порывы холодных, пронизывающих ветров и делала вид, что удаляется на север, к студеному море-океану. А ночью вновь возвращалась. Наутро все повторялось по новой. Но каждый год, рано или поздно, всегда грядет пора, когда она должна умерить холод и окончательно уступить место вечно юной сопернице — весне.

Весна в царстве вечной мерзлоты надолго не задерживалась. По ее волшебному мановению здесь просыпалось и оживало все, что надолго усыпила снежная королева. Но ей нужно было спешить дальше на север. И она освобождала место зрелой красоте жаркого лета со страстными белыми ночами, с нескончаемыми песнями-тойуками. Наступало время неукротимого буйства зелени короткого северного лета с неизъяснимыми ароматами.

Осень подкралась, как всегда, незаметно. С каждым днем среди ее красок было все больше и больше золота. Но вот опали последние листья. Тайга притихла в ожидании, когда ее поскорее укроют теплым снежным одеялом и все живое вновь погрузится в гипнотический сон царства белого холода.

В один из таких дней, когда из ноздрей Быка холода только начали появляться первые клубы пара, вступивший в почтенный возраст Аарыма

и его верная подруга Кылбара, в чьей роскошной блестящей шубе застревают солнечные лучи, возлежали на массивном округлом валуне. Это был тот самый камень на вершине увала на новых землях, возле которого после битвы с таежными волками Аарыма устроил логово. Здесь струил кристально чистые воды никогда не замерзающий родник, а вокруг было множество каменных пещер. Старый вожак с верной подругой отдыхали в ожидании восхода солнца с пока еще греющими землю лучами. И каждый думал о своем.

Дружная волчья пара была не одна. В логове, прикрытом снаружи сплетенными корнями могучей сосны, спали шесть маленьких волчат. Рыскавшие с родителями всю ночь по тайге сеголетки, что называется, дрыхли без задних лап и тихонько поскуливали. Беззаботным, счастливым щенятам снились сияние путеводной Полярной звезды, сверкающие россыпи ярких звездочек и таинственный свет сопровождавшей их полной луны. Родители, охранявшие крепкий сон щенят, начали жмуриться от яркого света восходящего солнца. А может, их тоже стало клонить ко сну. Волчица-мать думала о щенятах. Они с Аарымой в полной мере испытали ниспосланное им на закате лет родительское счастье. Если волчата последнего помета благополучно переживут предстоящую зиму, то уже на следующий год предстанут большой дружной стаей. Кылбара очень надеялась на это. Совсем другие мысли одолевали старого вожака. До нынешней осени, как бы ни истерлись за долгую волчью жизнь его острые клыки, Аарыма никогда не чувствовал себя постаревшим, утратившим силы и уверенность вожаком. Но после одного недавнего случая все чаще стал задумываться об этом, хотя внешне беспокойства не показывал.

...В первое время после битвы территория между таежными волками и отпрысками Аарымы оставалась ничейной, на нее никто не претендовал и никто на ней не селился. Любой хищник мог без всяких последствий преследовать законную жертву, забежавшую на нейтральную полосу. В этом году весенний гон в период брачных игр состоялся на этих сопредельных землях. Вновь образованные пары — самки из рода Кырыктааха, а также волчица из рода северных, выросшие у Кылбары, и молодые самцы таежных волков — ушли на другую сторону притока Большой речки, где образовали свои семьи. На нейтральной территории остался лишь один неустроенный молодой самец, уступивший во время гона более удачливым соперникам. Прятавшийся все лето в самых дальних и тихих уголках междуречья, зверь-одиночка к осени заматерел и начал показывать свой скверный характер. Он начал даже нападать на молодых волчат, которые в пылу охоты встречались с ним, а нейтральную доселе территорию стал считать своей законной землей.

Однажды Аарыма с Кылбарой загнали туда оленя. Наскоро перекусив и вернувшись с полными желудками, они отпрыгнули щенятам частично переваренную оленину, усваиваемую гораздо лучше, чем просто сырое мясо. Затем отец семейства вновь отправился к добыче

за новой порцией, а Кылбара осталась в логове. Матерый сразу заметил чужака, который провел все лето на ничейной территории. Молодой возмужавший волк добрался до добычи Аарымы и спокойно обедал. Он даже не счел нужным сдвинуться с места. Более того, в ответ на появление настоящего владельца туши оскалил зубы, посчитав, наверное, что теперь это его законная доля. Было понятно, что таежные запо-веди он не почитает, старость не уважает и добром от чужой добычи не откажется.

Матерый сын седой тайги, дожив до преклонного возраста, никогда раньше не встречался со столь непочтительным к себе отношением. Его уважали за мудрость и справедливость, ему никто поперек до-роги не вставал. Потому легко понять, что Аарыму аж передернуло от наглого, переходящего все границы таежного приличия поведения молодого волка. Он пришел в ярость. Издав протяжный грозный вой и сверкнув глазами, Матерый бросился на дерзкого нахала. Наглец, уверенный в том, что справится со старым волком, в ответ тоже за-рычал и прыгнул навстречу. Густо заросшая мхом и пахнувшая прелой листвой доселе тихая поляна стала ареной смертельной схватки. По-слышался треск ломаемых кустов и веток тонкоствольных лиственниц. Во все стороны брызнул ярко-красный сок спелой брусники. Вначале казалось, что Аарыма превосходит молодого соперника. В какой-то момент он чуть не вцепился в горло врага, но промахнулся и ухватился лишь за длинную и густую шерсть на загривке. Но все же мерзавцу несколько раз пришлось уткнуться мордой во влажную землю, и ему еще повезло, что удалось вырваться и отпрыгнуть в сторону. Старый вожак успел лишь слегка оцарапать ему ляжки. Истершиеся клыки и скорость были уже не те. Раньше подобные его выпады оборачива-лись для жертвы ужасающими ранами, он мог прокусить шею даже сквозь самую толстую шкуру, а задние ноги уж точно были бы обо-драны до костей. Но не сейчас. Воспользовавшись тем, что матерый сын седой тайги не стал его преследовать, зверь-одиночка отошел в сторону и остановился, готовый убежать в любой момент. Когда Аарыма двинулся было в его сторону, он отскочил и вновь остано-вился. Старый вожак решил, что достаточно проучил наглого выскочку и тот признал поражение, а сразу не уходит, потому что не позволяет гордость хищника. Аарыма вдруг почувствовал усталость и вернулся к остаткам туши, чтобы немного подкрепиться. Подлый зверь, вос-пользовавшись тем, что старый волк отвлекся на еду, набросился на него. Опытный вожак, видимо, ожидал такого поворота событий и мгновенно повернулся навстречу врагу. Атака мерзавца была столь стремительной, что опытный волк едва успел увернуться от клац-нувших рядом с сонной артерией острых клыков, которые намертво впились ему в ключицу. «Теперь-то уж точно прикончу...» — видимо, промелькнуло в голове серого негодяя, и ему будто прибавили сил. Он постарался переместить клыки поближе к сонной артерии Матерого, чтобы разорвать ее одним резким движением. Аарыма почувствовал, как челюсти врага сжимаются все сильнее. Чаша весов постепенно

склонялась в сторону находящегося в расцвете сил наглого хищника. На счастье старого вожака, Кылбара услышала его грозное рычание, сопровождаемое боевым кличем — громким и коротким воем перед нападением, и теперь во весь опор мчалась к нему. Зверь-одиночка, увидев волчицу, тут же разджал челюсти и пустился наутек. Аарыма с Кылбарой попробовали было погнаться за ним, но того и след простыл. И тут старый волк почувствовал неимоверную усталость. Если раньше после подобных схваток у него вовсю кипела кровь и он был готов к новым битвам, то теперь у него гулко-гулко забилося сердце, а мышцы неожиданно ослабели и ноги предательски подгибались. Все движения резко замедлились. Ему хотелось быстрее подкрепиться и прилечь отдохнуть. Волки вернулись к остаткам туши и набили желудки, чтобы накормить щенков...

Именно после этого случая матерый волк, главный вожак десятка стай седой тайги, стал задумываться о чем-то. В его душе поселились грусть и тоска. Действительно, жизнь прожить — не кость обглодать. Оглянуться не успел, а все позади. Впереди уже виден конец.

Вот о чем думал старый вожак, лежа на массивном округлом валуне в ожидании восхода солнца.

Неисполненная просьба

Настала ранняя зима. Ласковые лучи солнца перестали согревать щеки, и день, в течение которого светило свободно резвится в неоглядном небе, заметно сократился. Бывший сосед Аарымы приехал с постоянными помощниками в ётёх предков. Мужчины, потягиваясь, вышли из машины. Послышался скрип шагов по недавно выпавшему снегу. Бодрые голоса заполнили тишину укутанных белым покрывалом полей и опушек. Люди явно соскучились по знакомым видам любимого алааса. Затопили печку, и спящий домик с радостью проснулся. Белесый дым вмиг устремился в небеса, но, почти достигнув нижнего полога серых облаков, словно испугался открывшихся ему необъятных просторов и тихо растянулся по-над лугами, постепенно исчезая в прохладном воздухе. Хозяин усадьбы по привычке, пока его товарищи топили печку, заносили вещи и устраивались, закинул за плечи рюкзак, прихватил двустволку и отправился пешком в ближайший алаас проверить стоявший там табун.

Бывший сосед Аарымы с удовольствием вдыхал морозный воздух родного алааса. Но хозяин есть хозяин, и он с самого начала приезда недоумевал по поводу того, что табун старого вожака в этом году не перекочевал в алаас с ётёхом, где стоял его аккуратный домик. Жеребец ведь знает, что когда люди сюда приезжают, то всегда подкидывают сена, угощают лакомством — зерном. Что случилось? В давно и хорошо отлаженном мире табунщика просто так ничего не происходит. Значит, была какая-то веская причина. И отсутствие табуна — это вовсе не каприз старого вожака.

Хозяин лошадей направился в соседний просторный алаас с глубоким озером. Может, думал он, длинногривые пасутся там. Ему необходимо было миновать небольшой высокий ётёх с еще окончательно не исчезнувшими провалами в земле, оставшимися от бывших строений заброшенной усадьбы.

Вдруг из-за могучих лиственниц, растущих на опушке ётёха целым островком, появился громадный волк, который уселся прямо перед двуногим. Тот опешил, но успел привычным движением взять ружье на изготовку. Человек и волк внимательно глядели друг на друга. Зверь никаких движений не делал, а просто и спокойно смотрел. Нет, не просто и спокойно, а как-то вопросительно. Это и смутило человека. Потом матерый обитатель тайги, продолжая неотрывно смотреть на него, улегся на снег. Когда первое волнение спало, до хозяина усадьбы дошло, что перед ним Аарыма. Вот они и встретились.

Он много раз представлял себе, как это будет. Желал увидеться с ним и не верил рассказам, что Аарыму убили, как какого-то простого зверя. Но никак не думал, что встреча произойдет именно так и именно сегодня. Впрочем, все важное в жизни всегда так и происходит.

Еще несколько мгновений, и человек понял, почему не сразу признал в лежавшем перед ним волке, который неотрывно смотрел на него, матерого соседа. Это были глаза! Ярко-желтые глаза Аарымы, которые некогда выразительно блестели, сегодня были потухшими, подернутыми пеленой печали. В них не сверкал былой огонь. Тот огонь, что называют любовью к жизни. И, посмотрев в них, человек вдруг осознал смысл странного волчьего взгляда. Он вздрогнул от неожиданно поразившей его догадки. Медленно отложив ружье в сторону на снег, опустил на правое колено, показывая, что у него нет никаких враждебных намерений. На первый взгляд матерый зверь по-прежнему представлял собой совершенное создание великой природы. Только наметанный глаз опытного охотника заметил, что шкура хищника сильно потускнела, выдавая прожитые годы. Пока человек размышлял об этом, старый вожак поднял голову и издал протяжный вой. Так Аарыма приветствовал соседа. Человек, никогда не слышавший подобного в непосредственной близости от себя, поневоле вздрогнул. По спине пробежал неприятный холодок. Хоть хозяин усадьбы и понимал, что этот хищник не представляет для него опасности, находиться рядом с матерым зверем оказалось ощущением не из приятных.

Приветственный тойук Аарымы, прозвучавший с высокой опушки ётёха, вознесся над могучими вековыми лиственницами. В протяжной волчьей песне слышалось не только приветствие, но и благодарность. Более того, были в этой жутковатой суровой мелодии и нотки просьбы. Тот, кому была предназначена песнь матерого хищника, сидел рядом. Человек все услышал и обо всем догадался и оттого чувствовал себя неуютно. Аарыма не отводил от него пристально-вопросительного взгляда. Но коневод и охотник, хозяин дома на краю ётёха и бывший сосед Аарымы где-то на уровне подсознания

понимал, что он прежде всего человек, а дикий зверь, дитя тайги с чистой душой, хочет взвалить на него непосильную ношу. От этой мысли его бросило в дрожь.

Нет. Он определенно не мог выполнить просьбу Аарымы, с каким бы уважением ни относился к старому вожаку и своему бывшему соседу, повадки которого хорошо изучил и с которым мирно уживался много лет. Человек разволновался. Ему даже во сне не могло присниться, что он попадет в такую ситуацию. Он снял шапку и положил рядом на снег. И как-то неловко, даже немного смешно почесал себе затылок. Волосы с проседью были взъерошены, с неприкрытой головы валил пар.

Неизвестно, сколько бы они так смотрели друг на друга, но вдруг хозяин дома уловил какое-то движение на краю поляны. Там стоял еще один волк. Судя по относительно небольшому росту, это была самка в роскошной блестящей шубке с желтоватыми подпалинами и такого же цвета пятнами на скулах. Рядом с ней копошилось несколько мохнатых волчат нынешнего помета. И тут у человека камень с души свалился. Ему стало все ясно, и он обратился к Аарыме с окончательным ответом на поставленный им вопрос.

— Досточтимый сосед, старейшина седой тайги Аарыма! Как бы я тебя ни уважал, вынужден отказать в твоей просьбе. Говорят, что с годами, когда отпущенных человеку судьбой солнечных дней становится все меньше, мы по-особенному начинаем ценить каждый миг жизни в нашем Срединном мире. В тебе тоже бежит горячая кровь. Ты тоже дитя Юрюнг Аар Тойона — Великого Белого Господина, сотворившего все живое на земле. Значит, и ты должен ценить каждый миг жизни в этом подлунном мире. Имея таких славных маленьких отпрысков, ты просто обязан жить. Должен еще не единожды оросить поверхность мха, еще не единожды встретить рассвет, и зиму, и лето. Отбрось минутную слабость, не наступай на горло собственной песне. Мы с тобой еще поживем. Я еще не раз услышу имя матерого сына вечной тайги, — сказал Аарыме его бывший сосед и, посчитав свой ответ исчерпывающим, выпрямился, закинул ружье за плечи и надел шапку.

Аарыма понял, что сосед отказался выполнить его просьбу. Он медленно поднялся и потрусил в сторону поджидавшей его Кылбары.

Вдруг заговорила рация, и сквозь шипение и треск в эфире послышались взволнованные голоса парней: «Ты где находишься? Слышал вой волка? Он где-то совсем рядом с тобой... Наверное, в том же алаасе... Сейчас приедем на машине. Ты где? Прием! Прием! Ты где?»

В глазах Аарымы, обернувшегося на звуки рации и смотревшего вслед уходящему в сторону дома соседу, можно было увидеть одновременно и разочарование, и затеплившийся огонек надежды. Матерый подошел к поджидавшей его на опушке леса Кылбаре, и они вместе исполнили песнь, в которой выразили прощание и благодарность. Затем, сопровождаемые все еще неуклюжими мохнатыми сеголетками, исчезли в лесу.

Не обращая внимания на поднятый парнями в эфире шум, хозяин дома спокойно направился в сторону своего ётёха. Когда он уже подходил к родному алаасу, подъехал уазик. Парни удивились суровому выражению лица старшего по возрасту, который не стал ничего говорить, а молча уселся на заднее сиденье машины. Заметив его странное поведение, братья лишь переглянулись и перестали лезть с расспросами. Все расселись, и водитель, лихо развернувшись, дал по газам.

Ответы на вечные вопросы

Над алаасами, рисуя воздушные берестяные узоры, плыли белоснежные странники вечного неба. Существующие со времен создания Срединного мира облака напоминали, что жизнь никогда не останавливается, что это определенный раз и навсегда цикл, круговерть суровых испытаний, повторяющихся из года в год, из века в век. Облака теснились и клубились, спеша в неведомые дали, чтобы стать очевидцами всех без исключения событий на земле. И самых ярких, и самых скромных.

Ближе к полуночи открылась дверь дома в ётёхе. Вместе с вырвавшимися наружу потоками теплого воздуха, вмиг окутавшими белесым паром фонарь над косяком, на пороге возникла фигура человека. Это был хозяин дома. Он окинул привычным взглядом притихший от мороза ночной ётёх, будто искал что-то в мгле, а затем, запрокинув голову, стал всматриваться в звездное небо. А там, будто развешанная под куполом неба разноцветная салама²⁴, играли сполохи полярного сияния. И он вновь прочел в этом грандиозном космическом цветовом представлении вечный вопрос, на который сегодня так настойчиво искал ответа.

У него все время из головы не выходила немая просьба почтенного старца великой тайги Аарымы. Привыкший засыпать почти мгновенно, он без конца ворочался, но сна как не бывало. Вот и решил выйти на свежий воздух. Конечно, он, в отличие от Аарымы, еще не стар, хотя уже далеко не мальчик. Но сегодняшний случай заставил его о многом задуматься — все же большая часть жизни уже позади — и задаться важнейшим вопросом, адресуемым человеком самому себе. «Если Аарыма пришел ко мне с подобной просьбой, значит, его звериное чутье говорит ему, что конец не за горами. Великий вожак прожил долгую и достойную волка жизнь и потому имел право обратиться ко мне с щекотливой просьбой. А я что сделал в жизни такого, что останется после меня? Неужели все закончится, когда меня не станет? Воспользовался ли я сполна всеми возможностями, что были мне даны при рождении в Срединном мире? Достойно ли прошел по дороге, предначертанной судьбой?.. Смогу ли я на склоне лет, как и Аарыма,

²⁴ *Салама* — здесь: украшение из разноцветных ленточек материи, развешиваемых на воткнутых в землю молодых березках (чэчир) во время национального праздника Ысыах. *Ысыах* — праздник встречи лета, главный традиционный праздник народа саха. Его иногда называют якутским Новым годом. Отмечается в день летнего солнцестояния.

сказать, что прожил достойную жизнь и ни о чем не жалею? И готов ли увидеть свой последний рассвет? А если еще не сделал что-то очень важное, то успею ли исполнить это за оставшееся время?»

«Не падай духом, человек с солнечными поводьями за спиной²⁵. Каждый проходящий в этот мир все равно исполняет свое предназначение. Кто за короткое время, кто за весь отпущенный ему век. А если ты утратил покой и сон и задумался о том, что оставишь после себя, значит, к тебе пришла золотая пора мудрости. Не теряй связь с матушкой-природой, помни, что все мы ее дети...» Все это он явственно услышал вместе с легким дуновением воздуха, когда глядел, запрокинув голову, в бездну ночного неба, где по-прежнему таинственно шуршали сполохи полярного сияния.

В это время на самой вершине увала, откуда открывался жутковатый и одновременно притягательный вид ночной тайги, на массивном округлом валуне возлежал могучий волк и тоже вглядывался в звездное небо. Старому вожаку казалось, что кто-то неведомый на фоне полярного сияния разыгрывает на всех девяти ярусах вечного неба целые картины из его жизни. И он невольно погрузился в воспоминания. Вольготно обитавший на обширных территориях основатель и главный вожак десятка новых волчьих стай чувствовал, что долгая славная жизнь близится к логическому завершению. Таков закон природы. Но, оглядываясь назад, он ни о чем не жалел. В его жизни было все. И первая подруга, которую он рано и трагически потерял. И время, когда он остался один как перст, забытый всеми. И чудесное обретение Кылбары, ставшей его верной спутницей. С тех пор они были неразлучны — легендарные матерый вожак и волчица-мать, чьим многочисленным отпрыскам принадлежат обширные земли с тихими алаасами, просторными лугами и полянами, густые леса и перелески, холмы и увалы, пологие пади и распадки, полные всякой таежной живности. Аарыма был уверен, что не каждому волку отпущена столь длинная и славная жизнь. Может, ему повезло потому, что он всегда следовал законам вечной тайги, никогда не нарушал их и всех волчат учил жить по этим законам...

Старый вожак обратился к бывшему двуногому соседу. Волку казалось, что если кто и поймет, если кто и должен выполнить его последнюю просьбу, то это только он. Но двуногий ему отказал. Сначала Аарыма был огорчен и даже раздражен отрицательным ответом, но, встретив на опушке Кылбару с волчатами, все понял. И теперь был, наоборот, благодарен бывшему соседу. Матерый осознал, что, сколько бы ему ни было отпущено судьбой, он, согласно законам тайги, обязан заботиться о волчатах до самого последнего вздоха, чтобы его любовь с Кылбарой продолжилась в биении их крохотных пока еще сердец. И так должно быть, покуда стоит Срединный мир.

Волшебные силы, изукрасившие все девять ярусов вечного неба фантастическими огнями полярного сияния, будто услышали мысли

²⁵ Якуты (народ саха) считают себя детьми солнца, которое держит их солнечными лучами как поводьями. После смерти дух человека по этим поводьям улетает вверх.

и чаяния волка и человека, и сполохи вспыхнули в ответ с новой силой. Неимоверную ширь неба от края и до края заполнил чудесный нескончаемый осуохай джюкээбилэ²⁶. Не остались безучастными и следящие за ходом времени вездесущие звезды. Они поспешили возвестить об установившемся мире и покое, засияли во всей красе и затеяли небесный Ысыах.

Жизнь по заповедям Джылга Хаан Тойона, обитающего в верхних ярусах неба и распоряжающегося судьбами всего живого, — это большая удача. Но истинное счастье для всех сущих в Срединном мире — это достойное и ничем не омраченное завершение жизни.

²⁶ *Осуохай джюкээбилэ* — буквально: хоровод северного сияния. *Осуохай* — традиционный якутский хороводный танец, во время которого люди повторяют слова мастера-запевалы. Исполняется при особо торжественных и любых знаковых событиях. *Джюкээбил* — полярное (северное) сияние.

Юрий ВОРОТНИН

ВРЕМЯ ПОБЕГА

* * *

То ли в древние игры играют,
То ли сказки в себе берегут —
Так живут, что, когда умирают,
Оживают и снова живут.

Мне бы малость их знаний исконных,
Мне бы солнца из тех кладовых,
Чтобы помнил — на досках иконных
Лики писаны с ликов родных,

Чтобы шел я на ответ легчайший,
Три дороги, и все — в никуда!
Пьют живущие слезы из чаши,
Только мертвым — живая вода.

Умножаю трудами старанья,
Сапоги-сороходы — в распыл!
Но все дальше и призрачней тайна,
И под ноги ползет чернобыл.

* * *

Тяжесть последнего снега
В землю уходит легко,
Выстрадал время побега —
Волен лететь далеко.

Дали открыты и выси,
Правда доступна и ложь,
Вольному воля, лишь жизни
Той, что прожил, не вернешь.

Слышишь — зазывные речи
Льются из разных щелей,
И прижимаешься крепче
К прожитой жизни своей.

* * *

Там, где пахнет грибами
Крепче ярых духов,
Собираю гербарий
Из листвы и стихов.

Ах, какая истома,
И прохлада, и зной!
Как обрадую дома
Всех живущих со мной!

Я в одну оболочку
Владил слово и дух,
Славно пробовать строчку
И на глаз, и на слух.

Сладко рифму чеканить
По дороге домой,
Словно радовать память
Родниковой водой.

Знаю, дома сердечно
Мне отпустят грехи —
Листья выбросят в печку,
В дальний угол — стихи.

Лишь потом я во мраке,
Что собрал на свету,
Прочитаю собаке,
Прочитаю коту.

И над чашей земною,
Над Небесным крестом
То с собакой повою,
То поплачу с котом.

Розанов

Будет снег, будет темь, скрутит бремя вины.
Скажут: «Кара опущена свыше».
А начало зимы — как начало войны,
Запасайся старанием выжить.

Жестяные морозы ударят под дых,
Душу вытянет ветер-расстрига,
И пойму я, что скрепы собратьев иных
Пострашнее монгольского ига.

Покачнусь в темноте, отряхну пелену,
Открещусь, помолюсь на удачу,
И припомню свою и чужую вину,
И по всем виноватым заплачу.

* * *

И вдруг затаяет в сон,
Как в самом раннем детстве,
Без ужасов и снов,
И жажды самоедства.

И ты на краткий срок
В необычайном ранге —
Бессмертен, словно Бог,
И легок, словно ангел.

Крысолов

Солнце всходит и заходит...
Из песни

Проскользну меж тьмой и светом
И сомненье обрету:
То ль за солнцем, то ль за ветром,
То ль за дудочкой иду?

Солнце всходит и заходит,
Ветер встречь, рубаху рвет,
Дудка песенку выводит,
Песня за душу берет.

Вечный выбор: то иль это,
На стене иль под стеной?
Выше солнца, дальше ветра
Манит голос неземной.

* * *

Вот и встала вода, и шуга потянулась, как сон,
Это знак татарве за лесами готовить коней,
Я стою и смотрю, как качнулось времен колесо
И застыло дугой над равнинной землею моей.

Остановлено время на время тяжелым ключом,
Опускается мрак, по верхушкам деревьев скользя,
То дожди, то снега, то соседи с огнем и мечом...
Как мы жили с тобой, где и выжить-то было нельзя!

Нас помянут потом, я за это сто раз помолюсь,
Достучусь, докричусь, даже если как рыба об лед,
Как в столетьи своем сохранили мы матушку-Русь,
Как толкнули мы время, и двинулось время вперед.

* * *

Чтоб оправдать грехи,
Утихомирить страсти,
Я складывал стихи,
И это было счастье.

Я каждую строку
Голубил, почитая,
Хоть знал, что на веку
Никто не прочитает.

Все горе — от ума,
Печали — от познаний...
Но шла на нет зима
И от моих стараний.

Наталья ДЕНИСОВА

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЬДИНА

Миниатюры

На города, от дедушки Никанора Степаныча¹

Ну чево? Здорóво. Пошто-то ты давно не навевывался... Ладно ли всё? Мне ноне так тошно стало, хошь реви... Дай, думаю, хоть письмецо тебе накалякаю. Девка почтарка, Людкой звать, к нам в деревню-то забегат раз в месяц, пензию приносит. Годов двадцать ей, поди. Таки молоды-то все по городам. Не знай, чево уж ета тут. Я письмецо-то ей пяхаю, она глаза выпучила, дивится. «Вы, — говорит, — какой-то старопрежний, ноне писем уже не пишут». Сказывала, тепереча-то через машину ету передают, электронну, каки-то там контакты в ей есть. Во чево придумали! А письмецо-то взяла. «Отправлю», — сказала. Ну, чево. Пошто тошно-то стало? Дак ты знашь, нонче я в деревни-то совсем один остался... Егоровну сын в город увез, до весны, кажись. Нюрка Кочерга в больницу областну укатила, давление у ей. Не еде домой-то пошто-то, давно уж тамотке, наверно, на леченье положили бабку. Иваныч в Пинеге, у сына пропадат уж втору неделю, обещался после праздников-то вернуться. Жду вот. Анастасия Ивановна к сестры уехала в гости, должна бы на днях явиться. Да нет никакой... Вот и сижу один, как отшельник. Тутотке у меня как в скиту...

Я вчерась на улицу-то ввечеру вышел — зима... мороз... Тихо так... Темень — коня в поле не увидашь. Луна и та — завернулась в белу шальку с головой, выкуркиват, как мертвый из под савана, зыркает по сторонам. Звезды — те во все глаза глядят, шепчут кабыть: «Не дрейфь, Степаныч... Не пропадешь... Ишь как мы тебе светим... Ни у кого таких-то нет». И снежок под ногами-то повизгиват: «Нет, нет, нет...» Я на снежок-то глянул... Андели! Андели! Следы волчи. Здоровы таки! Вот пошто Найдеха-то моя лаяла! Нать, думаю, собаку-то в избу запустить, а то уташат в лес. Вот и сидим втроем: я, Найдеха да Барсик-кот.

Сегодня с утраца до леса сбродил, виц березовых притаранил. Сижу, метелки вяжу. Себе да бабкам. Прикатят, а им нате-ко! Днем-то время побыстрее идё. Пока двор огребешь, дров занесешь, печки натопишь, поишь сготовишь чево ли, за водой сбродишь, — там, глядишь, уж дело

¹ В тексте по возможности сохранены особенности пинежского говора. — *Примеч. ред.*

и к вечеру. А вечером чево? Телевизеров не держу. Радиола есть. Быват, поставлю каку ли пластиночку, а когда и радио словит. Сижу, слушаю... Мерёжи вяжу, летом как найдены будут.

Завтре лавка продуктова должна быть. Приеде девка-то продавщица, а у нас и нет никого. Я-то один много ли наберу? У меня иша есть запасов-то. С голоду не помру. Да и лес с рекой рядом.

Кабы аптека приезжала... Мечта, а не жись! Ты мазево-то помнишь как зовется, не? Привозил-то мне в прошлый приезд, от радикулиту-то? Хорошо мазево! Ты как собересся к нам, дак иша вези — кончилось. А так все ничево... Живу... Поговорить бы с кем...

На днях Крешшение было, вздумал я за водицей-то святой сбродить, до майны... в ночи. Батюшки-то до нас не добратсья, хошь водичка будё... Бидончик взял, поташшился. Найдеха со мной. Вышли мы к реки-то, гляжу, дивлюсь — во простор! Море белоснежно! А наверьху-то небо... Глубоко... Празднично... Как парчой убрано! Светится!

И вот я один на один с небом-то... Гляжу на его, конца-краю не видать. Думаю: «Вот я стою тут, кругом-то никого, малехонький екий человек. А небо огромно... За им-то што?.. И вот под етим небом — я, Степаныч... Оттудова-то меня, можё, и не видать, ека мушка, а поставлен для чево-то на Земли-то. Для чево?» А небо молчит... Сам, значит, думай...

Ты не пропадай давай... Хошь отпиши мне, а лучше приехал бы... Бват, дождусь...

❖ Последняя льдина

Прикатила! Весна в деревню-то нашу прикатила! Красивяшша девка-то! Круглолица, краснощека, глазишша-то, глазишша-то — синь-синева! А боева-то сколь! Иша токо нога за порог, а уж шурудит! Зверье в лесу подняла — хватит дрыхнуть, лежебоки! Деревья всколыхнула — пора, робята!

И давай мести, намывать, только брызги летят! Ручьев напустила, луж навела... Покрывалья-то зимни с земли стянула, айда стирать. Куды таки срамны ляжат, серы, грязны. По пригоркам пробежала, прикрикнула на их:

— Што растянулись, бока греете, зеваете, лысины чешете?

Да как сыпанет пригоршню желтых горошин мать-и-мачехи. Во! Друго дело! А потом и до реки добралась!

На бережок взлетела да как заорё:

— Што ты, така-сяка, ляжишь мертвым капиталом! Май уж на пороге, а она, позоришше, и в ус не дуе, лентяйка! Подымайся давай, подымайся! Мне трясогузки который день на тебя жалятсья!

Река молчит, не воймует. Во как разспалась! Весна тогды скок на лед — и давай плясать! Чоботками своима топочет, только искры летя! Песню заголосила! Звонко, забористо! Закряхтела река, заворочалась, куды тут спать! Выгнула спину, вздулась, потянулась — затрешшал лед! Весна едва успела на пригорок соскочить. Стоит, улыбается! Пошло дело!

Опомнилась, вострепелась: «Пошто стою-то? Нать иша стариков проведать! Все ли на месте?» И бегом в деревню, только брызги летят из-под ног-то! Егоровну на крыльчке застала, обняла, расцеловала горячими губами в сухи щеки, те аж зарумянились. Жива, жива голубушка! К Анастасии Ивановны в окошко заглянула, улыбнулась: на месте агрономша наша, сидит, по сторонам не глядит, в земельке ворошится. Она ето дело любит! Сажат чево-то в полагаушки-то свои, цельный стол уж заставлен, где и исть-то собирается? Помахала весна Анастасии ладошкой, дале полетела: нать и остальных проведать. У избы Андрияновны остановилась — андели! Замок на дверях-то... Куды девалась бабка? Испокон веков замков-то не держала. Опечалилась Весна, туч на небо нагнала, дождем взбрызнула... Нать, думат, пойти у Никифора узнать, тот все про всех знат, не зря Прокурором на деревни-то кличут. Бегом к ему! Едва застала — в лес собрался, березы доить.

— Никифор Игнатич, Никифор Игнатич! Здравствуй! Как зиму-то пережил? — крикнула Весна вслед уходящему со двора старику. Тот остановился, замотал головой: кака така девка на деревни объявилась? Окромя Людки почтарки, никто и не заглядыват. Увидал Весну, узнал, заулыбался.

— Здорово! Здорово! Да ничево, слава Богу! Потопчу, бват, иша земельку-то... Ты где сей год гуляшь? Давно ждем, а ей все нет! Я уж собрался жалобу в небесну канцелярию-то на тебя сочинять! Да шучу я! Чево нать-то?

— Никифор Игнатич, Андрияновна-то где? Жива ли? Я к ей сунулась — нет никакой!

— Пошто не жива-то? Сдавать токо начала... Катюха, дочка ейна, прикатила по осени да на города и увезла мать-то. Обещались к лету наведаться. Ждем...

Повеселела Весна, сгребла старика в охапку. Тот аж ошалел, у его и в памяти уж нет, как девки-то на шею к ему кинались! Пока дух-то перевел, Весны и след простыл... Постоял Никифор иша с минуту да и зачавкал катанцами с галошами в сторону молодого березняка, к девкам своим белоствольным. Те не убегут.

А Весна уж до Степаниды долетела. Изба у той на угорышке стоит, всю округу видать: и реку, и лес... К дверям скок — открыто, а в дому — никого! Намыто, начишено: печка беле облаков, занавесочки голубеньки на окошках, полы до желтизны выскоблены, половички цветасты ляжат улыбаются... Куды это приготовилась? Покликала Весна Степаниду — тишина. Выскочила на улицу, обежала двор, в байну заглянула — нет никакой. Сунулась за старый амбар — вот она Степанида! Сидит под березой на скамеечке (мужик ейный иша по молодости сколотил) и смотрит куды-то вдаль, на реку кабыть, на ледоход. Сама худа, длинна, а спина сколь пряма... Торжественно так сидит, руки на коленях сложила, головушка набок, а лицо... ну прямо как на иконах пишут. Серьезно тако, всё в ём: и надежда, и печаль, и радость, и ожидание, и тревога, и назидание, и сокрушение, и покой, и тишина...

— Здравствуй, Степанида Ивановна... — тихо сказала Весна и под- села рядышком. — Ты пошто это сюда забралась? Уросишь сидишь? Обидел кто?

— Здравствуй, девка, здравствуй... Да вот, последню льдину жду.

— Каку таку льдину? — удивилась Весна.

— Это у меня иша мати так говаривала. Как ей осьмнадцать годов-то стукнуло, стала она последню льдину ждать, кажный ледоход. Сказывала, коли она не унесет ей с собой, то годок иша поживет, до следушшего ледо- хода... Теперь вот и мой черед пришел. Да я не одинолично, за себя одну, жду, я за всю деревню нашу. Мало нас осталось, кабы кого не унесла...

И замолчала...

Хотела Весна иша што-то спросить у бабки-то, да видит: не до нее той ноне... Посидела малехо рядышком, обогрела Степаниду ласковым майским теплом — и пошла. Нать иша Степаныча проведать. Тот каж- ный год ей по-особу привечат. То чаем душистым напоит с вареньем, то какой ли диковинкой одарит, собственноручно сробленной из бересты али деревяшки. Хороший старик!

Вот и он! Опять во дворе с дровами кочкается.

— Здорово, Степаныч! Ждал ли? — весело крикнула Весна.

Степаныч заулыбался, лучики морщинок разлетелись вокруг сия- ющих глаз.

— Давно жду, пошто не жду-то! Ты где в этом году запропастилась? Пошли давай в избу! Чай гонять будем! Чево така задумчива? Думай не думай, сто рублей не деньги! Пошли!

За чайком с малиной да медом рассказала Весна Степанычу про Степаниду. А как засобирались восвояси, взяла с его обещание — про- ведать бабку.

И упорхнула... Делов-то иша воз да маленька тележка!

Степаныч наказ Весны не забыл. На следушший день, как управил- ся по хозяйству-то, — бегом к Степаниды! Чево она там выглядыват? Первым делом за амбар наострился — нет никакой! Айда в избу. Смо- трит — Степанида, нарядна така, у печи хлопочет, шаньги на столе горой, пышут жаром. А дух-то какой, голову кружит! Самовар покряхтыват...

Увидала Степанида Степаныча и весело так ему:

— Здорово, сосед! Чево стоишь, выглядывашь? Ты проходи в избу-то, проходи! А лучше бы уважил бабку, сбегал да созвал наших деревенских! Чай пить будем! Я вам чево скажу ли!

Степаныч опешил, думат: «Нать бязать, созывать народ, бват, вместяк разберемся, чево тако со старухой!»

Немного погодя на кухни у Степаниды собралась вся деревня. Пили чай с шаньгами. Ох, хорошо! Но кажный все же с тревогой ждал, чево такого хочё сказать хозяйка. А Степанида им:

— Живем, земляки! Живем! Годок-то иша, даст Бог, поживем! Хоть до следушшей весны... Последню льдину вчерась ввечеру пронесло! А мы все тут! Живы! Поживет иша деревня!

Словарик

Андели — ангелы; здесь: вот это да!

Бват — может быть.

Вместяк — вместе.

Воймовать — внимать; не воймует — не обращает внимания.

Выкуркивать — выглядывать.

Екий — такой.

Иша — еще.

Кабыть — скорее всего.

Катанцы — валенки.

Кочкаться — что-то делать.

Майна — прорубь.

Мерёжи — сети для ловли рыбы.

Найдены: как найдены будут — пригодятся.

Нать — надо.

Полагушки — горшочки.

Пошто — почему.

Тамотке — там.

Уросить — капризничать, злиться.

Андрей КОРОЛЕВ

КОРОТКОМЕТРАЖКИ

Одним движением руки

В начале 90-х пресса стала гораздо ближе к народу, в том числе и к блатному. И однажды к нам в редакцию областной молодежной газеты явились два полпреда криминального мира. Так непосредственно отреагировали они на нашу публикацию. А отклик читателей — тогда это было святое.

Редактор отсутствовал, и закрыть амбразуру пришлось мне. В приемной гости заявили, что ищут Якова Чарторижского, и я напрягся еще больше. Это был псевдоним нашего корреспондента отдела права. Сейчас — и правильно — такой пост доверили бы только ушлому профи, но тогда царили странные романтические представления, и работал у нас просто послушный студент на полставки. Милиция сливала ему какие-то мутные полуслухи, а мы печатали их чуть ли не с гордостью: все шлюзы (или кингстоны?) открыты, даешь поток горькой правды во всем ее многообразии!

Я представился неравнодушным читателям и повел их в свой кабинет — подальше и от впечатлительной секретарши, и от студента, который, как на грех, в тот день торчал в редакции.

По пути, сообщая им какие-то неважные вещи, я осторожно рассмотрел визитеров. И тот и другой, понятно, были в «униформе» — черных кожаных куртках. Но один был жилистый, подтянутый, с лицом, я бы даже сказал, выразительным, а другой — просто огромный детина с замороженно-наглой миной. Первый, наверное, был бригадир и выбирал, что использовать: утюг или паяльник, а второй чисто конкретно приступал к телу. Про себя я назвал их Бил и Бол.

Разговор повел Бил. Оказалось, вора в законе Седого не устроило, как неточно в нашей заметке были описаны его статус и действия, и он решил внести ясность. В общем, на сцену требовали автора — Чарторижского.

Поначалу я пытался вилять, пудрить им мозги, но Бил был непреклонен: давай сюда «этого черта». И тогда я прямо сказал, что своих авторов мы не сдаем и псевдонимов не раскрываем — только по решению суда. И это замечание, как мне показалось, было встречено с пониманием.

Сурово, но с пониманием. Или просто слово «суд» как-то их урезонило... Во всяком случае, пистолета с глушителем никто не доставал, рояльной струной в руках не поигрывал.

Воодушевленный, я разразился речью о праве читателей знать правду и нужде газеты иметь информацию из первых рук.

— Вот если бы от вас самих можно было получать разъяснения! Да хотя бы просто комментарии: так это или не так, — убеждал я. — А то менты, понятно, свою правду хотят донести, да и не всегда правду...

Бил и Бол слушали не то чтобы презрительно, а как-то каменно-глухо, вообще без эмоций. Видимо, они просто не уполномочены были вступать в дискуссию.

— Вам же самим это может быть выгодно, — перешел я к главным аргументам. — Вот, к примеру, убьют какого-нибудь вашего вора в законе...

И тут сонный на вид Бол проявил молниеносную реакцию.

— Постучи по дереву! — ткнув в мою сторону пальцем, приказал он.

И я тут же трижды приложился костяшками к столешнице. Быстро-быстро, с удивившей меня самого готовностью и даже старательностью.

Это был провал. Я так смело держался полчаса — и одним суетливым жестом в полсекунды смазал все.

Больше посланцы преступного мира к нам в редакцию не обращались.

А вора Седого, по-моему, так никто и не убил.

Очень уважительная причина

Первое редакционное задание. Я еще студент, но надеюсь попасть в штат газеты «Комсомолец Кузбасса». И мне поручают написать очерк о тренере-энтузиасте, занимающемся с обычными работягами летом — футболом, зимой — хоккеем с шайбой.

Летом все было бы проще: я лишь недавно ушел из футбольной команды мастеров (там говорили: «Если спорт мешает учебе, бросай учебу», но я решил сделать наоборот) и уж о такой-то тренировке сварганил бы репортаж по-любому. А тут зима, тренер совсем незнакомый, да еще и ехать далеко, на старый аэродром.

Ну ничего, трудности закаляют. Так что явился я вовремя. И потом часа полтора честно выстоял возле коробки, наблюдая и за игроками, и за тренером. Пытаясь к тому же что-то фиксировать в блокноте. И это был второй мой прокол, поскольку на морозе авторучка быстро замерзала. Нужно было взять карандаш.

А первый — и главный — прокол заключался в том, что я не подошел к тренеру заранее. И он, бедолага, все занятие посматривал на меня и гадал: что это за хрен торчит у бортика? Проверяющий? Или, не дай бог, болельщик какой безумный?

Неудивительно, что, когда я после тренировки зашел в вагончик и сообщил всем о задании редакции, мужики особо не обрадовались, а тренер вообще разнервничался. Прямо при мне он устроил «разбор полетов» последней игры. И доказал, что проиграли они вполне заслуженно:

кто-то недоработал в обороне, кто-то «считал ворон на пятаке», а кто-то (видимо, самый перспективный) и вовсе не явился на матч.

— И где ж ты был, Петров, пока команда за тебя пахала? — набросился тренер на парня.

А тот ответил не просто честно, но и с искренней обидой (умный наставник, а не понимает):

— Ну я же пил!

Никакого очерка у меня, понятно, не вышло. Сам виноват: не подготовил героя к общению. Это уже позже стало модно — заставить людей врасплох. Этот прием и впрямь порой срabатывает, но злоупотреблять им не стоит. А то услышишь что-то восхитительное и потом мучаешься, думаешь, как же все-таки протащить эту фразу в текст. А нельзя.

Смертельный номер у цирка

«Кто в армии служил, тот в цирке не смеется». Эту острóту явно не солдат-срочник придумал, а кто-то из офицеров-пиджаков. Потому что я сам, будучи рядовым, не раз бывал в цирке и смеялся там за милую душу. Еще бы: из казармы — да в город, да на живое представление выбраться — это уже заранее восторг!

Правда, перед этим приходилось повкалывать. Особенно когда одна программа съезжала из цирка, а другая заезжала. И хуже всего, понятно, было провожать программу с животными. Представьте, что оставалось в помещениях, где месяц содержались слоны или буйволы.

Хорошо еще, что вместе с нами, как правило, работали элтэпэшники¹. И тогда проблем не возникало. «Вы че, у нас форма одна на полгода! Провоняет — старшина нас убьет! Не будем мы этим заниматься!» А элтэпэшники все доходяги, они и не пикнут. Их там, в ЛТП, то ли били, то ли пичкали чем-то — вот они и были тише воды, ниже травы. Работали везде. Другое дело — как.

Однажды нас припахали именно в день, когда сворачивалась программа со зверями. От конюшен я легко отбил, а взялся доставить из здания цирка в походный вагончик десять пуделей. Причем за один заход решил управиться. Собаки — вообще умные, а эти еще и дрессированные. Что тут сложного?

Собрал я в каждую руку по пять поводков и вышел с четвероногими друзьями на улицу. То есть сорок ног у них и пара у меня. И такой расклад почему-то не казался мне тревожным...

Стояла зима. Было не холодно, даже приятно свежо. И вокруг белым-бело от снега. Красота обалденная! Да еще и воздух чистый, бодрящий. Вот пудели на свободе и обалдели, и взбодрились.

Никогда больше я так не пугался! Они оказались сильные, как кони. Или в данном случае — как беговые олени. И понесли меня сразу во весь опор. Я держу будто целых две упряжки и скольжу на своих сапогах с дикой скоростью. И что делать? Отпустить вожжи? А вокруг

¹ ЛТП — лечебно-трудовые профилактории в СССР, где лечили от алкоголизма.

деревья (возле цирка парк) — разобьешься вмиг! Так и мчался метров сто пятьдесят с ветерком, прощаясь с жизнью.

Хорошо, что пудели и впрямь были умные. Даже, видимо, остроумные. Подшутили надо мной. Цирковые ведь все-таки. Разогнались, размялись, а у вагончиков затормозили. А я прикатился натурально уже на зад. Но ни одного поводка из рук не выпустил. Вцепился мертвой хваткой. Больше смерти боялся, что они разбегутся по городу, такие отвязные, и начнут бедокурить. Может, оценив такое мужество русского солдата, они и сжалились.

Вагончики стояли на площадке за парком. Просто коробки, из листов железа сваренные. И как животные в них многие сутки по Сибири мотались? Зимой — в мороз, летом — в жару? Так что не нужно сравнивать дурачества и ужасы армии и цирка. Дурацких ужасов у нас везде хватает.

Примета ни в какие ворота

Мы обслуживали игру нашего «Кузбасса» с какой-то сильной командой — кажется, с минским «Динамо».

Тогда это так и называлось — слегка казенно, сервильно, но вроде как и солидно: «обслуживали». То есть мы, ученики футбольной школы, во время матчей первой лиги подавали профессионалам выскочившие с поля мячи. А слова «болбой» в ту пору никто еще и не знал.

Здесь вообще важно вспомнить, что за время было тогда. Конец семидесятых, застои, и все не очень богато, так скажем. И газонов настоящих игровых — ровных, с хорошим дерном — лишь по одному в каждой региональной столице и было. А тут мы, влюбленные в футбол пацаны, не просто в майках-трусах-гетрах два тайма на дорожке рекортановой выстаиваем, мы же в перерыве это лучшее в области поле на целых пятнадцать минут занимаем. Нежно-зеленое, аккуратно подстриженное, по которому мяч (опять же — настоящий, для команд мастеров!) буквально стелется. И тысяча пятнадцать-двадцать болельщиков нам с трибун что-то одобряющее кричат. В общем, мечта, полет, восторг — все самое прекрасное для нас в эту четверть часа умещалось.

Ну так вот. Играет, значит, наш «Кузбасс» с каким-то сильным соперником, после первой половины встречи счет 0:0. Перерыв, и мы, окрыленные, гоняем по всему большому полю без всякой тактики, без всяких лишних правил вроде «вне игры», зато с упоением.

Но вот взрослые команды уже вышли из раздевалок, судейская бригада показала, скоро матч продолжится, а я только сейчас с мячом на выгодную позицию вырвался. Всего один защитник передо мной, и в «рамке» никого (всем же хочется носиться-красоваться впереди, голы забивать).

— Эй, только по воротам не бей! — кричит мне с бровки кипер «Кузбасса» — огромный такой, весь заросший, с бакенбардами.

Вратарей обычно стараются не злить: они об штанги головой бьются, все психованные. Но у меня же мяч под ногой так удобно, вот-вот отличусь при таком скоплении зрителей. Настал мой звездный час!

— Не бей!

Ну да, конечно!

И я, конечно, ударил. И, конечно, забил. В ворота, которые должен был защищать «Кузбасс» во втором тайме. А это, оказывается, ужасно плохая примета.

Оба взгляда, которыми ожег меня наш вратарь, были страшными. И первый — просто взбешенный (а поскольку часть зрителей весело меня чувствовала, слишком уж испугаться я не успел), но больше — второй, с испепеляющей ненавистью, когда в эти ворота забили уже минчане... Кипер, вытянувшись всем своим крупным телом, взмыл за летящим в «девятку» мячом (я наблюдал за этим аккуратно через сетку), не достал и рухнул на вытоптаный пятак земли во вратарской площадке. Ударил злобно кулачищем в перчатке по известке на линии. И вот тогда уже обернулся и посмотрел на меня...

Для большей ясности этого сюжета и большей назидательности явно лучше бы было, если бы наша команда не смогла отыграться: тогда гол, пропущенный якобы по моей вине, стал бы и вовсе зловеще-трагичным. Но нет, «Кузбасс» сумел провести два мяча и в итоге победил.

Может, кстати, и с моей помощью. В спорте такое не редкость — когда команды спохватываются и включают все ресурсы, только пропустив в свои ворота. У нас, русских, это вообще сплошь и рядом (пока не требует атлета к священной жертве Аполлон...), а я, выходит, очень вовремя стал необходимым «богом из машины».

Само собой, через много лет в компании других ветеранов я даже выпивал с тем самым вратарем. Он был, конечно, уже не таким грозным и по секрету (который все знали) поведал мне, что однажды сдал одну игру команде из Грозного. Прямо у нас дома. И мне было уже не горько, а просто любопытно: пропуская тогда сознательно, он тоже потом на кого-то так же страшно выпучивал глаза?

Классики и современники

Хорошо, когда с противным человеком, от которого вы зависите, можно говорить с позиции тайной силы. Ну, как бы не только с фигой в кармане, но и с тузом в рукаве. Он давит на вас, старается унижить, а вы слушаете спокойно, с достоинством, и даже согласно киваете, твердо зная, что вскоре сможете его заткнуть. Жаль, что такое случается нечасто.

После третьего, что ли, курса университета даже витающие в облаках филфаковцы должны были поработать в стройотрядах. Вроде бы нигде это не было жестко прописано, но, когда зимой пришла пора сдавать сессию, странное требование всплыло.

Нет, не подумайте, что я против стройотрядов как таковых. В те годы застоя где еще студенты могли прилично заработать? Плюс новый опыт, новые места, новые знакомства. Радость созидания, романтика, душевный порыв тоже ценны и важны. Но — подчеркну — именно порыв, добровольный. Если из-под палки — хорошего мало.

Так примерно я и тогда представлял все это. А тут выяснилось, что к экзамену по русской литературе я не допущен и должен решить вопрос у проректора. Преподаватель — деликатнейшая женщина, с мягкой благосклонностью уже начавшая выслушивать мой ответ на первый вопрос (а я, паче чаяния, и весь билет знал!), вдруг спохватилась, заглянула в какой-то список и сошла с лица. И сокрушенно призналась, что принять у меня экзамен пока не может...

И вот теперь вернемся к началу. Я знал, что нужное мне разрешение непременно выпишут, но любопытно стало, как все это будет обставлено. И я пошел в ректорат.

Обставлено все было, прямо скажем, топорно.

— Вот вы филолог. Вы же наверняка читали «Как закалялась сталь»? — спросил проректор.

— Да, конечно.

— А вы помните, как Павка Корчагин по грудь в ледяной воде...

И он задвинул речугу минуты на три, завершив ее, разумеется, длинной цитатой: «Самое дорогое у человека — это жизнь...» Тут он примолк, разглядывая меня и решая, достаточен ли эффект или надо еще добавить огоньку. Я при этом, видимо, должен был броситься записываться в стройотряд — да не простой, а какой-нибудь штрафной, чтобы смыть позор кровью.

Сжалившись, я нарушил молчание и сообщил, что в стройотряд никак не мог поехать, поскольку защищал честь Кузбасса на другом фронте — спортивном. У меня вообще свободное посещение. Бронь, если продолжать аналогию.

— Да? — недовольно удивился проректор («Эх... испортил песню... дур-рак!»²). — Так что же вы раньше-то...

— У нас, филологов, нельзя перебивать, когда читают классику. Особенно проректор...

Столь наглая и лживая лесть особо ценится и всегда остается безнаказанной.

Он позвонил кому-то, и мои слова подтвердились. Я был отпущен сдавать экзамен — с нужной справкой и чистой совестью. Сам проректор при этом не испытывал ни малейшего смущения. Ведь он не потратил сил впустую — отрепетировал спич, который еще точно пригодится.

Зато явно неловко было преподавательнице, и она поставила мне пятерку, не спрашивая. Наши филологини и без книжных примеров знают, как себя вести, чтобы не было мучительно больно.

Правильный кадр

В день похорон тещи (тогда, в прошлом веке, выносили покойников еще из квартир, и это, по-моему, было как-то человечней и правильной) к гробу подвели и посадили рядом уже очень больного тестя. А меня попросили запечатлеть этот момент.

² Слова Сатина, героя пьесы М. Горького «На дне».

Я навел фотоаппарат, и тесть по привычке поднял лицо и стал смотреть в объектив.

— Смотри на гроб, — подсказала ему одна из сестер.

— А, да, — проговорил он и перевел взгляд на покойницу, чтобы я смог сделать правильный снимок.

Я, собственно, и запомнил всю ту сцену из-за одной детали — поднятого для традиционного позирования лица: вот, дескать, как сильны в нас условные рефлексy, что даже у гроба любимой жены мы отвлекаемся от горя и по привычке принимаем нужную позу. Но позже, рассмотрев все готовые снимки, я с удивлением обнаружил: именно «неправильная» фотография (где все окружающие, как и положено, скорбно смотрят на покойницу и только ее муж зачем-то глянул в объектив) и оказалась самой выразительной — то есть выражающей наибольшее горе, наибольшую растерянность человека перед ужасом реальности.

И если уж говорить о силе чувств: пережил тесть свою жену всего на двадцать пять дней.

Что в имени тебе моем?

Есть у нас, провинциалов, особый вид гордости. За земляков, ставших знаменитостями. А мы с ними учились параллельно, в один садик ходили, да хотя бы на одной улице жили. Уже железный повод. Дескать, знай наших! Или еще лучше: как же, знаем, знаем...

Впервые я увидел Женю на факультетском концерте «Студвесны». Причем тогда не он, а я был звезда (спортсмен и выпускник) — вот и пришел благосклонно глянуть на творчество юных. А Женя выступал еще просто в оригинальном жанре: показывал пантомиму (очень смешно — как космонавт замедленно вышагивает к ракете, прижимая к боку невидимый гермошлем, оборачивается и машет свободной неповоротливой рукой), укладывался на три стула и потом оставался на двух...

В общем, парень явно был многообещающий. И мы с женой даже пригласили его с другом к нам домой на Новый год. Хотели как-то расширить круг общения, да и «культурную программу» тоже. Да и просто подкормить бедных студентов. То есть ощутить себя такими меценатами.

А Женя вскоре написал одну пьесу, другую, сам стал их ставить и в них играть. Создал свой театр, съездил на фестиваль, засветился в Москве. И, как и положено, отбыл творить поближе к Европе.

Мы у себя зорко отслеживали все этапы его карьеры (выпуск музыкального альбома, роль в кино, «Золотая маска»), радовались его успехам и слегка обижались, если в интервью он не слишком восторженно вспоминал родной город (если вообще упоминал).

Зато он возвращался с новыми работами. Помню первый его приезд уже в качестве ВИПа — постановка шла на главной сцене областной драмы! Хотя раньше Женя отзывался об этом театре сардонически («о, эти пыльные плюшевые кресла») — наверняка потому, что «настоящие» артисты и режиссеры воротили от него нос. А тут — все билеты раскуплены заранее! Во всех газетах и по телику — бис и браво уже за неделю.

Да еще за день до спектакля Женя собрал в том же театре журналистов. В фойе где-то в глубине здания, я не сразу его и нашел. Явился, когда Женя уже говорил в микрофон. И что вы думаете? Он прервал монолог, встал, шагнул мне навстречу и заключил в объятия. И все вокруг глазели на меня с уважением-завистью-ревностью.

Потом мы долго не встречались, даже когда он привозил премьеры. Но на юбилей его театра не прийти я не мог. Все-таки первым написал о самом первом спектакле. Чувствовал сопричастность.

Нужно было подняться на второй этаж, и здесь прямо у лестницы избранные сразу попадали в Историю: сам юбиляр обнимал гостя, а сухощавая девушка напротив щелкала профессиональной фотокамерой.

Меня Женя тоже обнял, и девушка тоже щелкнула.

— Здравствуй, Сергей! — тепло сказал Женя.

— Привет-привет, рад тебя видеть! — сказал я.

Вообще-то я Андрей, но тут не стал поправлять его. Зачем смущать человека? Хотя и интересно, как бы он отыграл такой эпизод. Да, интересно.

Александр НАЙДЁНОВ

ХРОНИКА ДАВНЕГО ЛЕТА

Р а с с к а з

1.

Ребенок насытился, задремал, разжал губы. Анна вынула из его рта свой сосок. Мальчик чмокнул воздух, но не проснулся. Анна отнесла и осторожно положила в зыбку, подвешенную на крюк, его спеленатое тельце, оправила на себе блузку.

Тут она услышала шум в сенях — наружную дверь отворили.

— Есть дома кто? Хозяйка! — позвал мужской голос.

Пока Анна молчком, чтобы не разбудить сына, шла из маленькой комнаты в горницу, мужчина спросил еще раз:

— Есть кто?.. — и закашлялся.

Это был председатель Верхнелысковского колхоза Иван Викулович Добрынин. До войны он работал учителем в школе, и Анна узнала его по голосу.

— Тише, Иван Викулыч! — попросила она. — Ребенок только уснул.

— А? Извини. Я тихо. Мне бы поговорить...

Председатель, по обычаю всех мужиков в деревне не снимая сапог, прошел по чистому полу к столу, изо всех сил стараясь ступать бесшумно.

— Жара-то какая — жуть! — сказал он, усаживаясь на табурет, и поймал укоризненный взгляд Анны. — Мыла недавно, что ли? Ну не в портянках же мне, в самом деле. Еще больше в них наслежу. В колеях пыли с вершок, не меньше... Можно попить, а? Горло размочить, — еле выговорил он, стараясь удержать кашель.

Анна подала ему оловянный ковш с ключевой водой из кадушки. Иван Викулович, чуть запрокинув голову, принялся глотать, дергая кадыком под морщинистой кожей шеи. Напившись, обмахнул ладонью усы, поставил ковш на стол и осмотрелся. К разговору приступил не сразу.

— Вернулась... Отвоевалась, значит? — наконец спросил он.

— Можно сказать, что да, — нарочито спокойно ответила Анна.

— Что ж... Ну, хотя б живая. Сводку-то седня слушала? Что там на фронте делается?

— Отступаем.

— Второе лето! Вот же, едрит ты! — ругнулся председатель. — Ну как же так?!

Он не ждал, конечно, ответа на этот вопрос. Анна и не пыталась ответить.

— И у нас тут, в деревне, Анна, тоже битва. За урожай. Того гляди, рожь осыпаться будет. А народа нет. Я к тебе что пришел... Ты бы впряглась, а? С завтрашнего числа. Все для фронта, все для победы — так?

— У меня ребенку всего лишь месяц. Как я с ним? Куда его? Мать в колхозе с утра до ночи, а я по дому и с дитем. Я всего-то еще два дня как...

— Это я знаю, знаю. Сил поднабраться надо, ты с дороги, и все такое. Да понимаю я!.. Только сама подумай — кто в полях работает? Ребятишки с двенадцати лет, бабы да старики. А зерно осыплется — что тогда? Выйди помоги, Анна!

Это прозвучало уже как приказ. Женщина заробела.

— Ну а куда сына-то? — выговорила она.

— Положишь его под кустик на меже. Ведь испокон веков так бабы работали. В тенечек, на свежий воздух... Может, оно и здоровее, чем в душной избе-то. А заплачет если, ты тут как тут, неподалеку.

Лицемерия в его словах было столько, что Анна не удержалась:

— Иван Викулыч, вы нас сами учили в школе, я запомнила, — так при царизме только было, и неправильно это! Дайте еще хотя б неделю. Пусть дите хоть чуть-чуть окрепнет.

Иван Викулович заметно смутился, отвел глаза. Поразмышлял, рассматривая разросшийся куст сирени за окном. Потом сказал с неохотой, проталкивая слова сквозь пегие от седины усы:

— Решили, даю два дня. И чтоб потом — как штык!

Анна вдохнула:

— Ладно.

Председатель шлепнул сухими ладонями по коленям:

— Ну хорошо, что договорились... Пора мне. Застоялся мой железный конь. Надеюсь, пацанята не увели, — пошутил он, тяжело поднимаясь со стула. — Хорошо, велосипед в райцентре выдали, а то бы я совсем без ног остался... В школе, говоришь? Сейчас бы обратно в школу! Ну какой из меня председатель, к ядрене фене? Но потерпеть надо. Надо нам всем терпеть, понимаешь, Анна, какое дело. Черт бы их побрал, этих фашистов! Чтоб ни дна ни покрышки им! Ладно, попил, отдохнул — спасибо. Пойду я.

Так же с неловкой осторожностью ступая сапогами по полу, он вышел, нагнув голову у притолоки, и беззвучно прикрыл за собою дверь. Анна проводила его взглядом, мысленно занятая уже новой заботой. До следующей кормежки оставалось часа четыре, надо было самой перекусить, чтобы накопить молоко. Убедившись, что ребенок спит, она повязала косынку и вышла в огород.

Солнце с безоблачного неба грело жарко, кожу на плечах обжигало сквозь ситец. Анна прошла к грядке моркови, пригляделась, отыскивая корнеплод покрупнее.

«Тут с прополкой работы столько, а он в поле гонит!» — подумала она.

— Привет соседям! — громогласно сказал кто-то.

Анна вздрогнула от неожиданности, потом сообразила, кто это, и воскликнула:

— Сергуша, ну у тебя и бас!

Парень засмеялся, очень довольный, и, раздвигая руками кусты малины у межи, протиснулся из своего огорода к ней. Анна убедилась, что хотя у Сергуши за год ее отсутствия и прорезался взрослый мужской голос, но сам он совсем не вытянулся, так же был намного ниже ее.

— Вам собаку завести надо — чтобы лаяла, если что, — весело скаля зубы, сказал сосед.

— Лучше курицу. От курицы больше пользы, — возразила Анна.

— У вас что, куриц нет?

— Есть четыре штуки. Надо бы еще.

— Вот что... Ты меня подожди минуту, я сейчас!

Сергуша опять юркнул в малину.

Анна удивилась, но дождалась, несмотря на безотлагательные дела.

Парень вернулся с глиняной кринкой в руках.

— Вот, на. — Он протянул кринку Анне. — У нас хоть корова есть, а твоя мать и козу-то продала. Бери. Сметана. Бери, бери!

— Это зачем?

— Как фронтовичке, тебе подарок. Вот каким местом, спрашивается, бабы соображают? Война идет — а вы даже без козы. Нет, в доме хозяин нужен! Ты поешь. У нас есть еще...

— Ну спасибо... — Анна взяла из его рук увесистый округлый сосуд. — Спасибо тебе, Сергуша.

Сосед заметно смутился и произнес:

— Попросить хочу... Я по метрике Сергей. Сергеем и зови, хорошо?

— Не обижайся, я ведь не дразнилась. Сергей так Сергей.

— Знаю. Ко мне это прозвище прилепилось, оттого что я слабым родился. Теперь еще всех парней из нашего класса в армию призвали, а мне белый билет всучили. Думаешь, не обидно? Но я точно такой, как все! Я добьюсь!..

— Ты сейчас где работаешь? — перебила Анна.

— В правлении. Я там за бухгалтера. У меня отдельный вход. Председатель думает, там закрыто, а я ключик подыскал — и чуть что на волю. Никто не знает. Постою на солнышке — и назад.

— Попадет за прогулы, поди?

— А я вечером нагоняю, не волнуйся. Лишний часик попишу — и всего делов. Я настропалился, как заправский бухгалтер прямо! В эту тетрадь — овес, тут — картошка, тут у меня, предположим, сено... Учет и порядок полный. Только лучше бы мне на фронт.

Анна усмехнулась на эти его слова:

— Радуйся, что бронь.

Сергей удивленно глянул ей в глаза — не шутит ли.

— Ребята с войны вернутся — а я что? Белой вороной буду?

Издалека с улицы донесся протяжный женский крик. Долго тянулось: «А-а-а!..» Сергей и Анна молча слушали, пока голос не стих, молчали.

— Ну и хитрая бестия письмоноска! — воскликнул Сергей. — Всегда норовит похоронку подкинуть, пока народ в поле. Воткнет в ящик — и наутек. А бабы приходят на перекус и орут что есть мочи. Да и девки тоже. Я эту ее методу давно расчуял. Сколько уж так дворов у нас...

Они еще постояли молча, криков больше не донеслось, только в кустах и на деревьях перекликались птицы да ветер шелестел в листьях.

— Расскажи мне про войну, Аня. Как там, на войне?

— Ну зачем тебе?

— Знать, к чему готовиться. Расскажи! — выпытывал сосед. — Кроме тебя, ни от кого не узнать мне больше. Аня, пожалуйста, как там?

Анна, нахмутив брови, произнесла:

— Не хочу я. Не сейчас, ладно?..

Сергей испугался, вдруг она откажется совсем, и заговорил сбивчиво, торопливо:

— Я не про *это* интересуюсь. Мало ли что. Бывает... Ты мне про самый фронт, про немцев. Как там — страшно, когда стреляют? Чтоб мне в атаку вместе со всеми встать...

Анна возмущилась, поняв его намек, но, сдержавшись, все же ответила — чтобы раз и навсегда избавиться от таких его расспросов:

— Днем и ночью гул стоит. И земля ходуном ходит. Все поджилочки трясутся, коленей не разогнуть. Страшно там... Ты иди, Сергей. Мне к ребенку надо.

— Ты мне потом подробней, — сказал он, не решаясь пока настаивать.

— Ладно. Иди, иди... — Анна повернулась и зашагала к дому, бережно прижимая к груди крынку.

Сметану она спустила под толстую деревянную крышку, в яму, которую в прежние годы набивали снегом, чтобы сделать ледник, а теперь там было лишь чуть-чуть прохладно да на дне блестела лужица воды: мать зимой снега не натаскала.

Ребенок все еще спал в своей зыбке, под попкой у него было сухо.

2.

В отличие от председателя Добрынина, сержант Соколов ездил по вверенному ему району сельской местности не на велосипеде, а на коне. Подъехав к нужному дому по улице Ленина, 23, он натянул поводья, осмотрелся. Тяжело упираясь подошвой левого сапога в стремя, слез на землю, оправил гимнастерку, сунув большие пальцы обеих рук под кожаный ремень и обведя ими вкруговую жилистое тренированное тело. При этом по привычке ладонью ощупал наган. Пара босоногих пацанят, увидав, что военный в синей фуражке поворачивает голову в их сторону, пустились наутек и сиганули за поленницу, в огороды. Кроме них, на улице не было ни души. Соколов привязал коня к штакетнику

перед окнами серой избенки, в тени большой вишни, постучал кулаком в стену. Повременив немного в ожидании ответа, вошел в дом.

Анна сидела у зыбки. Младенец лежал на спине, обхватив ее палец своими прозрачными пальчиками, и, приоткрыв розоватый беззубый ротик, разглядывал потолок.

— Иканины тут живут? Правильно я зашел? — строго спросил Соколов, уже без стука перешагивая порог.

Анна оставила ребенка и вышла на голос гостя.

— Почему не ответила? Я стучал.

Анна, увидев у гостя красные петлицы НКВД с двумя кубиками, встала по стойке смирно.

— Товарищ сержант, я не могла кричать — ребенка боялась напугать.

— Ну хорошо. Предположим. Ладно. Оперуполномоченный Соколов. — Он представился небрежно козырнув. — Анна Никифоровна Иканина — это ты? Правильно понимаю?

— Так точно. Я.

— Кто-нибудь еще дома есть, кроме тебя с ребенком?

— Нету никого.

Соколов, не торопясь, словно что-то ища, обошел горницу, заглянул в кухню, в маленькую соседнюю комнату, где был ребенок. Вернулся и остановился возле божницы с иконой.

— Религиозная, что ли? — спросил он.

— Нет, это матери. Я комсомолка.

— Ладно. Предположим. Познакомиться я заехал всего-навсего, — сообщил сержант и, как будто только теперь заметив, как она стоит, разрешил: — Вольно, вольно. Сядь.

Анна послушно села на лавку. Соколов, продолжая обход, зачем-то принялся разглядывать кухонную утварь возле печи. Анне бросился в глаза темный круг пота у него на спине ниже шеи.

— Так ты откуда к нам? Прямо с фронта? — обернулся к ней энкавэдэшник.

— Нет. Я восемь месяцев при госпитале была. Санитаркой там работала.

— Там и рожала, в госпитале?

— Там рожала.

— Э, да не красней, не красней. Дело молодое. Значит, решила дитя оставить?

— Да, точно так.

— Что ж... Собственно, я не за этим... — произнес оперуполномоченный, отведя пристальный взгляд от ее лица. И вдруг опять впился в нее глазами. — Так как думаешь — победим? Про войну что думаешь?

Анна растерялась, но только на одно мгновение, и ответила вполне искренно:

— Ясно, победим.

— Обстановка сложная на фронтах. Я тебя как бывшую военную спрашиваю — победим?

— Да победим, конечно. И Иосиф Виссарионович так сказал — что победа будет за нами, — нашла она спасительный ответ.

— Что ж, это верно, верно, — проворчал сержант. — У тебя кто командиром был? Звание, фамилия... А?

— Это военная тайна. Я не могу сказать.

— Мне-то можно.

— Не положено.

— Ладно, не говори, — разрешил Соколов. — Значит, воевала ты....

— Санитаркой. Я бойцов вытаскивала. Раненых. На себе.

Энкавэдэшник внезапно прервал допрос, торопливо скинул крючок на окне, распахнул створки и высунулся наружу. Закричал исступленно, бешено:

— Отойдите от коня! Живо! Я в милицию заберу!..

Потом, обернувшись к Анне, продолжил уже спокойно:

— Вот шпана! Ни минуты покою. Так и норовят... Значит, ты...

А на фронт ты попала, стало быть, добровольцем?

— Да. В первый же день войны. Я же курсы медсестер окончила в школе. Меня взяли сразу.

— Что про политическую ситуацию в мире думаешь? Прессу пишете?

— Нет, у нас дома радио. А газеты — в клубе, в красном уголке. Там мы всегда читали.

— В США кто президент?

— Рузвельт.

— В Англии премьер-министр кто?

— Черчилль.

— Верно. А демократический централизм знаешь что такое?

— Это как у нас в стране — демократия, к мнению простого народа прислушиваются, но когда партия приняла решение, надо выполнять его беспрекословно.

— Что ж, тоже верно... Что собираешься делать дальше?

— Послезавтра выхожу на работу. Председатель сегодня был, он велел. На полях работать буду, в колхозе. Или, может, на ферму пошлют. Точно еще не знаю.

— Значит, товарищ Анна, про то, что на фронте видела, — никому ни гу-гу. Никому! Матери родной — и той ни полслова, ни намека, ничего. Ясно?

— Так точно.

— Это под твою ответственность. Если узнаю, что язык распускаешь, — пеняй на себя. Понятно? По закону военного времени. За разглашение сведений или за сеяние паники — сама понимаешь что.

— Я поняла.

— Вот и хорошо. Если что надумаешь органам сообщить... как военный человек, давший стране присягу. Где упущение заметишь, беспорядок, или преступление против народной собственности, или вдруг измену... То я в Мокино сажу, в здании, где милиция.

— Хорошо.

— Ну, до свидания, Анна, — сказал Соколов и вышел.

С улицы вскоре донеслось:

— Стой ты, окаянный! Стой, тпру!..

Анна, прячась за занавеской, убедилась, что он уехал. Ребенок в соседней комнате начал хныкать. Анна перепеленала его, взяла на руки и понесла по дому, покачивая.

— Аня, это кто там по улице проскакал? Часом, не от нас? — входя в дом, спросила ее мать, Елена Абрамовна.

Следом вошла Кузьминична — соседка, мать Сергуши.

Поздоровавшись сперва с ней, Анна ответила матери:

— Это ко мне. Из милиции. Меня приезжал проверить. Спрашивал разную ерунду. Ноги до сих пор ватные.

— Шляется, не сидится ему! — заворчала мать. — Ладно, мы ненадолго. Пообедаем — и назад.

Кузьминична объяснила свой приход:

— Напросилась вот с твоей матерью — на ребеночка посмотреть. Может быть, покажешь?

— Вера Кузьминична, я боюсь...

— Спичку в рот возьму. Слова не вымоглю. Ни звука! Я не урочливая, не сглажу. На деревне каждый подтвердит, — затараторила Кузьминична и в подтверждение своих слов вытащила из кармана и закусила зубами грязную спичку.

Анна на несколько секунд поднесла к ней ребенка. Кузьминична молча поглядела на него, отошла в сторону, вынула спичку и сказала Анниной матери, улыбаясь:

— Ну, Абрамовна, я пойду. Значит, после обеда встречаемся у родника?

Когда соседка ушла, Анна шепотом произнесла:

— Мамка, я боюсь.

— Не бойся, она не злая, и глаза не черные, — возразила мать. — Дай-ка внука мне, покачаю. А-а-а, а-а-а. Баю-баю, баю-бай, поскорее засыпай. Баюшки-баюшки, спят мои детушки...

— Мам, он только проснулся. Хочет есть.

— Ну титьку ему подсунь, — сказала мать, возвращая ребенка. — Отвыкла я от мелкоты.

— Хорошо, молоко не кончилось. Я боялась, не довезу ребятенка, — сказала Анна, давая младенцу грудь. — На железке прямо ад кромешный, не протолкнуться.

— А сказала вчера — нормально.

— Сказала, чтоб сходу не пугать.

— Вот ведь жизнь пошла... — вдохнула мать. И спросила: — На отца похож?.. Что молчишь? Похож?

— Нет.

— Они быстро, малютки, меняются. Чуть ли не каждый день. Смотришь — они такие, потом — другие, потом — еще... Может, походить начнет.

— Мамка, прекрати!

— А ничего. Без регистрации — да кому какое дело? Так вот и скажу, если что... Люди молодые, любить хотят. А тут война. А в войну — не то же самое, что всегда... — вытаскивая из печи казанок с картошкой, говорила сама себе Елена Абрамовна.

— Замолчи! — громко взмолилась дочь.

Мать перевела разговор на другое:

— Сегодня опять кричали. Слышно даже в поле — мы недалеко тут. Это у кого?

— Я не знаю.

— Сколько уж раз было... Ну, ты вернулась — и слава богу! — заключила мать, обхватила кормящую дочь за плечи и зарыдала, давясь слезами, чтобы не в голос.

3.

В правлении колхоза оперуполномоченный Соколов проводил беседу с председателем Добрыниным.

— Говорите, напоят моего коня, Иван Викулович?

— Обязательно напоят. Ребятишкам я велел. Толковые, хотя от горшка два вершка. Сказал им на лужайке потом попасти его, посторожить. Не волнуйтесь, товарищ Соколов, все в порядке будет.

Энкавэдэшник по своей привычке осмотрел помещение, проверяя, нет ли лишних ушей.

Указав на закрытую дверь, спросил:

— Это что у вас?

— Бухгалтерия. Там счетовод работает.

Соколов отворил дверь и заглянул в каморку счетовода.

— Никого.

— Как это — никого? — удивился председатель. — Опять убежал, что ли? Влеплю ему выговор — так узнает!

Соколов плотно притворил и бухгалтерскую дверь, и входную.

— Есть серьезный разговор, — сказал он, подходя к председателю. — Строго между нами. Понятно?

— Это само собой.

Они не слышали, как в бухгалтерию, отомкнув своим ключом отдельный вход, бесшумно пробрался Сергуша. Он сел за стол с грудой бумаг, придвинул гроссбух и обмакнул перьевую ручку в чернильницу.

Соколов, как человек государственный, для начала задал вопрос по хозяйству:

— Какие виды на урожай, Иван Викулович?

— Я себе места не нахожу! — воскликнул председатель. — Пекло стоит какое! Яровая еще чуть-чуть — и сыпаться начнет. Но мы сделаем, что возможно. Все, что в наших силах.

— Пекло — не оправдание, — строго возразил энкавэдэшник. — У нас в любую пору — то пекло, то заморозки, то ненастье. Тут Вятка, а не Кубань. Зона рискованного земледелия. Мы к любым трудностям обязаны быть готовыми.

— Так-то оно конечно. На Кубани ветку в землю воткнул — растет. Не буквально, а фигурально...

— Какие настроения в народе, что говорят? — перебил Соколов.

— О чем?

Соколов посмотрел в упор в глаза председателю:

— Вот не надо мне тут крутить, Иван Викулович, ну не надо! О чем, о чем... Разумеется, о войне.

Сергуша, слыша голоса, осторожно подкрался и поглядел в замочную скважину, с кем там говорит председатель. Увидав сержанта в военной форме, он собрался было постучаться к ним и войти, даже поднял руку, — но не решился и опять вернулся к столу.

— Переживают все, конечно, хотят помочь. Сил своих не жалеют, работают за двоих, — доносился через дверь голос Добрынина.

— Подстрекатели, паникеры были замечены?

— Ну откуда у нас паникеры? В колхозе — и паникеры? Нету и не было никогда. Знаете, какой народ у нас? Неслучайно имя колхозу выбрали — «Веселые ребята», как в кино.

— Вот деваха у вас одна, с фронта только что. Как ее?.. — Соколов сделал вид, что запямятовал.

— Анна Иканина.

— Знаете ее?

— Как не знать!

— Про нее разговор особый, — сказал сержант. — Дело тут такое... Ведь у нее ребенок. И понимаете... Этот ребенок — немец.

— Как же так?! — воскликнул председатель с безмерным изумлением. — Девка в школе у меня была активистка! Пионерия, комсомол. Ни в чем таком не замечена никогда.

— Была-то была, — усмехнулся энкавэдэшник. — В плен она попала осенью сорок первого, к фашистам в руки. Ну, они и того... надругались над ней. Тут как раз наши в атаку пошли, фрицы драпанули. Ее спасли. Только понесла она.

— Вы считаете — это ее вина? — осторожно спросил председатель.

— Если бы сама сдалась к ним в плен, то была бы вина. Но проверили, оказалось, что не сдавалась. В части отзывы хорошие о ней, это да. Только ведь она от ребенка избавиться могла, аборт сделать. А не стала, разродилась фрицем.

— Ну и ну... — задумчиво произнес Иван Викулович, потирая пятерней затылок.

— То-то и оно, — сказал сержант, увидев, что его поняли правильно. — Очень подозрительно. Мало ли что у нее на уме. Кто знает?.. Нужен глаз да глаз.

Сергуша в каморке счетовода сидел приоткрывши рот. Потом он вскочил и пошел было к двери, за которой слышался разговор, но на полпути опять передумал, повернулся и вышел в другую дверь, наружу. Обогнув по тропинке правление, он поднялся на главное крыльцо и постучал. Председатель с оперуполномоченным уже обсудили все, что надо, поэтому разрешили ему войти.

— Сергей? Куда ты в рабочее время шлялся? — рассерженно начал отчитывать его председатель.

— Иван Викулыч, я потом вам объясню, — ответил счетовод.

Он на носках повернулся к Соколову и, лихо приставив ногу, ударил пяткой в пятку. Впрочем, стоптанные каблуки не щелкнули.

— Товарищ сержант, разрешите обратиться? — спросил он, стараясь, чтобы это прозвучало по-военному.

— Слушаю. Говори.

— Товарищ сержант, я прошу взять меня в армию! — выпалил Сергуша.

— Так иди в военкомат.

— Я ходил! Не берут. Весь наш класс забрали, я один остался. Бракуют меня, и все.

— Там врачи, комиссия. Стало быть, так надо, — начал втолковывать Соколов, желая поскорее отвязаться от хилого, но настырного сморчка.

Сергуша, испугавшись, что ему отказывают, быстро заговорил:

— Товарищ сержант, я ненавижу фашистов! Я руками их готов душить! Почему я должен сидеть в тылу за бумагами? Дайте мне винтовку, я двадцать восемь выбиваю из тридцати!

— Да какая тебе винтовка? — уже мягче сказал сержант. — Ты меньше ее ростом.

— Да нет же, товарищ сержант! — воскликнул в отчаянии Сергуша. — Метр пятьдесят она, если со штыком, а я вчера померялся — метр сорок восемь. И я еще расту!..

Соколов глядел на худенькое личико просителя и думал, что сегодня еще нужно проехать на коне двенадцать километров до деревни Ваничи, где поломали трактор в самый разгар работ, и это, вполне вероятно, преднамеренное вредительство; потребуются разборки, и до райцентра он доберется в лучшем случае только завтра к вечеру...

— Ладно, бери бумагу, карандаш, — скомандовал он. — Пиши заявление. Только не расписывай цветисто, ни к чему. Пиши просто: «Прошу меня принять добровольцем». Точка. Подпись, фамилия и как зовут.

Сергуша просветлел лицом, стремглав кинулся в бухгалтерию и, стараясь выводить слова как можно разборчивее, быстро все написал, как велели.

4.

На вечерки к сестрам Лялиным набралось молодежи два десятка человек. Чтобы было легче дышать, раскрыли в избе все окна. Не сидели впотьмах, жгли керосинку. Горючее сестрам выделял их дед из каких-то своих запасов. Сперва крутили на патефоне стертые пластинки. Танцевали девушки с девушками под музыку «Брызги шампанского». Пацаны-малолетки робели, к девчатам не подходили — делали вид, что и так весело, щелкали семечки, сидя вдоль стен на лавках. Все знали: музыка будет недолгой, только совсем чуть-чуть — чтобы не стирать иглу, да и сами пластинки.

Вскоре одна из сестер, Раиса, прямая, как жердь, рябая девка, захлопнула крышку патефона:

— Будет!

Теперь настала очередь петь самим. Сняли с гвоздя на стене гармошку, передавали ее из рук в руки, пока она не достигла Сергуши. Он, как старший мужчина в компании, имел право играть на ней.

Парень растянул меха, потом, сжимая их обратно, перебором пробежал пальцами по кнопкам, приклонился щекой к басовой крышке и принялся наигрывать душевное, плавное.

Девки закричали:

— Веселей, веселей, Сергуша! — и под веселую музыку еще пару раз сплясали.

Потом одни расселись по стульям, а другие остались стоять, прислонившись к печи. Спели вначале «Катюшу» — про расцветшие яблони и груши, про девушку, которая сколько угодно могла прождать и ждала. Затем — песню о том, что звать любовь не надо, явится неожиданной, счастьем рассветет вокруг. Потом — о парне за далекою Нарвской заставой, который идет туда, где за счастье народное бьются отряды рабочих бойцов.

— Далека ты, путь-дорога. Выйди, милая моя! Мы простимся с тобой у порога и, быть может, навсегда, — играл Сергуша, и ему самого себя становилось жалко. Впрочем, любезной у него никогда не было. Просто сегодня пригрезилась такая фантазия, вот и все.

Конечно, музыка у Сергуши получалась не такая залихватская, как у лучшего гармониста деревни Леньки Непряхина, который ушел еще год назад воевать и погиб. И даже не такая, как у Жорки Криницына, который сейчас тоже был на войне. Но все-таки, если не вслушиваться, а просто петь, то с музыкой было лучше, чем без нее.

Вечерки устраивались у Лялиных уже не первый год. Родители сестер выделили для молодежи старую избу: ее не снесли, оставили во дворе под летнее жилье, а поблизости в ограде выстроили вторую, где теперь и жила семья. У старших был расчет: из девок Лялиных две — Раиса и Лидия — явно засиделись, им полезно было почаще показываться на людях. Сейчас в деревне кавалеров не осталось ни одного, но привычка у поредевшей молодежи собираться по средам у Лялиных никуда не делась.

Наконец напелись досыта, расчувствовались, и Раиса сказала:

— Хватит! Прогуляемся до берез.

Девчата повалили гурьбой из дома, поправляя косынки на шеях и одергивая подола. Лидия, набросив на плечи большой цветастый платок, перешагнула через порог павой. Пацаны, чтобы не ждать в дверях, повыпрыгивали из окон. Раиса, выходя последней, задула керосиновую лампу. Так обычно оканчивались почти каждые посиделки.

До оврага шли под звуки гармонии, с которой впереди всех шагал, ссутулясь, Сергуша. Луна на ясном небе светила лучше всякого фонаря, и поверхность дороги отражала ее лучи.

На краю оврага гармонь затихла. Тут Раиса скомандовала:

— Бегом!

Каждому с детства был знаком этот пологий песчаный спуск, по которому катались зимой и бегали наперегонки летом. Парни обогнали всех девчат, кроме длинноногой сухой Раисы, — до подножия оврага, до сырой земли она добежала первой, размахивая руками. Тут по очереди осторожно перешли через ручей по скользким, уложенным мостиком бревнам и шагом поднялись по другому склону наверх. За оврагом неширокой, но протяженной рощей росли березы. Над утоптанной площадкой, на изгибе ветки большой березы, висели веревочные качели с доской на двоих, неподалеку была беседка. Дождались Сергушу и, когда он, запыхавшись с ношей, взобрался к ним, попросили сыграть еще что-нибудь. Притомившись, он умолк очень скоро, и стало по-особенному приятно слушать ароматную ночную тишину.

— Ох, когда наши-то вернутся... — произнес в темноте девичий голосок.

— Победят — тогда и вернутся, — веско ответила Раиса, обернувшись в ту сторону.

— А Иканина Анька уже вернулась, — заметил кто-то из пацанов. Кто-то добавил с ехидцей:

— Вернулась, и не одна!

Это замечание вызвало общий смех.

— Не тем местом Анька повоевала!..

Сергуша не смог стерпеть этой несправедливости, он до визга дернул меха гармони, чтобы заглушить дурной хохот.

— Вы не знаете, а она, может, сто раненых бойцов вытащила из боя!

— Может, тыщу? Может, миллион? — задрезались глупые малолетки.

— Она даже в плену была! — выкрикнул Сергуша едва не в бешенстве.

— В плену? Ты откуда знаешь? — спросила его Раиса.

Сразу смешки затихли.

Сергей не ответил.

— Так вот откуда у нее ребенок! — протяжно сказала Лида. — От фашистов.

На лбу Сергуши выступил липкий пот.

— Я вам этого не говорил! — со слезами в голосе крикнул он.

— Ясно все тогда, — поддержала Лиду Раиса.

Девчата у них за спинами сошлись в небольшую стайку и замолчали.

Сергуша сам не понимал, как так получилось, что он выболтал тайну. Хотя на самом деле он ее не выбалтывал и не собирался этого делать, однако же все узнали — и в этом виноват он. Он! Взвыв, парень вскочил со скамейки, не глядя сунул гармонь кому-то в руки и побежал, стуча по сухой земле кирзовыми сапогами, — подальше, чтобы никого не видеть, не слышать, чтобы это все исчезло куда-нибудь, испарилось, будто бы и не было никогда...

На следующий день, в полдень, в дом Иканиных, будто ополумев, вбежала мать Анны — Елена Абрамовна и, отворив дверь, долго

и судорожно дышала возле порога, глядя на дочь, вжимала ладонью грудную клетку, готовую разорваться.

Анна, расширив глаза, смотрела на нее и ждала. Наконец мать, шатаясь и чуть не падая в обморок, прошагала в пыльных ботинках к ней, схватила ее за руку и приказала срывающимся на хрип голосом:

— Говори!

— О чем? — спросила Анна, хотя ей было уже ясно.

— Это правда? Ну, что... Про немцев? — собравшись с силами, спросила мать.

Анна не ответила. Елена Абрамовна дернула ее за руку. Глаза Анны заволокло влагой. Лица матери она уже не различала. Та отпустила ее, повалилась на колени и стукнула лбом о половицу. Спина ее под натянутым платьем затряслась.

Соседка Иканиных Вера Кузьминична крепилась весь день, но под вечер не утерпела. Их бригада сегодня была брошена на уборку картошки. Бабы кто лопатами, кто вилами — кому как удобней — выкапывали клубни, собирали в ведра и пересыпали потом в мешки. Делали свою норму — по сотке на человека. Деревенские мальчишки, которые правили лошадьми, грузили урожай на телеги, увозили на складской двор. Скоро должны были закончить, ждали команды от бригадирши.

Тут Веру Кузьминичну словно черт дернул за язык. Она приблизилась к матери Анны, работавшей молча и зло, и с улыбкой сказала, будто бы просто так:

— Умаялась! Фу, жара... Абрамовна, разреши еще разок на внука твоего глянуть!

— Это зачем тебе? — глухо сказала та. — Ты уже видела.

— А не рассмотрела ладом-то я впопыхах. Все-таки любопытно, какие они, арийцы эти...

Кузьминичне и самой было странно: она на доньшке сознания принимала, что не надо бы этого говорить, но от скуки, от усталости или еще от чего встряла со своей просьбой.

— Бабы судачат... — все продолжала она, не в силах замолчать.

Но тут Абрамовна ей помогла: подхватила с земли картофелину и швырнула в соседку. Увернуться той не удалось, клубень больно ударил в щеку. Вера Кузьминична, взвизгнув, отскочила и пустилась наутек. В лопатку впечатался еще один клубень. Испугавшись, что сзади вцепятся в волосы, Вера Кузьминична, не оглядываясь, упрыгала через рядки ботвы на безопасное расстояние.

5.

В октябре по осклизлой от дождей улице в правление колхоза «Веселые ребята» пришел молодой офицер в длинной шинели, с портупеей и пустой кобурой на боку. Он козырнул председателю Ивану Викуловичу и представился старшим лейтенантом Максимовым. Поскольку военной

власти в деревне не оказалось, он явился доложить о своем прибытии старшему должностному лицу из гражданских.

— Так-так-так... — произнес Добрынин, прочитав машинописный текст на поданной офицером четвертушке серой бумаги. — Значит, после ранения? Две недели отдыха? А зачем же к нам?

— По личному делу, — начал было уклончиво отвечать Максимов, но потом все-таки пояснил: — Знакомых проведать. Кстати, адрес хочу спросить. Дом Иканиных. Может, знаете?

— Как не знать! — воскликнул Иван Викулович. — Знаю, знаю. Деревня немаленькая у нас: по Советской улице сто девяносто домов, да по улице Ленина за полторы сотни, да в проулках стоят дома, — но приходится всех держать в голове. Работа такая. Знаю.

Он назвал офицеру адрес Иканиных, но предупредил, что сейчас там никого дома нет: и мать, и дочь на ферме.

— Я тогда на ферму...

— Посторонним туда нельзя, — торопливо перебил председатель. — Время военное. Конечно, не режимный объект, но все же... Не имею права допустить. Ведь продукты делаем, мало ли что. Сами должны понять.

Максимов кивнул и задумался на мгновение.

— Переждать в приемной можете, располагайтесь у нас на стуле, — указав рукой, гостеприимно сказал Добрынин.

— Нет, я на улице, сегодня совсем не холодно...

Едва за военным закрылась дверь, председатель взялся за телефон. У телефонистки на другом конце провода изменился голос, когда она услышала, с кем он просит соединить.

— Слушаю. Соколов, — донеслось из трубки.

Иван Викулович сбивчиво объяснил, почему звонит:

— Понимаете, посторонний. Именно к ним... Лысковых, Криницыных, Лялиных — пруд пруди, а Иканины только одни в колхозе. В форме. Представляется офицером. Ходит и осматривает деревню.

Через три часа Соколов шагом въехал в Верхнее Лысково верхом на своем коне и направился сразу к дому Иканиных. Еще издали он увидел гурьбу ребятишек, которые окружили военного, сидящего на завалянке: очевидно, любопытничали, расспрашивали. По мере того как Соколов подъезжал, компания мелюзги редела, а когда он соскочил с седла и подвел коня к палисаднику, чтобы привязать поводья, никого из них уже не было. Офицер встал и, приложив ладонь к фуражке, как положено отдал честь. Соколов в ответ тоже козырнул, но небрежно: полусогнутой ладонью, торопливо — мол, не до того теперь.

— Документы предъявите! — велел он.

Документы оказались в порядке. Пехотинец, старший лейтенант, отпуск после госпиталя. О цели своего приезда он сообщил то же, что говорил председателю колхоза Добрынину — хочет навестить знакомых, Иканиных.

— Родственниками вам приходится или как? — неотрывно глядя ему в глаза, спросил Соколов.

Пехотинец заметно смутился. «Странно, — насторожился Соколов. — Странно».

Малиновые петлицы и синий околыш фуражки энкавэдэшника сказали Максиму, что придется выкладывать начистоту все, как есть, или, по крайней мере, больше, чем он сообщил председателю.

— Понимаете, девушка тут живет. В батальоне у нас служила санитаркой, сестрой милосердия. Вытащила меня раненого в сорок первом, спасла. Жизнью обязан ей. Теперь вот решил проведать. Возможность есть: после нового ранения — отпуск...

«Что ж, предположим. Ладно», — подумал Соколов и достал из кармана пачку папирос «Беломорканал».

— Куришь? — спросил он. — Угощайся. Бери-бери!

Они закурили и сели на скамейку бок о бок. Сквозь улетающие облачка табачного дыма Соколов смотрел на другую сторону улицы, на маленькую лысую березку с мелкими бурыми листьями и на тополек, будто совсем не тронутый заморозками, — он и под снег уйдет таким лопухастым, зеленым, свежим.

— Школьники их прикапывали лет пять или шесть назад, — проговорил Соколов негромко. — Кинули клич, мол, красивей жить с деревьями, — и понеслось. У каждого дома, на каждой улице копали, сажали, таскали землю. В каждой деревне, не только тут. Ребята из старших классов. Многие из них сейчас на войне... А деревья вот — растут.

Максимов промолчал, не зная, как на это реагировать, сквозь трубочку папиросы втянул что есть силы воздух. Хороший табак зашипел об уголь, отдал едкий жар, согревая нутро.

— Значит, два ранения у тебя, старлей? Немало, — снова произнес Соколов.

— В пехоте без этого не обходится, — ответил ему Максимов. — У шоферов да в артиллерии — там полегче. А у нас, на передовой, обычное дело. Пулемет — шестьсот выстрелов за минуту! Можете представить?

Соколов подумал, что хотя он и ниже офицера по званию, но до чего же выше его по должности! Он обращался к старлею на «ты», тот говорил ему «вы» — и это было вполне естественно.

— Подарки, небось, везешь? — с усмешкой спросил он у пехотинца. — Дай-ка взгляну, что в мешке.

— Да какие подарки! Пара банок консервов да сухпаек, — возразил Максимов, но вещмешок отдал.

Энкавэдэшник ощупал содержимое через ткань, потом развязал тесемки и зыркнул внутрь, но рыться там все-таки не стал. Возвращая мешок, сказал, снова с улыбкой:

— Обрадуется Иканина. Любят бабы подарки, любят.

Можно было уезжать — все, что следовало, он проверил.

— А как тебе конь мой, что скажешь? — вместо этого спросил он. — Нравится он тебе?

Привязанный жеребец понял, что говорят о нем, поднял чубатую голову, покосился на хозяина черным глазом.

— Очень красивый конь.

— Очень? Только и всего? Очень... Сразу ясно, что ты городской. Это о-го-го какой конь!

Соколов вскочил с места, втоптал окурок в мокрый дерн и подошел к скакуну.

— Спросишь, почему такой конь — и не на фронте? — весело скаля зубы, спросил он. — Красавец! — Сержант погладил вороную шею коня, успокаивая его. — А все очень просто: копыто у него треснуло. Вот погляди — копыто.

Он заставил жеребца поднять левую переднюю ногу и, искоса, как и его конь, глядя на Максимова, спросил:

— Видишь?

Соколов все приглядывался к приезжему и пытался определить, что в нем необычного. Впрочем, это оказалось не так уж сложно: в лейтенанте не чувствовалось страха. Осторожность, напряженность чувствовались, а страх — нет. И мелькнула мысль: «Ишь, какие — фронтовики!» Очень тянуло поговорить, расспросить, как там и что. Только, разумеется, не спросил. Кто ему ответит, да от души?

«Почему отступаем? И зацепимся ли за Сталинград или откатимся дальше, сюда, на Вятку? Почему перед войной лясы точили с Гитлером? Кто прозевал в Красной армии, как подготовлен враг? Какая этому виновному назначена расплата?» — Он разрешил рою опасных мыслей промелькнуть в мозгу и отогнал их.

— Значит, погостить решил? Ну, гости! — сказал, разматывая поводя.

На прощание мужчины пожали друг другу руки.

6.

На улице началось движение — баб отпустили обедать. По одной, по две, а то и группами по несколько человек шли они по дороге, выбирая места, где суше, или шагали по обочинам вдоль заборов. За заборами лаяли собаки, обрадовавшись занятию. Максимов встал со скамейки, чтобы издали увидеть, которая из женщин Анна.

Он не узнал ее.

Молодая низенькая баба в белом платочке, с запеленатым младенцем на руках, свернула с дороги к дому Иканиных и остановилась, увидев Максимова. Ясно было, что военному что-то нужно именно в этом доме.

— Вам чего? — удивленно спросила она.

Старший лейтенант вовсе не такой ее запомнил. И ребенок этот... Зачем ребенок? Максимов глядел в ее лицо и пытался в нем угадать знакомые черты той — в гимнастерке, а не в черной кацавейке, и пилотка на голове, а совсем не косынка, нет... Но вдруг нынешнее бледное, осунувшееся лицо заменило в памяти прежнее, и показалось, что другою эта женщина и не была — все та же она, все та же! Но ребенок этот... Это же все меняет — ее ребенок. Как же, как же так? Почему?

— Вам чего? — повторила она. — Вы к нам?

— Анна... В/ч 35798, батальон Уфимцева? Я — лейтенант Володя.

— А, Володя... Володя, да! — Она шагнула к нему и на мгновение коснулась щекой его плеча, колючей его шинели, выказав радость, но лишь как сослуживцу. — Какими судьбами здесь?

Он не сказал ей правды.

— Мимо ехал, завернул проведать тебя.

— Да? Ну входи, входи... — И она не мешкая провела его через ворота во двор, чтобы скрыть от любопытствующих прохожих.

— Как ты, что? — продолжала спрашивать уже в доме.

— Я из госпиталя, буквально на час. Только повидать и сказать спасибо. — Он повернулся к ее матери, тоже пришедшей на обед, только несколькими минутами позже: — Аня ведь спасла меня! Если б не она, то сейчас бы я с вами не разговаривал. Рану перетянула, кровь остановила и, наверно, целый километр волокла меня на себе. Представляете?

Елена Абрамовна посмотрела на его крупное тело и покачала головой.

— Как ты разузнал, где я живу? — спросила Анна.

— Мне в полковом архиве писарь один дал адрес, — улыбнулся Максимов. — Конечно, не просто так — за целую фляжку спирта. Дивизия наша здесь, неподалеку, формировалась, все призваны из одной области, весь личсостав. Я сейчас сразу в Киров, к матери. Удобно получилось.

Он начал выкладывать из вещмешка гостинцы. Ребенок вдруг пронзительно заплакал. Анна унесла его в соседнюю комнату, чтобы сменить пеленки.

Максимов смутился и заспешил:

— Не буду мешать, пойду...

— Ну куда ты? — услышав, крикнула ему Анна. — Даже не выдумывай! До утра со станции не уедешь ни в одну сторону. Утром поезд остановится, в него и заберешься, если сумеешь. А пока давай перекусим. Мы потом опять на работу, а ты оставайся здесь, приляг и отдохни.

Елена Абрамовна отворила заслонку и достала из протопленной утром печи чугунок с еще теплой жидкой картофельной толченкой. Расселись за столом, начали ложками черпать из общей посуды. Хлеба не было, но каждому мать Анны дала по приличному куску зеленой травяной лепешки. Оголодавший офицер ел с удовольствием, однако старался не орудовать ложкой быстрее других. Чтобы прервать молчание, он спросил, указав на иконы в красном углу:

— Это кто у вас молится? Аня, ты?

— Мамка это. Не я. Она.

Елена Абрамовна молчком продолжала жевать, будто тема ее не касалась.

— А я мальчишкой карикатуры рисовал в школьную стенгазету. Она называлась «Безбожник». Очень смешные были карикатуры — гуашью, карандашом. Хорошее было время...

На ферме то одна, то другая колхозница подходили к Анне, интересовались, откуда гость.

— Со службы прислали, уточнить документы, — чтобы отвязаться, лгала им Анна.

— Ишь ты, гляди! Со службы.

Она сама не могла понять, зачем Максимов явился к ней. Помнила его смутно. Был у них в полку лейтенант Володя? Да, вроде был, молоденький... Много кого она повытаскивала из боя, разве упомнишь всех!

Наконец привели стадо. Коровы, покачивая выменем, пошли отыскивать привычные стойла, дежурные бабы закрыли проходы жердями и закричали, что можно впускать быков. Вбежали два племенных быка с кольцами в носу, потыкались вправо, влево и, поняв, что им открыта лишь одна дорога, свирепые, недовольные, заняли свои места в загонах.

— Ну дурные! — как всегда, разноголосо кричали на них доярки. — Где таких берут? Звери! Крепыш! Визирь! Успокоились! Тихо, тихо!

После долгой дойки, с тяжелыми, неразгибающимися ладонями, бабы в сумерках отправились по домам.

Володя уже заждался. Ходики на стене, с привязанными к гире ножицами, отмеривали время, но так лениво, что хотелось им на цепочку навесить еще какой-нибудь груз для скорости. Иконы, казалось, смотрели, следили за каждым шагом, в какую бы сторону Максимов ни шел.

«Надо ж было тебе сделать из мира такую гадость! — подумал старший лейтенант, остановившись перед божницею. — Разве нельзя было иначе? Все существа, что тобой созданы, только и делают, что убивают да жрут друг друга. Ну зачем?!»

Он смотрел на образ Николая Угодника и считал, что мужчина, нарисованный на иконе, — это и есть Бог.

«Зачем эти бессмысленные мучения? Это бессердечие, подлость, зло? Родимся все добрыми и наивными, кроме разве что крокодилов со змеями. А потом становимся как они. Ах, какая была бы жизнь, если б не жадность богачей, не разруха от бесконечных войн! Сколько бы всего построили, создали, открыли, придумали! Сколько народу бы родилось! Только представить себе...»

Анна с ребенком на руках, завернутым в одеяльце, пришла опять раньше матери. Засуетилась у печки, растапливая плиту:

— Сейчас, сейчас перекусим чего-нибудь!

Володя странным образом через стену чувствовал присутствие ее сына в соседней комнате, и это сковывало его.

Анна собралась было открыть банку тушенки, которую Максимов привез в подарок, — чтобы его же и накормить. Он не позволил, попросил, чтобы съели это потом, когда он уедет.

Пока на плите грелся чугунок, сидели в полутьме, смотрели на огонь в печи.

— Значит, ты опять на фронт? — спросила Анна.

— Ну а как иначе-то? Хорошо, что признали годным. В этот раз посерьезней ранили, чем тогда...

— А куда?

— Сюда вот. Пулей, навылет. — Володя указал пальцем место повыше сердца. — Сзади лопатку насквозь пробило. Считай, все лето в госпитале провалялся. Теперь в свою часть уж точно не попаду.

Он намеренно перевел разговор на воинскую часть, потому что общий полк — это было все, что их с Анной в прошлом связывало. Попытались найти общих знакомых. Начальник медсанбата — про него ни он, ни она ничего сказать не могли: был такой и был. Да еще — хирург. Максимов его хорошо запомнил, особенно белые, в закатанных рукавах руки с серебристыми волосками. За две недели пришлось потерпеть от этих рук, и немало.

На передовой, в окопах, общих знакомых не отыскалось ни одного.

— Ты давно оттуда? — спросила Анна.

— С мая месяца. Под Ржевом стукнуло. Вывозили на телеге. Кочка на кочке! Так и везли.

Володя мог бы пояснить Анне подробнее, что значит «кочка на кочке»: вопли других раненых и его собственные будто сейчас в ушах. Только зачем? Наверняка она все поняла.

— А ты когда? — тоже спросил он.

— В октябре, — тихо сказала Анна.

— Это когда ты меня вытащила, тогда?

— Да, наверно, — пробормотала Анна тише, чем треск печи.

Разговор зашел в тупик, оба замолкли.

— Заскучал, небось, — весь день в четырех стенах? Как поедим, сходи погляди вокруг. У нас в деревне клуба нет, но молодежь сама собирается иногда, — вдруг сказала Анна, как бы разделив себя и Володю, отнеся его к молодежи.

«В самом деле, — подумал Максимов. — Пойду».

7.

У Лялиных сегодня пластинок не пожалели, прокрутили их по два раза. Старший лейтенант отплясывал так, что вспотел до корней волос. Левую руку по привычке держал полусогнутой перед грудью, будто боялся разбередить недавно зажившую рану. Девки в избе тоже оберегали его, не подступали близко с этой стороны. На гармошке теперь няривал не Сергуша, которого наконец взяли в армию, а совсем сопливый мальчишка, но выводил так заливисто, разухабисто, что нравился куда больше.

«Вишь, пришел! — думала тощая Раиса, в танце разбрасывая в стороны длинные руки. — А может, и правда приехал, только чтоб документы уточнить? Может быть, он ничейный?» Ей очень хотелось верить в это, и мерцали в голове краткие видения — треугольное письмо: «Здравствуй, дорогая Раиса! Передаю фронтовой привет тебе, матушке твоей уважаемой Алевтине Григорьевне, отцу Иннокентию Прохоровичу, деду Степану и Лиде, твоей сестре...»

Лиду нынче и упрасивать не пришлось сплясать цыганочку. Вышла на середину комнаты в цветастом своем платке, растянула

его углы, начала притопывать то носками туфель, то каблуками да сверкать улыбкой и глазами, нарезать круги, прижимая весь народ к стенам. Она не успела еще закончить, когда Раиса под шум сказала Максиму:

— Фу, жара! Не хотите ли проветриться? Перекурить?

— Да, пожалуй.

Они протиснулись к двери и вышли вдвоем во двор. Чтобы не простыло потное тело, пришлось набросить ей — телогрейку, ему — шинель.

— Какая мерзопакостная погода! — сказал, закуривая, Максимов.

— А вы надолго к нам?

— Вряд ли.

— А что так? Побыли бы тут подольше, — начала наводить мосты Раиса. — Погостили бы... Вы же к Иканиным?

— Что мне там гостить? — недовольно сказал лейтенант. — Муж вернется с войны — он и пускай гостит.

— Какой еще муж? — вырвалось у Раисы.

— Анин. Тот, от кого ребенок.

— А, ребенок... — сказала Раиса.

Потом не удержалась и вставила:

— А вы были там, на войне, в плену?

— Нет.

— А она была.

Максимов поперхнулся дымом. Даже не попрощавшись, он рванулся к выходу со двора и чуть не вышиб в темноте щеколду дощатых ворот.

Черная ночь окружила со всех сторон деревню Верхнее Лысково. Кое-как ориентируясь по силуэтам домов, Максимов пробирался вдоль нужной улицы. Раскисшая трава цеплялась за голенища, распутица заставляла спотыкаться, оскальзываться. Он чертыхался. От волнения и нервного напряжения утомился сильнее, чем от самого пути. У крыльца Иканиных остановился, необходимо было передохнуть. Сердце билось так, что, казалось, прямоком ударяло в виски.

«Она была в плену! Что ей довелось пережить? Даже вообразить страшно!»

Он, тяжело дыша, смотрел на дом Анны, дом в ответ тоже глядел на него тремя окнами без всякого в них просвета.

«Как же так? За что?»

Та девчонка, что тащила его, окровавленного, по бесконечному полю и твердила: «Родненький, потерпи!» — и в плену?!

«Кто устроил так? Для чего это он устроил? Неужели нельзя было иначе?» Максимов глядел вверх на темный купол неба, на ветки кустов, деревьев, на свои ладони — и ответа не находил. Отерев лицо от измороси, он решительно пошел в дом.

Анна еще не спала. Услышав, что гость вернулся, одетая встала с кровати, вышла из маленькой комнаты и зажгла свечу.

— Мы тебе постелили на полатах, — шепотом сказала она.

— Не надо, не надо свечку, — заговорил Максимов срывающимся шепотом. — Аня, нам нужно поговорить. Недолго. Выйдем во двор!

— Ну хорошо, — с сомнением сказала она. — Но только одну минуту.

— Помнишь тот день, когда... — начал он тотчас же во дворе.

— Тише! Не во весь голос! Соседей разбудим.

Он попытался сдержаться и говорить спокойней:

— Я его так запомнил! Бесконечное это поле. И ты. И твои слова — что родной... Я понимаю, это говорят всем: «Родненький, потерпи!» Но ты говорила так, что... прямо в сердце! Я почувствовал, что действительно я родной, вернее — ты родная мне, мы с тобой — друг другу. И когда ты меня волокла по земле, надрывалась и плакала от бессилия — подумал: я женюсь на тебе. Если выживу — я женюсь!

Ночью снаружи было свежо. Анна зябла, стиснула в кулак ворот плюшевого жакета на груди, прижалась спиной к бревенчатой стене дома.

— Ты себе все придумал, — вымолвила она.

Нависая над ней, плохо видимый в темноте, он говорил, что каждый день только о ней и думал и хоть не мог рассчитывать, но верил — случится чудо и они встретятся, непременно встретятся. Ну и вот!

— Ты все выдумал, — возражала она. — Все, все, все...

— Я каждый твой взгляд и слово тысячу раз вспомнил! Без тебя для меня на свете жизни нет. Ты одна нужна мне, других не надо!

Он шагнул к ней ближе, но она отстранилась, наткнулась в темноте на его руку, жесткую, словно металл. Максимов испугался, что Анна решит, будто он хочет удержать ее силой, и немедленно отступил, отпуская ее на волю. Почувствовав, что свободна, она передумала убежать.

— Ты ничего не знаешь обо мне. Ведь у меня ребенок...

Он глухо ответил:

— Знаю, — и добавил: — Я в обиду тебя не дам!

И потом еще говорил, что дети не виноваты, что все мы равными приходим в этот мир — званые и незваные; и почему-то твердил, что не надо быть крокодилами; обещал, что будет относиться к ее сыну как к своему. Анна не вслушивалась в слова, но ей хотелось, чтобы речь его длилась дольше. В памяти осталась стальная сила его руки, неуступчивость его мускулов, и верилось, что он и правда будет защитой и ей, и ребенку.

Мать отворила дверь, отступила и позвала через сени:

— Аня, простынешь! Иди домой!

Она ответила:

— Сейчас! — но все не уходила.

Максимов тоже начал переживать:

— Ты простудишься! — приблизился, и дыхание его было теплым.

Они вернулись в дом и до утра шептались, сидя рядом возле печи. Он рассказывал о себе, о жизни в Кирове, о своей матери, об учебе. Он окончил пехотное училище перед войной и три раза маршировал на парадах.

Она рассказала ему о школе, о странном учителе математики, который ставил «кол» на всю страницу и которого с урока увезли в сумасшедший дом, о прополках, где борозде нет ни конца ни края. Говорила, что на соревновании обогнала половину парней, когда в финскую войну кинули клич: «Комсомольцы — на лыжи!»

Лишь одного не могла рассказать ему — о том гоготе, о тех воплях, боли, ужасе, унижении. Что отбиться от фашистов ей не хватило сил. Не сказала. Ну и не надо.

Что-то сближало их все сильнее. И не только его нашивка на гимнастерке. Их у него две — красная и желтая. Красная ленточка — легкое ранение — связана с Анной, получается, она теперь всегда будет у него на груди.

8.

Утром Анна пошла провожать Максимова. Перед оврагом он произнес:

— Оскользнешься там, не ходи.

Стояли в начале спуска. Медлили. И впервые поцеловались.

— Возвращайся назад с победой. — Обязательно. Я вернусь, — негромко сказали они друг другу.

Через несколько дней в обеденный перерыв где-то по соседству раздался крик: «А-а-а!..» — громче, громче, потом затих.

Елена Абрамовна недовольно проворчала:

— Письмоноска опять подкинула! Вот ведь! У кого это заорали?

Она выглянула в окно, но не разобрала ничего и отправилась на улицу разузнать.

— Сергушу убили! — сказала она, воротившись.

Анна ахнула и прикрыла рот ладонью.

— Написали, немцы разбомбили эшелон, в котором новобранцев везли на фронт. Даже не добрался он туда, значит. Ранен осколком в грудь. Умер в госпитале в Баку.

Снаружи зашумели. Все ближе — сперва во дворе, а потом в сенях. В комнату ворвалась растрепанная соседка Вера Кузьминична, в руке ее был топор. Следом, пытаясь ее задержать, ввалились еще несколько баб.

— Где этот фриц?! Убью! — закричала Кузьминична, махнув на них топором, отчего они отшатнулись. — Убью! За сыночка, Сергушу моего, одного хотя б, а убью!

Бабы навалились на нее сзади, но она, крутнувшись и тряхнув спиной, скинула их с себя.

— Где этот рыжий гад?! — И направилась в комнату, где лежал ребенок.

Анна, опомнившись, прыгнула наперерез, вцепилась в топорщице, закричала зачем-то:

— Он не рыжий уже, он русский!

Елена Абрамовна схватила ведро с водой, выплеснула в лицо соседке, чтобы та опомнилась. Кузьминична выпустила топор, обмякла, ссутулилась, бабы окружили ее и увели.

Через час Анна прибежала в правление, начала упрашивать председателя выделить ей лошадь с телегой: мол, ей надо уезжать, спасти своего ребенка.

— Какая лошадь в такую пору? Они и так еле ноги передвигают, октись! — увещевал ее Добрынин. — До станции десять километров с гаком! А если она падет? Из-за тебя мне под суд?

— Иван Викулович! Ну пожалуйста! — твердила Анна и зачем-то добавила: — Вы же нас в школе учили!

— Хорошо, хорошо. Ладно, — сжалился председатель. — Отвезу твой багаж, только не на лошади — на велосипеде. Провожу тебя до станции. Иди, собирайся в путь.

Мать пыталась отговорить Анну:

— Куда ты с таким крохой? Все образуется, дочка, не уезжай!

— Нет, я решила. В Киров поеду. Кинусь в ноги его матери. Вова оставил адрес.

Возле берез, где привязанные качели, в начинающихся сумерках стояли две сестры Лялины, Раиса и Лидия, глядели, как бредет по поблескивающей от луж дороге, приближаясь к ним, председатель Иван Викулович с велосипедом. Один.

— Проводили? — спросила Раиса.

— Проводил, — ответил, подойдя к ним, утомленный Добрынин. — Народу на перроне! Это какой-то ужас! Бог даст, утром сядут на поезд. Погода какая, а? Дожди эти, будь они неладны... Столько работы — а тут дожди!

Раиса, вздохнув, успокоила его:

— Все будет хорошо, Иван Викулович.

— Будет все хорошо, — поддержала ее сестра.

«Пусть будет все хорошо в России в лето от Рождества Христова одна тысяча девятьсот сорок второе и впредь!» — мысленно взмолился Добрынин, бывший учитель истории.

Александр ПОНОМАРЕВ

ЗАВИСИМОСТЬ

Р а с с к а з

Еще не погасли придорожные фонари, не рассеялся утренний туман возле реки, а автомобиль Александра Николаевича уже пересекал границу соседней области, неся его в направлении древнего города Тулы по служебной надобности. Навигатор в телефоне, приткнувшемся возле приборной доски, бодрым голосом Гарика Харламова подсказывал Александру Николаевичу дорогу:

— Через триста метров направо, а потом... направо... Опя-а-ать все перекопали! Что они тут, золото ищут?

Время от времени умное устройство кряхтело и вздыхало, прозрачно намекая тем самым своему владельцу — вот фотки пришли с Машкиного выпускного, вот рецепт пирога с тилапией от тещи, вот новый анекдот от неугомонного Стасика, напоминание из стоматологии о записи на вечер, кредитное предложение от Сбера, еще подборка материалов по правоприменительной практике из адвокатской коллегии. Вот, вот, вот...

«Интересно, как же мы обходились раньше без всего этого? — удивлялся Александр Николаевич, глядя на мелькающие за окном вышки сотовой связи. — Сегодня телефон в каждом доме, точнее в каждом кармане, а то и несколько, если карманов много. И что? Казалось бы, мы сейчас намертво пришиты к своим абонентам из списка контактов, а одиноки, как никогда. Внимание, искренность, человечность куда-то подевались, и это несмотря на то что каждое утро друг другу открытки шлем. А еще лет тридцать-сорок тому назад телефон был вещью штучной, статусной, особенно в сельской местности. И при этом жили как-то, справлялись, ближе даже друг к другу были. В гости ходили каждый день. Не теряли своих из виду. Хотя порой и приходилось совершать для этого маленькие подвиги».

Александр Николаевич ухмыльнулся, вспомнив поездку на свою первую в жизни «картошку».

— Ну или большие...

В то осеннее утро Александр Николаевич — впрочем, тогда еще просто Санька — стоял в дверях своей квартиры, а его мать, чтобы

как-то снять нервное напряжение (отпускает кровиночку от себя в дали дальние), хлопотала, наполняя помещение хаотичными звуками и суматошными метаниями.

— Так, куртка... старые тренировочные штаны... — бормотала она, в который раз перебирая содержимое рюкзака. — Свитер! Когда будешь ложиться спать, свитер обязательно надевай. Заморозки, слышала, по ночам обещают. Наверняка там на отоплении экономят.

— Карты, карты не забудь! — вбросил свое веское слово отец, взглянув из ванной комнаты с клоком пены для бритья на ухе и полотенцем через плечо. — Куда ж на картошке без колоды карт? И еще, самое главное, — презервативы.

Мама отвернулась, чтобы сын не видел, как вспыхнуло ее бледное, напряженное лицо.

— Так, упаковка анальгина, йод, — продолжала перечислять она, словно не услышав отцовского замечания.

Санька тоже заметно нервничал (все-таки первое самостоятельное путешествие) и, чтобы не ударить в грязь лицом, изо всех сил старался напустить на себя вид человека бывалого и постоянно без повода сердился. Впрочем, самостоятельным его вояж можно было назвать с натяжкой: все-таки во главе их картофельного десанта стояла парочка преподавателей-раздолбаев, сплавленных руководством подальше от учебного процесса. Однако даже этот, казалось бы, утешительный факт не мог до конца заглушить навязчивый материнский инстинкт у Санькиной родительницы.

— Ну вот, вроде все. Как разместишься, сразу позвони, — напомнила мама, поправляя на сыне шарф. — Обязательно позвони! Не забудешь?

— Посмотрим, — буркнул Санька с кислой миной. Что было вполне объяснимо: почти совершеннолетний, а с ним разговаривают так, словно ему еще нет и четырнадцати.

— Не «посмотрим», а позвони! Буду ждать. Ты меня знаешь.

Еще бы Санька не знал! Для него эта всеобъемлющая материнская опека всю жизнь была настоящей пыткой. Вечно докладываться, быть на связи, чтобы мать, не дай бог, не разволновалась, не накрутила себя. У нее было слабое сердце, гипертония и богатое воображение. Если, к примеру, ты обещал вернуться в семь, то упаси тебя боже заявиться домой в четверть восьмого, потому что тогда у тебя есть все шансы попасть на собственные поминки и увидеть свое фото с траурной лентой наискосок. А если задержаться еще на полчаса, то можно прийти уже к поминкам по матери... Короче, прежде чем отлучиться, все просчитай, прохронометрируй, а дал слово — держи. Вот основной закон, по которому приходилось жить Саньке. У него даже повторяющийся ночной кошмар заключался в одной и той же сцене: он задержался где-то допоздна и внезапно осознает, что все мыслимые и немыслимые сроки возвращения в лоно семьи пропущены, метро не ходит, в такси не содют, а пешком и до утра не добежишь. Санька паникует, представляя, как мать, уже на последнем издыхании, мечется между окном и телефоном, а квартира наполнена стойким амбре корвалола. Тогда он несется

к автомату, чтобы позвонить, предупредить. Но уличный таксофон только судорожно глотает двушки, и звонок каждый раз срывается...

В общем, свободы выбора у Саньки в этом вопросе не было. Придется, хочешь не хочешь, звонить, как только обустроится на новом месте, и только после этого можно будет полной грудью вдохнуть пьянящий воздух свободы.

Санька успокаивающе положил руку на мамино плечо:

— Не беспокойся, ма. Куда ж я денусь...

Место сбора этой самой картошки оказалось не так уж и далеко от Москвы: каких-то километров сто, может сто пятьдесят от МКАД. Руководство института, где Санька учился уже на втором курсе, заключило с местным совхозом договор о сотрудничестве в уборке пасленовых. Впрочем, саму рабочую силу эти мутные производственные отношения мало беспокоили. Совхоз выделил в их полное студенческое распоряжение целый корпус пионерского лагеря, а в придачу к нему — актовый зал и футбольное поле. Отодвинуть учебу на пару недель, оттянуться на свежем воздухе с песнями под гитару, с трехразовой кормежкой, с проживанием в почти санаторных условиях — ради этого можно и помесить глину в полях, выдавая на-гора килограммов по триста корнеплодов за смену.

Отвоевав в комнате на четверых спальное место у окна и бросив туда свой рюкзак, Санька направился в здание администрации, рассчитывая, что оттуда можно позвонить домой. В кабинете с табличкой «Начальник лагеря» ему бросился в глаза заветный телефон.

«Ого, вот это я удачно зашел! Как говорится, первый выстрел — и в яблочко...»

— Эй-эй, ты куда?

Обернувшись, Санька наткнулся взглядом на гладенького, прилизанного мужичка в милицейском пиджаке без погон, орошавшего из клизмы хлорофитум на подоконнике, и резво отдернул руку от аппарата, словно получил ожог.

— Извините, не заметил. Мне бы домой позвонить. Срочно.

— Не выйдет, — покачал головой мужик, встав между Санькой и телефоном. — Ни срочно, ни по заказу. Нет связи у нас, да и не было никогда.

В ответ на Санькин удивленный взгляд начальник лагеря пояснил:

— В соседнюю Егнышевку звонить ходим. Там в сельсовете аппарат стоит. Три километра по шоссе. Да и чего болтать-то почем зря? — Он добавил строгости в голосе. — Болтун — находка для шпиона! Ты, кажется, работать сюда приехал? Вот и работай, трудись. Завтра после полутонны картошки вообще номер домашний забудешь.

— Разрешите поинтересоваться тогда, что это у вас на столе за штука такая? — произнес Санька не без сарказма. — С трубкой и диском посередине. Орехи ею колете, да?

— Тебя как зовут-то, парень?

— Саша.

— Вот что я тебе скажу, Саша... — Начальник положил Саньке руку на плечо. — Эта коробка — не телефон. Бутафория. Сам посуди, ну что я за руководитель без служебного телефона? То-то. Только ты, пожалуйста, не говори об этом никому.

— Гениально! — Санька решил не тратить время на болтовню и перевел разговор в конструктивное русло: — В таком случае, где тут у вас автобусная остановка?

Теперь уже пришла очередь начальника смотреть на него с удивлением.

— Как тебе сказать... У нас тут повсюду остановка. Только останавливаться нечему. Ну да ладно. Завтра утром Матвейч, завхоз наш, на «козлике» в Алексин намылится. За инвентарем. Хочешь, с ним поезжай. Заодно и погрузить поможешь. Но это только если драндулет искру даст. Своенравный стал что-то. Одно слово — козел.

— Не, мне сегодня надо. У меня мать к утру с ума уже может сойти.

— Ну, смотри сам. Может, повезет — попутку встретишь. Хотя... — начальник вскинул руку и бросил короткий взгляд на запястье, — ...сегодня уже вряд ли.

По большому счету, он был прав. Автомобилей, как и телефонов, в восьмидесятые годы прошлого века тоже было не так чтобы много, особенно в сельской местности. С другой стороны, что такое для здорового молодого организма шесть километров в оба конца? Моцион. Appetit только нагулять. Поэтому Санька почти не расстроился.

«Сейчас без десяти пять. Туда-обратно — час-полтора. О'кей, к ужину вернусь».

Через сорок минут Санька уже крутил головой, вышагивая по главной и единственной улице населенного пункта с названием Егнышевка. Смеркалось. Окна сельсовета, несмотря на сгущающиеся сумерки, были подозрительно темны.

«Странно, — подумал Санька. — Рабочий день у них закончился, что ли?»

Тем не менее он толкнул дверь. Та с легким скрипом отворилась, и за ней в полумраке помещения обнаружилась сидящая за столом мужская фигура в цигейке без рукавов, с коробком спичек в руке. Санька запоздало постучал по наличнику и вошел.

— Здрасьте! Позвонить можно? — с порога спросил он.

— Ни позвонить, ни даже чаю предложить вам не могу, молодой человек, — печально отвечал незнакомец.

— Отчего так?

— Все как всегда в нашей дыре. — Говорящий, видимо председатель сельсовета, горестно махнул рукой. — Распределительный щиток сгорел, а там телефонный кабель, дери его, разъемы... Скачок напряжения утром — бац! Теперь вот сидим электрика ждем.

— И как долго продлится ожидание?

— Да электрик-то свой, местный...

Председатель чиркнул спичкой по коробку, и пламя осветило лицо мужчины средних лет с трехдневной щетиной и грустными глазами.

— Отлично. Тогда я тоже подожду, с вашего позволения.

Санька подвинул к себе стул и приготовился ждать.

— Даже два электрика у нас, — уточнил председатель, прикурив сигарету. — Семен Аркадьевич и Колька. Аркадьевич — тот ни-ни, не употребляет. Печень. Правда, он в отпуске недельном со вчерашнего дня. На Алтай уехал, к корням. Вот и получается, что с неделю теперь придется всухомятку жевать.

— Неделю? — привстал удивленный Санька. — А как же второй? Сами же сказали — Колька...

— Колька, Колька... Колька, подлец, в пике ушел. Как Аркадьевича проводил, так и ушел сразу. Напровожался, скотина.

— Может, его вывести попробовать?

— Не-е, он коль уж забухал, то забухал! Это как насморк. Если лечить, то через семь дней пройдет, а если так оставить, то через неделю. Одно радует, что по любому к субботе все починят. Либо один вернется, либо другой прочухается.

— Понятно, — сказал Санька, осознав, что в сельсовете ему ничего не светит, причем во всех смыслах этого слова. — А откуда еще можно у вас позвонить? Только чтобы не слишком далеко.

— Не слишком? — Председатель задумался и выпустил изо рта кольцо дыма. — Даже не знаю... Может, в Митино попробовать? Пять километров отсюда. Там у них МТС. А МТС — это связь все-таки.

Под МТС он, конечно, имел в виду не сотового оператора, которого тогда еще не существовало, а всего лишь машинно-тракторную станцию. На этих ремонтных предприятиях всегда стояли телефоны, чтобы можно было оперативно связаться с вышестоящим начальством, с потребителями и со смежниками.

— А ближайший автобус до Митино когда? — уточнил Санька на всякий случай.

— В четверг.

Когда Санька в мыле ворвался во двор МТС, было уже совсем темно. Пять километров трусцой сделали свое дело: под ложечкой тянуло, в висках стучало, а в горле пересохло. Проскользнув между двумя тракторами «Беларусь», он уперся в строительный вагончик, где светилось зарешеченное окно.

«Слава богу, хоть тут с электричеством все в порядке! — подумал Санька. — Есть надежда, что и телефон у них работает».

Внутри вагончика за столом сидел замшелый мужик без возраста, по всей видимости из сторожей. Рядом стояла открытая бутылка «Столичной» и металлическая кружка. Чуть поодаль на плитке урчал издававший виды чайник. Мужик сосредоточенно кромсал докторскую колбасу на разложенной перед ним газете и, судя по его светлой и кроткой улыбке, находился в предвкушении райского блаженства, готового снизойти на него вот-вот, уже в нынешнем веке.

— Мне бы позвонить как-нибудь, начальник! — с порога рывкнул Санька, впопыхах забыв поздороваться.

«Начальник» от неожиданности вздрогнул и чуть было не полоснул себя по пальцу.

— Твою ж... — ругнулся он, раздосадованный тем, что его вернули с небес на землю. — Позвонить не выйдет, парень.

— Почему?!

— Потому что. Телефон в кабинете у директора, а он полчаса как отбыл. С ключом в заднем кармане брюк. Не расстается с ним никогда. Значку он, что ли, от жены в кабинете прячет? Вот на что уж я сторож, и то, как видишь, связью не обеспечен. Обидно.

— Согласен, — участливо поддержал мужика Санька. — Даже ноль два не набрать, если вдруг бандиты нападут.

— Кто-кто?

— Если вдруг солярку шпана решит слить, говорю.

— Соля-а-арку? — приосанился сторож. — Хрен им! У меня на этот счет вот! — И он слегка дунул в свисток, висевший у него на шее.

— Да кто ж вас тут услышит-то?

— Кто надо, тот услышит, — обиделся мужик. — Через дорогу участковый живет.

— Вот как? А у него, значит, есть телефон! — воспрянул было Санька. Но сторож вверх его обратно в уныние:

— Не-е. Куда ему! Да и зачем мильтону телефон, когда с ним пистолет?

— Так где же мне все-таки позвонить можно? — Санька уже готов был расплакаться. — Мама ждет...

— Ну, если мама ждет, то делать нечего, надо звонить. Ты это... в Егнышевку попробуй. Там у нас сельсовет и вся инфраструктура. Цивилизация, ешкин кот.

— В цивилизации вашей электричество кончилось, — устало махнул рукой Санька.

— Вот как? Тогда в райцентр ступай. У них там телефоны вообще везде стоят. В милиции, в больнице... В бане даже свой есть!

— И где этот центр? Как всегда, у черта на куличиках?

— Почему у черта? Рядом совсем. Отсюда виден даже. — Сторож кивнул в сторону окна, подавая Саньке кружку, в которой, точно рыска, плавали черные чайники. — На, попей. Через речку он. Только тут, понимаешь, проблемка небольшая. Нынешним половодьем мост смыло к едреням. Так что тебе, парень, в обход придется пылить. Сперва, значит, до Егнышевки, там возле водонапорной башни направо — и еще километров восемь по прямой. Хотя если вдоль реки пойдешь, по грунтовке, то три срежешь... Только там уже не видно, поди, ни зги и развезло все под нашими тракторами. Уборочная все-таки.

— Погодите, а сколько времени сейчас?

— Восемь без четверти.

— Да ну?! Тогда что ж я с вами тут чай гоняю! Бежать, бежать надо. У мамы, наверное, уже валидол кончился.

Санька вскочил и, прежде чем рвануть к двери, выдул залпом со-держимое кружки, из которой шел вкусный дымок.

Превозмогая порывы промозглого ветра и не обращая внимания на то, как за шиворот накрапывает мелкий сентябрьский дождь, Санька трусил вдоль реки, от которой исходили холод и отдающий гнилыми водорослями дух. Ко всему прочему, на местность уже опустилась осенняя колючая, непроницаемая ночь. Хорошо еще, что сердобольный сторож вручил Саньке в дорогу фонарик, который бил, правда, не дальше, чем на метр, но все-таки не давал марафонцу уйти с дистанции далеко в сторону.

Ноги давно промокли, впрочем, как и все остальное. Несколько раз Санька, поскользнувшись, падал навзничь в грязь.

«Вот бы остаться тут до утра, — в отчаянии мечтал он, лежа на спине и вглядываясь в укутанное тучами небо. — А утром поедут в поле трактора и, может быть, кто-нибудь меня подберет... Ну или хотя бы раздавит, чтоб я не мучился».

Однако святая цель каждый раз ставила Саньку на ноги, придавая ему сил. Он не мог, просто не имел права не добраться до телефона, отступить. Не было в их с мамой отношениях до сих пор такого прецедента, чтобы он не сумел вовремя доложиться, а тем более — забыл это сделать. Что, по большому счету, не совсем правильно. Лучше бы у него было как у нормальных людей. Вон, как у соседского Игорька, например. Тот, бывает, на неделю пропадет, и никто из родственников даже не чешется. Привыкли. Знают уже — либо в КПЗ загремело чадушко, либо у какой-нибудь из своих девиц зависло бухое, отмокает. А тут — даже подумать страшно, какой переполох начнется, если Санька не доберется до телефона!

— Ну давай уже шевели копытами, рохля! — ругал он себя.

После чего, закусив до крови губу, бросал свое измученное, сведенное судорогой тело в темень, навстречу колючим струям дождя.

— Врешь, не возьмешь! — приговаривал он, продираясь через заросли рогоза в указанном сторожем направлении.

Наконец, измочаленный, потерявший счет времени, не чувствуя под собой ног, Санька выбрел из какого-то гнилого болота в освещенные редкими фонарями пределы райцентра, где ему в глаза сразу же бросились подсвеченный красный крест и спасительная вывеска: «Районная клиническая больница № 1».

— Вот вас мне как раз и надо, — равнодушно констатировал свой выход на цель бедняга, ибо радоваться у него уже не оставалось сил.

Когда он вместе с клубом пара ввалился в приемный покой и почти без чувств упал на кушетку, часы на стене показывали — о ужас! — одиннадцать.

— Молодому человеку плохо! — всполошилась дежурная медсестра. — Врача сюда...

— Пить, — только и смог пролепетать Санька. — Не надо врача... Телефон... телефон дайте... скорее...

Дрожащими пальцами он с какого-то раза набрал номер и облегченно выдохнул, только когда услышал слабый, встревоженный женский голос:

— Почему так поздно, сынок? Что-то случилось?

— Нет... нет, все нормально, ма, — сдерживая рыдания, прохрипел Санька. — Обещал позвонить... Позвонил вот... Извини, что опоздал. Дел много.

— А почему тогда запыхавшийся такой? — не отпуская подозрений, допытывалась мать. — У тебя точно все нормально?

— Конечно, как же иначе... Просто это... дискотека у нас тут... Слышишь, гремит?

— Дискотека? Это очень хорошо, — успокоившись, зажурчала весенним ручьем мама. — А я, признаюсь, и не ждала от тебя сегодня звонка. Точнее, поначалу ждала немного, а потом перестала. Решила, что ты забыл, закрутился. Картошка печеная, гитара, впечатления... — мечтательно протянула она, вспомнив, видимо, свою студенческую молодость.

— А мне казалось, что ты переживаешь.

— Переживаю, конечно. Но, с другой стороны, ты же у нас взрослый парень, второкурсник... Если у тебя все, то я пойду, ладно? Там по телу «Семнадцать мгновений». Тихонов с этой... как ее... с радисткой в нейтральную Швейцарию едут. Давай, веселись дальше. Рада за тебя.

— Ага, иду веселиться, — сказал Санька и положил трубку.

«Вот так пробежался! Бешеной собаке семь верст не крюк, — подумал он, стряхивая с подбородка следы запекшейся слюны. — Да уж, веселье прямо-таки через край...»

Ему даже стало немного обидно. Он, как пес Барбос, выдал необычайный кросс километров эдак на двадцать пять, а дома — чаек-кофеек, Тихонов с радисточкой, томная нега. Ему же, Саньке, на минуточку, теперь обратно пилить в ночи. Еще пятнадцать кэмэ, не меньше. К подъему бы успеть. А там — едва отдышался и сразу же на галеры. Охренеть!

— В Мышенках, в лагере «Звездочка», токсический шок, — услышал он голос диспетчера в динамике на стене. — Двое с самогоном не считали. Дежурная бригада, на выезд!

— В «Звездочке»? Так это ж наши! — обрадовался Санька. — Мизерный, наверное, с Чертолясом дали жару. Больше вроде некому. Ну спасибо вам, братцы, выручили!..

Он на ватных ногах вышел во двор и направился к «уазику» с красным крестом, возле которого в ожидании фельдшера курили санитар и водитель.

— Мужики, можно я с вами в «Звездочку»? Там мои друзья умирают.

— Друзья — это святое, — медленно оглядев Саньку с ног до головы, сказал водитель, задержавшись сначала на двух огромных «копытах» грязи, застывших в тех местах, где должны были находиться Санькины ботинки, потом на его красном, запачканном глиной лице, на спутанных волосах с застрявшей в них соломой... — Садись в салон, что ли, чувак. Только газетку под себя подстелить не забудь.

Уже в машине, когда умиротворенного Саньку совсем развезло от тряски и сигаретного дыма, он вдруг задумался: как это информация о ЧП с отравлением так быстро до больницы добралась? С голубиной почтой, что ли, ее отправили? И тут его словно обухом по голове приложили.

— Да не... не может быть... Нет, ну разве не сволочь этот лагерный начальник?! Получается, у него на столе настоящий телефон стоял, никакой не муляж. Вот ведь скотина безрогая! Гад! Слов нет просто. Хотя-а-а... по-человечески его можно понять. Живет он себе спокойно, в тишине, цветочки разводит. И тут — здрасьте вам: «Позвонить бы!» Ведь стоит только студентам прознать, что у него телефон стоит, так целая рота оболтусов и будет все время обрывать междугородку. А он плати потом. В общем, ничего не скажешь — дальновидно...

Из состояния глубокой задумчивости Александра Николаевича вывел тяжкий вздох мобильного телефона. Стоило мужчине взглянуть на экран, как его лицо сделалось страдальческим.

— Так-так... От мамани третье сообщение с утра. Потерять меня успела уже. Господи, ведь написал же ей черным по белому, что весь день буду занят — командировка в Алексинский межрайонный суд! Ну да ладно. Потом перезвоню, после заседания. Точнее, вечером. Или даже лучше завтра. А сейчас посмотрим, что у нас там еще новенького...

Встрепенулся Гарик Харламов:

— Через двести метров поворот направо, а потом еще направо, а потом три километра прямо до населенного пункта Егнышевка...

— Егнышевка, говоришь? Ба, какие знакомые места! Притормозить, что ли?

Возле указателя «Егнышевка — лагерь “Звездочка”» Александр Николаевич остановил свой БМВ и, нащупав в бардачке пачку «Парламента», вышел из машины размяться. Он с удовольствием закурил, после чего, осмотревшись по сторонам, покачал начинающей сесть головой.

Как будто и не было этих тридцати с лишним лет. Та же покосившаяся водонапорная башня на развилке, та же испещренная колеями грунтовая дорога вдоль реки. Остатки моста вон чернеют вдалеке, половина коровника зияет пустыми глазницами окон. Ничего не изменилось с тех пор, и ничего не добавилось в пейзаж. Ни-че-го. За исключением разве что вышки сотовой связи...

Дмитрий РОМАНОВ

БЕЛКА

Р а с с к а з

На краю оврага сидит Белка, белая дворняжка с рыжим ухом, и зорко всматривается через овраг в дачный поселок, откуда часто доносятся музыка и смех.

Этим утром пока все спокойно — солнце только взошло и на всем пространстве, куда ни глянь, тишина и молочный дымок тумана.

Белка покидает наблюдательный пункт и бежит в рощу посмотреть, что там и как, все ли в порядке.

— Белка! Иди есть, хватит рыскать! — слышится голос хозяйки.

Белка приподнимает рыжее ухо и бежит на зов.

С хозяйкой она появляется на даче в мае и живет до самых холодов.

Дача — деревянный домик с красной крышей, огороженный зеленым штакетником. По соседству еще два участка, но они давно заросли бурьяном, и Белка никогда никого там не видела. Глубокий овраг отделяет рощу с тремя участками от остального поселка. Такая обособленность очень нравится Белке — на территории за оврагом и в роще она чувствует себя главной.

Целый день Белка предоставлена самой себе, но глупостей не совершает, неустанно следит за своими владениями и успевает еще гонять сусликов в роще. Когда же хозяйка уезжает по делам в город, Белка теряет свободу — ее садят на цепь. Этим временным заточением Белка всегда недовольна, но что поделаешь — приходится подчиняться. Хозяйка считает, что на цепи, в ее отсутствие, Белка хороший сторож, да и не убежит никуда. С этими рассуждениями Белка могла бы поспорить, но ее мнения по этому поводу никто не спрашивает.

Вообще, Белка счастливица и живет той жизнью, о которой многие домашние собаки могут только мечтать: зимует в теплой квартире, а с весны до глубокой осени наслаждается природой и свежим воздухом.

Раньше с ними на дачу выезжала и кошка Муся. Сколько себя помнила Белка, Муся всегда была старая и всем недовольная. Она все время ворчала, нервно помахивая хвостом, особенно на Белку, и та старалась лишний раз не беспокоить. Но, несмотря на строгий нрав Муси, Белке иногда удавалось завалиться к ворчунье под бочок, и тогда, забыв про недовольство, Муся начинала мурлыкать. Под эту музыку Белка и засыпала.

Муся старела. Когда хозяйка ей стала разжевывать еду, от любопытства Белка не знала куда деваться — так и тянула нос, но хозяйка одергивала, и Белка, стыдливо поджав хвост, бежала из кухни.

Этой зимой Муся сильно болела и к весне умерла. Хозяйка плакала. Скулила и Белка. Тельце Муси положили в коробку, перевязали веревкой и унесли, а куда и зачем — так и осталось для Белки загадкой.

Березовая роща — любимое место отдыха горожан. Дачники любят прогуливать в ней своих питомцев, и Белка по праву хозяйки со всеми уже перезнакомилась, а с некоторыми и подружилась. Особенно с такой Робертом. Он смешной и такой игривый, что у Белки дух захватывает при встрече с ним. За Робертом не угнаться, а как он выслеживает сусликов — это же целая школа! Вот где он этому научился? И хозяин у Роберта добрый, всегда чем-нибудь угощает Белку, ему все кажется, что она бездомная и прибилудилась возле дач. А вот рыжая колли Жаклин Белке не нравится — ходит вся такая важная, задрав голову, и ни на кого не обращает внимания. Глаза, и так узкие, сузит — и как она ими видит? Морду, и без того длинную, вытянет, и от хозяйки ни на шаг. Боится потеряться, что ли? И хозяйка у нее злющая, вечно шикает на Белку и кричит визгливо: «Пошла прочь, блохастая!» Это Белка-то блохастая?! Ну, спуску Белка им не дает: как увидит неразлучную парочку — сразу бежит облаивает, так что в роще они долго не задерживаются.

Этим летом появилась у Белки еще одна знакомая — девушка Оля.

Оля всегда приносит что-нибудь вкусненькое. Белка хоть и сытая, но никогда не отказывается, тем более на свежем воздухе всегда есть хочется. А что не съест — например, косточки, — всегда под березкой можно зарыть, и никто не найдет, Белка уже проверяла, только вот суслики... Иногда Оля приводит с собой шумных друзей, и Белке это не нравится. Сначала они все хорошие и угощают шашлыком, но ближе к вечеру становятся странными: кричат, падают, могут запустить бутылкой, и несет от них таким запахом, который Белка никогда не чувствует от хозяйки и который не переносит.

В полдень лучи осеннего солнца ласковы и небо голубое, без единого облачка. Хозяйка начала отвозить вещи в городскую квартиру. Вот и сегодня кое-что собрала. Белка смотрит с грустью — последние дачные денечки, а потом опять город, зима.

Приехал хозяйский сын на машине. Он не любит Белку, Белка не любит его, а как хочется ей хоть раз прокатиться вместе с хозяйкой в авто! «От нее шерсть и грязь!» — слышится каждый раз. Да с чего он взял? Ведь пускают же Белку с хозяйкой в электрички и автобусы, и нет там никакой шерсти и грязи.

Белка, понурив голову, села у будки.

— Посиди пока, охраняй, я утром приеду, — сказала хозяйка и надела на Белку ошейник.

«А что еще остается...» — подумала Белка.

Машина затарахтела и отъехала.

Белка подняла голову, принюхалась, затем, позевывая, потянулась. Что значит «посиди»? Так! А если?.. Она уже проделывала такой фокус, и два раза получалось. Дважды она прибежала ночью в город и тявкала у подъезда. Хозяйка сердилась:

— Вот чего не сидится? Теперь на электричке возвращаться. Ну не повезут тебя на машине, сколько раз говорить!

Белка замотала головой, пытаясь выскользнуть из ошейника. Но как ни ужималась, как ни натягивала цепь — не получалось. Новый ошейник. Хозяйский сын подсуетился.

Со стороны оврага слышались разговоры и смех. Белка приподняла голову, прислушиваясь. Шумная компания молодых людей приближалась.

Этого еще не хватало! Белка напряглась, всматриваясь через штакетник. Среди ребят признала Олю, радостно фыркнула и застыла в ожидании, помахивая хвостиком. Когда компания проходила мимо, Белка тявкнула. Оля махнула рукой:

— Белка, привет! Прибегай на шашлык.

— А это что, твоя знакомая? — спросил идущий с Олей длинноногий парень. Он шел руки в брюки, озираясь.

Тип этот Белке сразу не понравился, и она рыкнула, когда он попытался заглянуть через забор.

— У, какие мы строгие!

— Белка с характером, ты к ней не лезь.

— А то останешься без носа! — заржали парни.

Компания расположилась в роще на поляне, рядом с Белкиной дачей, и через щели забора Белке все хорошо было видно. Зазвенели бутылки, начались поиски дров для костра.

Длинноногий тип все оглядывался и смотрел в сторону Белкиной дачи. Белка насторожилась. Она не выпускала его из виду. И, как оказалось, не зря. Он воровато подошел к забору и протянул руку к поленнице. Белка пришла в бешенство и кинулась. Не ожидая нападения, парень рванулся бежать, но, когда увидел, что собака привязана, остановился. Веселая компания дружно гоготала:

— Фас его, Белка! Фас!

Наглец взял-таки два полена. Белка провожала его яростным лаем.

Она еще долго подглядывала за шумной компанией, сердито ворчала, бегая вдоль забора. Когда учуяла запах шашлыка, с надеждой искала Олю, но та исчезла, и в самый неподходящий момент. Белка нетерпеливо скулила, облизываясь.

Оля появилась позже. Вышла из-за кустов, повиснув на плече одного из парней. Завидев ее, Белка тявкнула, напоминая о себе, но Оля еле стояла на ногах и все смеялась, ничего не замечая. Обидевшись, Белка спряталась в будку и, тяжело вздохнув, положила голову на вытянутые лапки.

Клонило в сон.

Сквозь дрему слышался шум из рощи. Как это все надоело... Белка пыталась заснуть.

Вечер подкрался незаметно. Стало холодней. Белка свернулась калачиком. Ей снилась роща: Роберт раскапывал норку суслика, а Белка крутилась рядом, ей самой хотелось копать...

Вдруг дикие вопли вынесли Белку из будки. Не успев разобраться, что к чему, она залилась лаем.

На поляне завязалась драка. Катались в обнимку сцепившиеся парни, грохотали бутылки, визжали девицы. Белка дрожала в ярости, срываясь на визг, искала глазами Олю.

Когда все утихло, Белка продолжала стоять на посту и недоверчиво всматривалась сквозь березы. И вот новый шум. Белка зарычала: это кончится когда-нибудь или нет?! Неугомонная компания сорвалась и двинулась в сторону дороги. «Электричка!» — расслышала Белка знакомое слово. Она заливисто лаяла, подгоняя бегущих: скатертью дорога!

Толпа скрылась из виду, и Белка успокоилась. Она и не заметила, как стемнело и на небе показались первые звездочки.

Оставшись совсем одна на большом пространстве опустевших дач, она, скуля, бегала на цепи по кругу. Устав, забралась в будку и, высунув голову, все смотрела в небесный сумрак. Не спалось.

Ночью подул ветерок. Он нежно обнимал тоненькие стволы деревьев, шевелил на земле опавшие листья.

Почувяв неладное, Белка вылезла из будки. Ловя каждый шорох, она жадно нюхала воздух, поднимая мордочку.

Внезапно направление ветра изменилось, и он уже не был ласков. Он озверел. Задувший разом отовсюду, он ворвался в рощу и разворошил уснувший костер.

Дым повалил, и Белка заметалась на привязи.

Ожившие угли поедали сухую траву. Огонь змеей полз по роще, и все трещало на его пути. Стонали березы, а ветер не унимался, он дул все сильнее, и вот стена огня ринулась к Белкиной даче. Языки пламени уже лизали забор, а за ним рвалась и выла Белка.

Когда пламя добралось до поленницы, та вспыхнула гигантским костром, и на крышу дома полетели искры.

Глубокой ночью черное небо над дачным поселком стало багровым.

* * *

В предрассветный час, когда солнца еще не видно, но алое зарево предвещает его скорое появление, редкие в это время на дороге водители видели, как в сторону города по полю бежала собака.

В черной от копоти собачонке трудно было узнать Белку. Она хромала, волоча за собой обрывок цепи.

Роман РУБАНОВ

ДЫМ АКАЦИЙ

* * *

Внезапно музыка случится,
слетит, как провод оголенный.
— По ком чирикаешь, синица?
— По первой веточке зеленой.

По мне ли плачешь ты, московка,
в недостижимой мне выси,
где бирюзовые осколки
над зеркалом реки повисли?

Дай эту музыку дослушать.
Там небо с серыми глазами
закат над горизонтом тушит,
где ветки руки нам лизали,

где перед нами расступались
цветы и головы склоняли...
Что плачешь ты, поешь печальсь?
Кого зовешь ты? Не меня ли?

* * *

Я как лодочка уплыву
посмотри на меня уходящего
за деревья за синеву
так легко по воде скользящего

посмотри и махни рукой
и послушай как откровенно
я с тобой говорю рекой
протекающей внутривенно

я всю нежность сполна верну
и качнувшись как будто влево
лес и реку переверну
и они обратятся в небо

* * *

Твои руки, словно белая сирень,
пахнут ладаном и медом на Страстной...
Вечер стих и, словно спички, отсырел,
потому что дождь вчера стоял стеной.

Скоро свет пасхальный вспыхнет в алтаре,
и черемухи оденутся в невест,
и полетится над землей: «Христос воскрес!»
И земля вздохнет: «Воистину воскрес!»

* * *

Лес будет вырублен. А дальше
построят дачные дома.
Родные милые страдальцы —
ореховки сойдут с ума.

За птичьим поминальным ором,
за треском бревен, ветром за
вдруг запоет сиротским хором
вдали чернеющий пейзаж.

Так жизни линию стирают:
в ладонях проступает тьма
и входит долгая, сырая,
одноэтажная зима.

Ложится белое, пустое...
Идешь по улице без сил.
Мир так огромен, но что стоит
его, как свечку, погасить?

Н.

Открывается звездная дверь
всем, кто вписан в небесный канон,
и в акации прячутся две —
птица сивка и птица конек.

Дым акаций тягучий, как мед.
Отвернешься и сделаешь вдох.
И стоишь то ли жив, то ли мертв,
то ли ночь говорит, то ли Бог.

Шум деревьев на той стороне.
Душно, и подступает гроза.
Эта ночь открывается мне
и за реку отводит глаза.

Я, прикованный к звездам, стою,
и плывет под ногами земля.
Твоим голосом птицы поют,
словно райские кущи сулят.

Евгений ЖУРАВЛИ

ВОЛОНТЕРСКИЕ БУДНИ¹

Дата — тире — дата

— У нас есть план или опять по-русски? — осведомляется Лена.

Она опытный волонтер — уже вторая командировка, и ее действия кажутся более системными, чем у других. Задача у нас простая. Всех, кто болен — лечить, кто голоден — кормить, замерзающих — греть, погибающих — спасать.

План есть.

Семен грузно шагает по рядам маленького рынка.

— Такую-то знаете? — хрипловато спрашивает сквозь седину.

Ищем уличкома — женщину, которая распределяет гуманитарку по кварталу. Указали, должна быть здесь.

— Да вон офис, спросите директора, — говорит кто-то.

Переглядываемся. Неприятная новость. Она директор рынка?

— Да бли-и-ин, — вдруг горестно растягивает Семен, указывая на лотки рядом.

Там вещи, которые мы привозили в распределительный центр.

Руины сгребли вдоль улиц в валы. Ехать теперь нетрудно. Пара недель, а кое-где на завалах уже вылезла травинка или листок. Почти два месяца, как город пережил штурм. Многоэтажки полны лежащих стариков, которых бросили. Они не могут выйти за водой и гуманитаркой. День в одиночестве может стоить жизни. Ходим по домам, опрашиваем, ищем. «Газелька» заворачивает в очередной квартал. Лекарства, еда, вода. Семен тащит воду. Настя селфится на фоне какого-то покоруженного металла.

— План-то есть, но... — Семену тяжело, одышка. В Афгане он был в первый призыв, нынешняя роль — единственно возможное участие. Он прислоняется спиной к стене у проема подъезда и долго прокашливается сквозь седую бороду, придерживая рукой тяжелый живот.

— Онтология, — поясняет он. Наверное, имеет в виду онкологию, но с озвученным вариантом не поспоришь. Такова онтология. Звучит

¹ Журнальный вариант очерков из книги «Линия соприкосновения».

сильно. Семен вздыхает, поднимает баклажки, входит в подъезд. Его последняя война.

Лихорадочно просматриваем записи. Глаза помнят — где-то здесь должно было быть еще двое лежачих. Но Настя уже разговорилась каких-то женщин и узнала, что инвалидов кто-то переместил, теперь о них заботятся. Идем в указанный двор, встречаем немолодую женщину с усталыми глазами.

Это она собрала из окрестных подвалов и квартир немощных, ухаживает за ними, добывает гуманитарку. Целый хоспис. «Господи, есть же люди», — тихо выдыхает Лена. У одного из подопечных — пролежни до позвонков. Переглядываемся — мы не медики. Завтра попросим армейских. Не откажут. «Мы будем заезжать. Все образуется», — успокаиваем женщину с усталыми глазами. Благодарим ее, оставляем гуманитарку по максимуму. «Кто вы?» — спрашивает она. Пожимаем плечами. «Господи, есть же люди», — шепчет она, крестит вслед. Плачет.

— Так есть план? — повторяет Лена. У нее деловой подход. Хотя тоже иногда плачет. Не зная отчего. Просто не ожидала такого. Поэтому снова приехала сюда. Это уже не отпустит.

Невдалеке мерно скрипит металл. На осиротевшей качели раскачивается солдат, другой, похоже, о чем-то острит, втиснувшись в маленькое сиденье карусельки. Прищур Семена разглаживается, переходя в нечаянную улыбку. Он и сам солдат, просто постаревший. Настя тянется за фотоаппаратом.

В Лене трудно обнаружить повышенную чувствительность. Но это там, где она не Лена, а Елена Александровна. Про нее можно сказать то же, что и про добрую половину волонтерш. Ни темная, ни светлая, средней комплекции, джинсы и пухлая куртка. По фамилии — Смирнова или вроде того. Лет пятнадцать как окончила филологический, лет десять как не меняла работу, хоть и не по профилю. Более-менее все благополучно. С семьей не сложилось, дочь пока что у бабушки. Кошку отдала соседям. Изредка, на корпоративы и праздники, красит губы, подводит глаза. Но это там. Здесь не так. Иногда Лена молча уходит в сторону, утыкается лицом в кулаки, недолго сотрясается. Теперь не красит и ресницы.

План есть. Детское учреждение. Туда и едем.

— Стойте, стойте! — вскрикивает Настя.

Валимся вперед от резкого торможения. Мину заметила? Вроде уже неделя, как их убрали.

— Уй ты моя милота...

Не обращая ни на кого внимания, Настя распахивает дверь «газельки» и устремляется к лохматому щенку. Тот принимает поцелуи, вертляво пляшет, пока Настя пытается надежно зафиксировать его мордашку для взаимного селфи.

— Черт бы тебя побрал, — сердится Семен.

Настя любит милоту. Это няшно. Это выглядит добром. Больше всего Настя любит делать фото с милотой. Это помогает причислить

к добру и себя. Мир нуждается в добре, поэтому при наличии связи Настя постит картинки и видео в своих пабликах. Люди умиляются, шлют нам вещи или просто деньги. Чтоб тоже почувствовать себя добром. Быть причастными. Настя не разочаровывает их, благодарит в ответ и постит очередную милоту. Люди умиляются снова. Так запускаются круги добра и пополняется наш склад.

Раздраженно перерыв бардачок в поисках сигареты, а может, корвалола, и не найдя, Семен откидывается на сидение и закрывает глаза. Воспоминания об Афгане и других земных конфликтах смешиваются с виденным здесь. Он давно знает — все это одна война, которая была прежде и будет после. Но он рад, что в строю и все еще ведет битву. Он кряхтит и снова долго кашляет, даже не открывая глаз. Онтология.

Настя никак не может сделать крутой кадр. Она юна, чуть взбалмошна и инфантильна, старается улизнуть от рутинной складской работы и стремится на выезды, где вау-эмоции смешиваются с испугом. Это захватывает. Любит она и фото подбитых танков и выгоревших девятиэтажек, на фоне которых предстает в образе воительницы. На ней тактический шлем и камуфляжная куртка. Броники переппадают нам редко, мы сразу дарим их ополченцам — те идут на штурмы, имея из защиты только иконки в нагрудных карманах. А вот шлемы никому не нужны. Казалось бы, странно — голова уязвимее, важнее. Но здесь бояться ранений, быстрая смерть считается избавлением.

Сегодня мы без шлемов. Как и всегда.

Семен снова привычно шлепает себя по карманам в поисках сигарет. — Не лизалась бы ты с этим псом, — хмуро высказывается он.

Щенку месяца четыре, все понимают, что это значит.

— Насть, хватит обниматься, неизвестно, что с ним, — вслед за Семеном вразумляет девушку Лена.

Но Настя не врубается:

— Может, заберем? Смотрите, какой пупс! Он же брошенный?

Семен машет рукой, Елена тоже ничего не объясняет, просто подходит и тянет Настю в машину. Слава богу, рядом появляется сука с обвисшими сосками, осторожно обнюхивает чадо. Два месяца они питались человечиной.

Нужно заехать в собес. Приватный разговор.

Унылые стены училища, гулкое эхо коридора, капающая вода. Небольшое столпотворение возле бывшего спортзала — здесь распределительный центр государственной гуманитарной помощи. Усталые люди просто ждут, никакой выдачи нет.

— Создается впечатление, помощь идет не по назначению, — осторожно кладет слова Семен. — Полный склад, а люди ничего не получают.

Директор понимает, на что намекает Семен, сердится:

— Думаете, ворую? Давайте откроем склад — люди вынесут всё за час. Надо не надо, налетят, будут хватать, сколько смогут. Нуждающиеся опять не получают.

Семен смущенно морщится — ответить нечего.

— Вот еще три адреса. Неотложно, просто катастрофа, — вставляет Лена.

Директор принимает листок, в ответ дает свои списки.

— Давай сейчас только без этого, — останавливает Лена Настю, приготовившуюся фотографировать.

Безудержные снимки Насти и еще пары таких же энтузиасток на самом деле очень важны. Стоит им написать на своих страницах: «бетаметазон или аналоги», «ходунки детские», «мочевой катетер» или «бронеплиты керамика бр-5», как через пару дней нужный товар уже едет в Ростов, оттуда переправляется нам. Листая их страницы, хочется рыдать от ужаса и восхищаться героизмом одиночек. Так действует древний закон добра — чем страшнее, тем больше готовность жертвовать.

Первый этаж длиннющей высотки, пандус, яркие вывески. Приехали. Вообще-то детей здесь мало. Когда начинается война, люди спасают самое ценное. Детей. Также не встретишь и красивых девушек, им легче найти, куда свинтить. Следом ударяют по тапкам все имущие. Остаются те, кому некуда ехать или кого бросили.

Этот интернат не успели вывезти. Мы уже были здесь. С едой и вещами все благополучно, нет главного. Выкладываем головолмки, карточки пантомим, настолки, теннис. Будут меньше курить за разрушенной кочегаркой. Детство — это игры.

Воспитательницы, охая и не зная, за что хвататься, отступили к стенам, предоставив свободу юному любопытству. Одна из них часто что-то смахивает с уголков глаз, вторая просто укрыла ладонью нос и губы. Лена незаметно вкладывает им в руки по пакету карамелек. Сладкое здесь в дефиците. Едой обеспечили, но сладкого, хоть умри, хочется всем. Найдут, как распределить. Настя в это время устроила веселую круговерть, изображая какие-то фигуры, втягивает детей — под фотосъемку. Но быстро забывается, ей самой весело.

— Кто давал разрешение? Что раздаете? Почему съемка? — вбегает через двадцать минут какая-то чиновница из исполкома.

Уже пронюхали. Тем лучше.

Воспитатели виновато прячут глаза. Семен хмыкает и расправляет плечи, предчувствуя битву. Настя незаметно дрейфует в сторону и включает видео. Лена превращается в Елену Александровну.

Мотив чиновницы ясен. Страх. Логика примитивна — если что-то дарят, значит, учреждение нуждается, а это дискредитирует ее работу. Ведь она делает все, что может, а по отчетам — и того больше. Но дарители снимут видео, «расшарят» его по максимуму в сетях, глядишь, и на ТВ мелькнет. Если вдруг начальник чиновницы увидит ролик или хотя бы услышит о нем от кого-то, у него включится та же логика. Так же подумает и начальник начальника. Катастрофа. Домино. С невысокой бюджетной должности эти столбики домино, которые угрожают посыпаться, выглядят огромными. Возрастающей цепью они уходят в бесконечность, затеняя безликую группку детей.

Елена Александровна понимает источник агрессии чиновницы. Елена Александровна откапывает этот мелкий страх и начинает надуть его. Она говорит, что съемка уже идет, материал шикарен — действительно острый материал, только представьте: кто-то препятствует помощи детям, небось неспроста. Чиновница пытается сопротивляться.

— Как не положено? — парирует Елена Александровна. — Кем не положено? Вами? Тогда назовите имена!

Та переходит на заговорщицкий тон, намекая, что мы переходим черту. Звучат слова «отдел», «комендатура» и даже «контора».

— Вы, наверное, давно там на серьезной должности? — подначивает Елена.

— Да-да, — загадочно подтверждает госслужащая. — Не первый год...

Еще не понимает, что попалась. Семен хмыкает. Мы сочувственно киваем — все, кроме Насти. У нее камера.

— Шикарный материал, — роняет Лена.

Жертва вдруг осознает, как ее фарс выглядит со стороны.

— Конечно, в контору, — добавляет Семен.

У чиновницы в глазах мелькает паника. Видно, как все внутри ломается. Но Елене Александровне мало раскатать человека. Нужно идти до конца. Незавершенный конфликт всегда порождает большие жертвы. Елена приехала спасать. Готова вести, пока человек сам не нащупает путь к спасению.

— Господи, — выдыхает чиновница.

Вот оно. Нокаут.

— Господи, я же просто... Я же ничего... Это ж совсем не о том...

Лена слегка обнимает побледневшую женщину и молча кивает. Теперь та — лучший и искренний наш помощник. Настя опускает камеру, прощаемся, выходим. Лена остается проговорить наедине условия капитуляции. Все хотят как лучше. Из-за этого все так.

Семен закуривает на крыльце, удовлетворенно потягивается, идет к машине. Середина дня, а идет все неплохо. Более-менее по плану.

Вообще-то должен подскочить Юра. Это наш командир, основатель всей движухи. Когда-то был ополченцем, потом помогал сослуживцам и гражданским. С началом войны невидимая гравитация соединила его с такими же энтузиастами — кто-то спасал беженцев на Успенке и Чонгаре, кто-то кормил жителей Мариуполя, кто-то добывал броню и ботинки для солдат. Сейчас, спустя четыре месяца, частный энтузиазм превращается в системную машину помощи. Уже есть склад, есть близкие спонсоры, желающие помочь, когда государство не справилось, есть зачатки команды — мы.

— Шарим дальше по кварталам. По-любому еще не всех нашли, — отвечает Семен на немой вопрос вернувшейся Лены.

Та кивает. Хороший план.

— Давайте в темпе. Когда Юра нас словит, хана всем планам. Всегда у него что-то срочное и неотложное.

Где-то невдалеке мощно бахает. Прилет. Переглядываемся. Елена — взволнованно, Семен — вопросительно, Настя — с надеждой.

— Не, не, Настя. Тебе по-любому туда нельзя. Тем более щас еще бахнет, — осаживает ее Семен.

— Репортаж... репортаж... репортаж... — скулит Настя, с мольбой лова взгляды.

Стоим, прислушиваемся. Повторного нет. Заминка.

— Вдруг там люди... — озвучивает Лена то, что думает каждый.

Подъезжаем. Машину оставляем чуть в стороне. Слава богу, никого не задело, просто по тротуару. Значит, издалека, наобум. Значит, следующий прилет будет в другом месте.

— Давай быстрее, — подгоняет Семен Настю.

Понятно, о чем он думает — сейчас здесь же нарисуеться Юра. Закон притяжения. Будет сердиться, что девушек подставляем под удар.

— Репортаж!.. Репортаж!.. — восхищенно ликует Настя, бегая по битой крошке от одного свидетеля прилета к другому.

Визжат тормоза уазика, подняв мелкую пыль. Юра.

Крикнув из двери:

— Почему без касок? — он спрыгивает на землю и бежит к месту взрыва, но, оценив результат удара, не спеша возвращается.

Делаем сокрушенные лица. Известно, Юра строгий, но добрый.

— Мур-р-р, — сглаживает негодование командира, появляясь из ниоткуда, Настя. Экипирована.

— А тебе вообще здесь быть нельзя. И даже приближаться километров на двадцать, — строго обрубает Юра. — Что я твоей маме скажу?

Настя возмущенно хлопает глазами. Сейчас скажет, что уже взрослая.

Но видно — Юру уже отпустило. Тем более жертв нет. Как ни крути, хороший день.

— Ладно, давайте к делу, — закругляет внушение Юра.

Приносит несколько упаковок, объясняет, как и куда ехать, пишет позывной-пропуск, поглядывая то на часы, то в сторону солнца.

— Ну, назад по ночи, с позывным пробьетесь как-нибудь, если что...

Вдруг замирает — девушек-то деть некуда. Сам тоже едет в самое пламя.

— Мы тоже... мы тоже... мы тоже... — поняв причину замешательства, вспыхивает Настя. Попасть «за ленту» — пик ее стремлений.

— Ну блин, — сердится Юра. Выглядит грозно, а даже матом не ругается.

— Засветло тронемся, — предлагает решение Семен.

Он уже изрядно набегался за день, сидит на груде бетонных обломков, задумчиво теребя свежие травинки.

— Хорошо. Пораньше. Но только парни, — соглашается Юра, бросая взгляд на Настю.

Та складывает ладошки, изображает кошачьи глазки.

— Нет. Только парни, — повторяет Юра.

Подняв дымку пыли, уазик скрывается. Семен, не вставая, долго кашляет, замирает, уперев лоб в руки. Устал.

— Отец Викентий! — окликает прохожего Лена.

Человек с парой лопат и связкой черенков оборачивается, близоруко всматривается, подходит.

— А, здравствуйте, божьи люди! Тоже поспешили на беду?

Из-под куртки виден подол рясы. Семен с улыбкой поднимает грузное тело, отряхивается, острит:

— Эй, Абдула, откуда здесь? Стреляли!

Священник смеется:

— Да. И слава Господу, обошлось.

— Подвезти вас? — предлагает Лена.

Мы часто заглядываем к нему в приход. И во все другие. Храмы — первые и главные социальные центры в местах, где прошла война. Здесь, в городе, сохранились и школы — там тоже хорошо знают паству. Но церкви важнее. В каждом селе, где есть храм, священник, как капитан корабля, не покидает своего места, пока рядом хоть один верующий. Храм, по сути, и есть ковчег. Как только маячит беда, люди бегут к священнику за надеждой. В мирное время снова забывают. Обе армии стараются беречь намоленные стены. Часто бывает, от селений остается лишь побитая осколками церковь, а в ней несколько прихожан с нестигаемым кормчим.

У попов много невероятных историй. Их негласно свободно пускают через линию фронта. Кого-то отпеть, кого-то крестить. Помнится, один батюшка рассказывал, как он миновал блокпост на «той» стороне и до него докопался патриот незалежной, мол, «москальская вира — це пропаганда», не хотел пускать. Но дело было неотложное, батюшка уговорил того, что на обратном пути выслушает и поспорит. И вот, свершив таинство, вернулся к мятежному и долго-долго аргументировал, какой обряд канонический, какой — пропаганда, рассказывал про апостольское преемство, историю этой земли и суть веры. В конце концов впечатлил парня настолько, что тот попросил помолиться за своего сослуживца, недавно убиенного. Однако тут же замешкался, не зная имени, был лишь позывной. «Помолитесь за Вампира», — попросил он.

Отец Викентий тоже из подвижников. Устраивается сзади на сиденье, осеняет присутствующих крестом.

— Только бахнуло, а батюшка уже с лопатами... Вот это опыт... — подначивает Семен.

— Да я ж с рынка. Лопат у меня не хватает, уработали все. А тут как раз прилет, — оправдывается тот.

— Как там, шайтана изгнали? — переводит тему Семен.

— А... этого... — вспоминает отец Викентий.

Недавняя история — обратились к нему бойцы-мусульмане, мол, в парня после контузии вселился шайтан. Дикий стал, припадочный, обозленный. Викентий успокоил их: вы по адресу, Аллах один; шайтан, точнее Даджаль, а по-простому — бес, тоже. Прописал освященную воду, попросил приводить к нему. И обрабатывал парня девяностым псалмом, да не забыл у начмеда попросить нужные медикаменты.

— Так что, батюшка, вылечили? — влезает Настя.

— Не знаю. Господь по-своему управил. Погиб в бою. Шахидом, получается, стал.

В этих местах немало солдат-кавказцев. Проповедника у них, понятно, нет. Вот, нашли пастыря, более-менее все уладилось.

Колеса шлепают по ухабам, мелькают мимо жители с велотележками и бронемшины служивых, молчим, смотрим по сторонам. Огрызки деревьев, пожженных артиллерией, зазеленелись прямо по стволам. Из сваленных тянутся уверенные ветви — с мертвого тела растет быстрее.

Храм Викентия в пригороде, тормозим на блокпосту. Рядом узик военной полиции. Солдат оглядывает багажник, инспектора тоже лезут.

— Что это такое у вас? — спрашивает, указывая на коробки, которые передал Юра; там, похоже, мавики².

— Не знаю, не специалист. Дали — возем, — по-доброму отбрасывает Семен.

— А документы есть? А если что-то не то? — прощупывает служивый.

Семен смотрит на него, как на дурака, сердится, подбирая слова. С Большой земли, что ли?

— Так отбери, — провоцирует он.

— Чё такие борзые? От какой организации? — заводится служака.

— Как раз узнаешь, — парирует Семен.

Полицейские зло застыбают, решая, идти на принцип или нет.

— Подождите, вам тут передали, — выскакивает Настя, вручает каждому по детскому письму из тех, что малыши пишут на фронт в школах.

Те неуверенно берут треугольнички в руки, теребят в пальцах, сердятся.

— Одно дело делаем, — говорит офицер, дает отмашку.

— Вы же по детям в основном? — спрашивает, выгружая свои лопаты, отец Викентий.

— Да нет, как получается, — отвечает Лена, выбирая из груза в багажнике, что можно ему добавить. Тут, при церкви, тоже — и стол для бедных, и стихийный хоспис.

— Есть еще одно место, где дети, — продолжает поп. — Сектанты, но тоже божьи люди.

В двух словах объясняет, как добраться.

Семен, выгружавший крупу и книги, распрямляется, прикидывая в уме названную локацию. Из-под тельняшки вывалился крест вместе с армейским жетоном. Семен, размотав цепочки, заправляет все назад. Отец Викентий задерживает на жетоне взгляд, Семен это замечает.

— Кундуз, семьдесят девятый. Потом Кандагар, — поясняет он.

— Файзабад, восьмидесятый, — отвечает отец Викентий. — Потом Кандагар.

Оба замирают друг напротив друга, сдерживая улыбки, молча поднимают руки. Слова больше не нужны. В одном строю.

² Мавик (Mavic) — компактный дрон.

— Ты понял, на что у него расходятся лопаты? — спрашивает Лена, когда мы уже тронулись.

— Когда-нибудь и сам там лягу, — отвечает Семен.

— А что, а что? — интересуется Настя.

— Да нет, ничего особенного.

Семен отворачивается к окну, думает о своей войне, Лена о лопатах. Мелькают огрызки деревьев, бухают под днищем ямы. Инспекторы с блокпоста уже уехали, солдат машет рукой, разрешая не останавливаться. Настя все равно требует остановить, протягивает в окошко пригоршню конфет. Рядом, сидя на бетонном блоке, юный ополченец даже не поднимает голову, смотрит мульт.

Искомый адрес — просторное молельное помещение без символов и двухэтажный жилой блок. Все целое, даже стекла. На первом — столовая и игровая. Действительно, несколько мам с детьми сидят с тетрадами и карандашами.

— Мы никакой религии. Мы всех религий. Бог один, — отвечает на незаданный вопрос средневозрастной мужчина с лучистым кротким взглядом. Как и у многих людей со светлыми лицами, в нем чувствуется давняя страшная драма. Приглашает войти, показывает обстановку. Есть даже мастерская, где молодые парни мастерят маленькие металлические печки. Загодя готовятся к зиме. Наверное, будут раздавать. Говорит, тоже окормляют всех, до кого могут дотянуться, не только своих. Спрашиваем о трудностях. Чем можем, поможем. Даем несколько стопок книг, оставшиеся сладости и медикаменты.

— Насть, ну будь человеком, — укоряет Лена.

Настя смущенно добавляет в пакет утаенную плитку шоколада.

— А кто же вас к нам направил? — спрашивает человек со светлыми глазами.

— Бог, — уверенно отвечает Лена.

Солнце склонилось к крышам. Пора и на базу. Неплохой день.

— Может, к Викентию снова заедем? — предлагает Лена. — Что он там один убивается. Видела я его помощников. Божьи люди...

— К нему? Конечно, — оживляется Семен, уже привалившийся к боковому окну.

Видно, как он устал. Закрывает глаза, пытаясь вздремнуть, но вновь заходится нескончаемым силным кашлем.

Храм на красивом месте — камни, сосны. Птицы распелись к закату. Настя побежала фотографировать. Тут и всяких хвостатых много, быстро не вернется.

Отец Викентий появился с поля, уже без рясы, с лопатой, в компании с сереньким мужичком:

— Вот так встреча! Не прошло и полгода, как говорится!

Еще во время боев территория рядом превратилась в стихийное кладбище. Сейчас город решил — так тому и быть. Люди выкапывают из дворов своих гражданских, военные собирают в мешки останки

противника, комендатура эксгумирует расстрелянных. Все везут сюда. Кладут по-человечески, с крестом, именем, у кого есть. Викентий отпевает. Но не успевают копать. Люди часто немощны, а везут много.

— У вас одна машина или еще «жигуль» есть? — интересуется он. — Вот-вот. А то меня солдат-мусульманин спрашивал, ездят ли наши ангелы на «жигулях». Говорит, на шоссе с их грузовиком поравнялся «жигуль», красивый человек за рулем перекрестил их через стекло, на газ — и скрылся. На машине было написано «Добрый ангел», вот как у вас. Забавно, право же. Воцерковили мне послушника.

Всякое бывает. Лена достает перчатки, убирает волосы под платок. Берем лопаты. Поможем чем можем. Правда, потом по ночи через блокпосты — в комендантский час могут не пустить. Ничего, пробьемся. Если нет — заночуем у вояк. Или здесь. Так даже лучше. Настя будет только рада. Все равно никому не хочется сейчас в холодные стены. Жизнь здесь.

Хоть она и выглядит как пестрые ряды палок-крестов, все равно это жизнь. Промежуток между датами. Воля, слабость, надежда, испуг, превозмогание. Попытка доказать себе, что существуешь. Пыль, стук комьев, шорох осыпающейся земли, жгучая резь пота в глазах, изможденная улыбка Викентия.

По вечеру не душно, самое время копать. Спустя время Елена опускает лопату:

— Надо бы Семена посмотреть.

Семен отошел воды попить, долго не возвращается.

— Пусть отдохнет.

— Нет, надо глянуть.

Семен сидит на земле, у колеса машины. Уронил голову, спит. Непонятно, правда, каким сном. Настя замирает на полпути, порывается что-то сказать, но, так и не произнеся ни звука, бросается к нему. Ничего не поделаешь. Онтология.

У вершины холма

У азиатов существовала забава — помещать младенца в фарфоровую вазу без дна. Тело росло и искривлялось, получался человек в форме вазы. В «Человеке, который смеется» описано, как торговцы уродами покупали детей, искажали тела операциями, потом продавали на потеху. Но человек — это не только тело. Если Гуинплен смеется, это означает: он плачет. В те дни я как раз читал Гюго — в отсутствие интернета взялся за потрепанные издания полувековой давности, присланные в качестве гуманитарки.

Отработав в Лисичанске, вновь завернул на север, к Матросской — одноэтажному кварталу на холме, с прекрасным видом на реку и убогую внутри. Грунтовые улочки, частные домики скромно-дачного или показательно-зажиточного вида. Мирно и тихо. Район, хоть и находился на высоком месте, не пострадал. Это внушало надежду.

Дело обычное — поступила просьба найти человека, узнать, как жив-здоров, наладить связь. Но с ходу найти не получилось, слишком

путаными оказались адреса. Обозначения отсутствовали, за два десятка лет переименований все смешалось, сложились другие ориентиры. Мы уже приезжали сюда недавно, потратили много времени; кажется, были у каждого дома, расспросили всех встреченных, но безрезультатно.

Просивший помощи указал эстонский номер телефона. Ничего удивительного. Люди всего мира смотрят новости, ужасаются, вспоминая о близких, живущих среди этих событий, желают помочь. Мы не разделяем добро на для «своих» и «чужих», иначе грош ему цена.

В тот день я решил повторить прежний алгоритм, не придумывая ничего нового. Попробовать еще раз, потом снова, а потом опять и так далее. Обычно это дает результат, хотя и требует некоторого упорства. Как сказано, «стучите и отворят». Мне нравится выражаться иначе: «у дятла голова не болит».

Вселенная благоволит настойчивым. Помощь сама пришла откуда не ждали.

Завидев невдалеке назойливое, как птичья клякса на лобовом, яркое движущееся пятно, сразу подумал — наш шанс. Навстречу торопилась нетвердой походкой лахудра в желтом халате, громко вопрошая:

— Шо привезли? Даете шо-нибудь? А мне? Мы бедствуем. Да дайте шо угодно.

Блаженны нищие духом. Молодая, но уже с испитым лицом, бывшая красавица с ходу взялась решить проблему.

— Нина Михална? Не помню. Ща найдем. — В ее голосе сквозила надежда на дивиденды.

С полчаса побегав, нашли нужный адрес. Но пенсионерки там не оказалось. Что ж, тоже результат. Можно попробовать еще раз, потом снова, а потом опять. Схема рабочая.

Пьянчужка в желтом халате стала волноваться, что останется без вознаграждения, и я успокоил ее, дав сотню на пузырь и продуктов, чтоб не была голодной. Сказал ей — если узнает, точно ли здесь живет пенсионерка, время, когда та дома, и найдет способ связаться со мной, одарю всеми богатствами.

— Пятьсот деньгой и продукты! — заявила она.

Ее запросы оказались невелики. Я примерно на то и рассчитывал. Стал писать на листке номер.

— Да знаю, знаю, милый, — перебила лахудра, когда попробовал инструктировать ее. — Найду кого-нибудь, напишут тебе.

Ишь ты... Понятно, не хуже меня в курсе, как передать весточку, а ведь даже телефона нет. Человек легко приспосабливается ко всему. Отсюда километров десять до места, где ловится связь, плюс лезть повыше, ждать, выискивать волну. Те, у кого есть телефоны, раз в сутки снаряжают посыльного, чтоб вывез аппараты в зону связи, где отправятся их СМС и пикинут ответные.

Я вежливо улыбнулся ее деловой уверенности.

Спустя неделю от Желтого Халата пришло сообщение. Все было указано четко. Назначив день, я выехал и действительно застал Нину

Михайловну на месте. Но, как ни странно, поблагодарив, она отказалась от помощи и контактов.

— У меня нет родственников, — огорошила она.

Обеими ладонями поправила голубой платок на волосах. Не такая уж и старенькая. Сухая и аккуратная, лет около семидесяти, выглядит крепко. Платок приспущен на затылок, обнажая седину. Сухие руки без конца одергивают карман куртки. Наверное, волнуется. Хотя причин нет.

Чуть смущаясь, добавила — не откажется лишь от любых книг. Телевидения и интернета нет, скука. Плюс тоска по родному языку, в последние годы русское слово здесь было дефицитом. И конечно, книга позволяет отвлечься от реальности. Здесь все спрашивают книги.

— Книг с собой нету, — смалодушничал я. Одна-то у меня была.

Нина Михайловна кивнула. Странная вышла ошибка, подумал я. Адрес и имя совпали. Может, настолько дальние родственники, что она и предположить не может, кто ее ищет? Я сам не знал ни имени, ни места жительства искавшего.

Когда уже шел к машине, меня догнала крутившаяся неподалеку Желтый Халат и схватила за локоть:

— Есть сын у нее, уехал, когда отступали.

Суперагент. Ответственно подходит к заданию.

— Нина Михайловна, — окликнул я пенсионерку.

Та вежливо не входила в дом, ожидая, пока гость уедет. Теперь, помедлив, спустилась с крыльца к калитке, вздохнула, начала рассказ.

Оказалось, нам пишет ее сын, но она не желает его видеть и слышать. Проклял ее, назвал «сепаркой», сказал, что у него больше нет матери и что именно из-за таких, как она, война. «Ты мне не мать. Так и сказал. Ты мне больше не мать, говорит». Она уговаривала остаться, но тот бросил ее. «Сдохните здесь, сепары». После штурма прошло уже много времени, но интересоваться ее жизнью он стал только сейчас.

— Наверное, его просто дом интересует. Он хотел забрать документы на дом, я отказала, — добавила Нина Михайловна.

— Может, хотя бы видеопослание? Мол, жива, все в порядке, ничего не нужно. Он же волнуется.

Нина Михайловна грустно посмотрела на меня, не нашла слов, просто покачала головой.

Ну что поделать? Человек не хочет, не заставляй же.

Немного помявшись, простился, сел в машину.

— Заезжай, если что, — крикнула вслед Желтый Халат.

Вся эта история немного подпортила настроение. Добрые дела хочется делать, когда усилия приносят результат. Но тесны врата и узок путь. Иногда опускаются руки. Перестаешь верить в людей. Удручают не конкретные ситуации, а то, что такое сплошь и рядом. Мать и сын — он бросил, она не хочет мириться. «Бывает, — говорю я себе. — Ничего необычного». Ничего необычного... От такой мысли погано.

В зоне связи я написал сыну Нины Михайловны о встрече. Получил в ответ просьбу позвонить в любое время. Почувствовал раздражение,

но, как говорится, «если возложили на тебя повинность сопровождать на версту, иди две». Спустя пару дней, имея устойчивый интернет, набрал номер.

— Зачекайте хвылыну, — услышал молодой женский голос. И спустя несколько секунд, по-русски: — Алё! Извиняюсь, не могла разговаривать. Насчет Нины Михайловны?

— Да, но ожидал услышать ее сына.

— Я волонтер, — ответила девушка, — он обратился ко мне, я нашла вас. Он хотел бы переговорить с матерью. Может, уговорите?

Она добавила, что им трудно поверить, когда мать не хочет перекинуться хоть словом с сыном. Такая ситуация кажется подозрительной. У них сложилось устойчивое убеждение, что мать запугана, боится разговаривать. Ведь у нас тоталитаризм. Всякое рассказывают... А сын любит, переживает, жить спокойно не может. Просто хочет убедиться, что мать в порядке.

Такой накат расстроил еще больше. Стал убеждать, что дело обстоит вовсе не так, но коллега не верила. Предположила, что мне ситуация может казаться нормальной, но «со стороны видней».

— Поверь, человек как огурец — в каком рассоле пожегал, таким на вкус и становится. Ты просто уже не видишь... И не может быть, что интернета нет. У нас он везде. Вы просто под колпаком, — сказала она.

— Может, вы там под колпаком? — Я стал сердиться. — Ладно, кажется, не о чем разговаривать. Желаю удачи в добрых делах.

— Эй, подожди. — Она чуть сбавила тон. — Я знаю, ты, может быть, боишься. Телефон на прослушке? Ни слова о политике. Подумай — вот мать и сын. Пусть они просто поговорят. Одно ведь дело делаем. Волонтеры мы или нет?

Надо признать, разговор с коллегой с той стороны меня зацепил. Возмутил. «Под колпаком», «люди-огурцы». Может, я что-то не понимаю? Захотелось доказать обратное. Непонятно что, но что-то доказать. И подкупающее: «Волонтеры мы или нет?» Нашла, на что надавить. Самолюбие. Вернее, даже самолюбование. Я купился.

— Ну зачем же вы это делаете, зачем? — всплеснула руками Нина Михайловна, когда увидела меня спустя пару недель и услышала мое предложение.

Знала бы она, сколько было приложено усилий, чтоб добыть часик спутникового интернета. Нужное оборудование бывает только у блашников — операторов БПЛА, и то трофейное. Блашники очень плотно дружат с нами, потому что практически все, чем они воюют, сделано и поставлено энтузиастами — родственниками, волонтерами, неравнодушными. Бойцы с пониманием отнеслись к нашей просьбе и согласились организовать связь в нужное время, не ставя в известность начальство. Старая истина — делаешь добро, не учиняй шума.

Долгожданный разговор все-таки состоялся. Стоял погожий осенний день. Ребята разматывали провода, Нина Михайловна одергивала

подол куртки, не зная, куда деть руки, а я смотрел на далекие дымки, хорошо различимые с этой высоты и кажущиеся такими мирными. Когда все было готово, набрал номер. Раздался уже знакомый девичий голос:

— Алё. Привет. Вот видишь, а говорил, связи нет...

Я не стал объяснять, только тяжело вздохнул.

— Ну что ты пыхтишь. Я ж с добром. Знаю, ты на большой риск идешь, что этот разговор устроил, — продолжила она. — Но пойми, мы тоже. За контакт с врагом можно неслабо загреметь. Вот видишь, сын идет на этот риск ради матери. Я соучастница. Так что мы тоже рискуем.

Я прервал ее:

— Давай по делу. «Да-да», «нет-нет», все остальное лишнее.

— Боишься все-таки. Я знаю, у нас тоже препятствуют всякие чины, и откаты требуют, и гуманитарку разворовывают. Командиры тоже, бывает, у бойцов забирают. Посылки, получку. Но хотя бы на подвал не сажают, как у вас.

Не противься злу, но противься неправде. Что мне было сказать? Бывает, маленькие начальники включают режим большого начальника. Боятся ответственности. Не всегда понимают, что к чему. Бывает, воруют. Но это исключения. Наверное, бывают мародерства и убийства. За них судят.

— Скажешь, и сами вы бессребреники? — язвила, как ей казалось, она.

Пахло землей. Щебетали воробьи, внизу серой лентой вился Северский Донец. Прекрасная картинка осени. Гюго писал о деформированных людях. По его словам, искусство переделки человека — болезнь, свойственная лишь вершине развития общества. В его годы такое искусство стало угасать. Стоя с трубкой у уха, я вглядывался в линию горизонта, чуть размытую низкими дымами. Не может укрыться город, стоящий высоко на горе. Ветер из-за спины подбирал мелкие бумажки и листья, уносил их вниз на поля. Сейчас мы вновь на вершине...

— Да я ничего такого, просто по душам хотела с коллегой... Это ты так воспринимаешь. Нам тоже нелегко, но вас, русских, вообще жаль. Ой, ты же боишься, что тебя слушают! Ладно, извини, сейчас на твой контакт человек позвонит, дашь поговорить с матерью... Счастливо!

Засветился экран, я передал телефон Нине Михайловне. Она отошла с ним в маленький палисадник, стала медленно ходить из стороны в сторону, задумчиво срывая желтые вишневые листья с ветвей, в основном молчала.

Я закурил сигаретку. На душе стало спокойно. Помирятся, куда денутся. Любовь все победит, а материнская тем более. Благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас, молитесь за обижающих и гонящих вас... Все устроится. Если захотят, провожу ее до Минска, там сын заберет. А может, и сам сюда приедет. Не так уж все и плохо.

Сигарета еще не кончилась, когда Нина Михайловна направилась ко мне.

— Не заставляйте меня снова с ним разговаривать. — Она протянула телефон. — Его интересуют только документы на дом.

Вот так вот. Я помолчал, размышляя, как ободрить женщину. Стало немного стыдно, что заварил всю эту мамалыгу. Когда делаешь добро, правая рука не ведаёт, что творит левая.

— Номер сына написать? — Понимал, зря спрашиваю, но и знал, что винил бы себя, если б не спросил.

Она только отмахнулась.

Хотелось что-то сказать, но не находилось никаких слов. Достал пакет с книгами, который приготовил ей, добавил и своего читаного Гюго.

Вновь зазвонил телефон.

— Зачем ты отобрал у нее трубку? — раздался знакомый голос.

— Не отбирал. Они поговорили. Вот Нина Михайловна рядом...

— Как не отобрал, если отобрал... Знаю я вас... Ты не хотел, чтоб они что-то решили?..

Почему-то вспомнилось — на местном диалекте есть забавное слово «купорка». То, что у меня на родине называют «закрутки». Все, что консервируют на зиму в банки, закупоривают. Здесь с этим красота. Баклажаны, лечо, овощная икра, варенье — как обычное вишневое, так и экзотическое, с грецким орехом, — обалденные красные перчики в остром соусе, помидоры в собственном соку, белая фасоль, цукаты в сиропе, взрывающий обоняние виноградный сок, душистый маринованный чеснок... И, конечно, соленые огурцы. Наверное, она права. Купорка во всех краях разная, а соленые огурцы есть везде.

— ...Вот видишь, опять лжешь. Когда уже выйдете на улицы? — не успокаивалась она.

— Какие улицы, ты о чем?

— Ну власть вашу диктаторскую свергать. Давайте. Все устали. Или ты фанат Путина?

— Не фанат. Но какой мне интерес кого-то свергать?

— А, ты же на прослушке...

Человека невозможно переубедить, если он верит. Бесплезно что-то доказывать. Человек не может признать чужие аргументы, даже самые ясные и разумные, это ставит под сомнение картину мира, собственную идентичность. Легче обмануть себя, заставить закрыть глаза, но не разрушить.

— Боишься... — констатировала она. — Ничего не говори. У тебя голова есть, ты-то понимаешь, что войну пора заканчивать.

— Если снести нашу власть, война закончится?

— Конечно.

Знаю, вся кровь — на таких убежденных тварях. Все войны мира из-за таких, как она. Как я.

— В России тоже наступит мир?

— При чем тут Россия. Всякое у вас будет. Поймете хоть, что такое «страшно».

Не ожидал услышать другого. У Гюго написано, что рай одних держится на аду других. Но какой мерой мерите...

— А зачем мне этого хотеть?

— Бли-и-и-ин... Как же я ненавижу вас, русню... Сдохните, твари!

Так всегда и бывает. Иногда и хуже. Хорошо, что хоть так.

Когда отъезжал, видел: Нина Михайловна не стала подниматься в дом, лишь сделала пару шагов, потом прикрыла лицо руками, медленно осела на лавку, где стала сгорбленно сотрясаться. Такое оно, добро.

Вспомнил: среди книг, что привез ей, мелькнул Горький. «Мать». Теперь подумалось — чтоб все вместить в это слово, наверное, одной книги мало. Да и ту не читал. Ну ничего, на складе поищу.

Проезжая мимо магазина на перекрестке, услышал крики: «Гэтть отсюда эту лявру!» Из павильона выскочила, нервно хохоча и отмахиваясь от какой-то тетки, Желтый Халат. Правда, была она не в желтом халате, а вполне себе в штанах и куртке. Хоть один человек, который смеется.

За пять минут до

— Ладно, пора, наверное, — говорит Юра.

Но сам медлит, не идет к выходу. Непонятно, о чем он — собирается выдвигаться *туда* или, наоборот, сваливать? *Туда* уже и не зайти. Арта как раз в ту сторону наваливает. Гуще, гуще. Похоже, решили перепахать всё. Наверное, и заходить будут. После разрывов — треск, фейерверк. Кассеты.

Взгляд непроизвольно мечется к пустым проемам на каждый выбух. Но отсюда не видно, только звук. Здание школы, в котором сидим, бомбили при контрнаступе, окна утратили форму — просто проемы. Сидим на первом этаже — что-то типа холла, по бокам угадываются обваленные секции кабинетов. Выше — руины, крыли сильно. Но крепче здания в поселке нет. Точка встречи. Те, кого ждем, должны прибыть сюда.

Дождя нет, как назло. С неба срисуют сразу, особо не поездишь.

— Может, выберутся.

Юра обводит всех взглядом, словно спрашивая ответ. Ответа нет. После арты пойдут штурмовые, по ним начнет работать наша арта. Следом наша зачистка. По ней начнут тяжелым бандеры, потом запустят своих. И так без конца. Не выберутся. Юра смотрит на часы. Минуту назад тоже смотрел. И за минуту до того.

— Пора. — Но остается сидеть.

Уже часа два, как назначенный срок минул. Есть повод нервничать. Ясно же, если б могли — прибыли бы заранее. Что-то не так. Но понятно, где-то там, за пределами видимости, люди борются. Может, бегут, но скорее всего — сжались комочками в содрогающейся темноте. Сейчас самая большая их борьба.

Стоим на невидимой границе. Просто ждем исхода. Выйдут или подадут знак — отвезем в жизнь, не выйдут — по ту сторону их без нас доставят. Перевоз. Юра и есть перевозчик. Не мифический, настоящий. Эвакуирует. Может, сейчас как раз Харону в глаза и смотрит — уставился куда-то немигающим взглядом.

— А? — Юра вырывается из своих видений. Но никто ничего не говорил.

Время капает помаленьку. Странно, вроде каждая секунда мучительно тягуча, а счет им размыт: непонятно, сколько сидим. Ощущение — как в сказке какой-то или во сне. Будто мы персонажи. Начнутся события, оживем, а пока застыли в безвременье. Просто сидим. Сторожим время. Снаружи мерно ухает.

Если закрыть глаза, можно представить себя дома, у моря. Сидишь себе в защищенном месте, а где-то недалеко волна бьется о пирс. Помню, в детстве поехали с родителями, море волновалось тогда, купаться нельзя, — так вот стоял, а где-то в темноте передо мной сердилось все, с разгона шлепало о причал. Облака взвеси, капельки садятся на нос, очки туманит. Удар, вздох бетона, шипение, еще. Подумалось тогда пошкольному: если в кубометре воды тонна, то какая масса бьет в мой отрезок бетона? Это ж какая мощь! Так стихия и пленила. Непередаваемое. Море, море. Будто из другой жизни. А сейчас здесь. — Смотри-ка, ближе кладут. Так и до нас скоро...

Лень даже тревожным взглядом обменяться. Незачем. Рано или поздно до всех дойдет. Но пока еще можем выехать. Те, там, сидят сейчас в блиндажах или погребах, тоже покорно ждут. Преданы высшим силам. Пронесет — хорошо, выжил. Не пронесет — понять не успеешь. Вот и вся война. Нехитрое, в общем, дело. Поставили задачу — иди. Дошел — окапывайся, сиди, терпи. Когда сверху смотришь, напоминает муравьиную жизнь. Не представляю, как быть дроноводом. Нечеловеческий какой-то вид. Фигурки маленькие, одинаковые, движения схематичные. Вытянулись в цепь, просеменили, уперлись, сбились в кучку, переждали, рассредоточились, давай рыть, обустроиваться. Фиксируешь их, как инсектолог, пересчитываешь, отправляешь данные. Опасность с неба — разбежались, затихарились все, будто нет никого. Только миновало — хоп, снова высыпали, трупики отложили; поправят норки, рассредоточатся, оглядятся, попробуют продвинуться.

Вон и здесь мураши бегают в щель бетона. Вездесущие. Пара месяцев как школа пустует, а они уже обустроились. Конечно, им тоже не позавидуешь. Только сделают все как надо — норки, туннельчики, комнатки, личинок заведут, тут явится человек, все перепашет, перевернет по неведомому замыслу и исчезнет. И снова тишина. Снова затевать стройку. Хотя, может, это все на разные поколения выпадает — не знаю, сколько они живут.

— Посмотри, там есть мои? — опять запрашивает рацию Юра.

Та что-то хрипит в ответ. Понятно, армейским сейчас не до того. Но посмотрят. Юру знают. Он вытягивает гражданских, попавших под каток войны. Конечно, и солдатиков тоже, если рядом оказался, но обычно наоборот — армейские вывозят мирных на броне вместе со своими. Вообще, эвакуация еще два месяца назад была. Но людей не заставишь, не увозить же насильно. «Куда я поеду», — отмахиваются. Надеются, что пронесет. Какое-то природное упорство — остаться в своих маленьких домиках, у своих крохотных огородов. Вот я, вот мой удел, с ним участь моя. Трудно скovyрнуть человека с места. Без этого

пустота. Свое место — оно только одно, создал такое в жизни, хоть крохотное, держись, не упускай. Как без этого жить? Я их понимаю. У самого детства деревенское. Без этого упрямства на земле и не выжить. Копаешь, сажаешь, обрабатываешь. Везде, насколько можешь освоить. И кажется, ну куда столько, в жизни это не переделать. А нет, потихоньку, шаг за шагом, облагораживаешь, обустройстваешь свое. Делай что положено, на небо не оглядывайся, там свои планы. Будет урожай, нет — дальше не от тебя зависит. Наломает, зальет — ну, так получилось. Просто продолжай. Да и любое настоящее дело так. Строишь, по крупинке создаешь, только начинаешь подниматься — то кризис в стране, то законодательство меняется, то еще что. Волной облизет, смотришь — только остов на песке. Но надо продолжать. Иначе никак, зачем тогда всё?

— Может, и выберутся.

Рация снова хрипит что-то. Юра напряженно смотрит сквозь нее, сквозь радиоволны и планшет далекого оператора, через глаз невидимого дрона. Весь там. Но пока ничего. Бывают такие ситуации. Планировали спокойно, а тут такое. Еще вчера можно было. Глава семейства, молодая тетка — мужчины здесь вообще редкость, — не решилась, замешкалась, включила мелочность. Вот ей собрать кое-какой скарб, вот ценное по-прятать, окна заколотить. И детей одних не отдала. Детей, дура.

— Скоро темнеть начнет, — говорит Юра. Не двигается с места.

Может, и поздно уже. Детей жалко. Вот к людям подходит смерть. Не тайком, не по охотке, а вот так, с фанфарами, фейерверками. Уже не отмахнешься, видно издалека — самое большое событие жизни грядет. Обычно только тут люди понимают вдруг, что бывает и что-то необратимое, окончательное. Сами как дети. Думали, что вечные. Начинают суетиться, как общажные тараканы на нагреваемом чайнике, — охают, бегают, хватаются за все. Куда бежать? В детстве, помню, учили: когда землетрясение и свет гаснет, нужно взять за руку ближайшего человека и так вместе выходить. Бывало, электричество отключалось — и сразу хватались за руки, но я, слава богу, ощутимых землетрясений не застал. Просто отключалось электричество. Это было давно. В прошлой жизни. В другой стране. В этой же самой стране, но другой. Где найти такую руку сейчас?

— Верба, верба. Посмотри. Еще. Раз, — чеканит Юра в рацию.

Та тихо, бессловесно шипит.

Кто он им, тем людям? Вот является какой-то незнакомец. Собирает их, сам в напряженном возбуждении, крадет из-под злого взора богов войны. Иногда — тихо крадучись по темноте без фар, иногда — экстремальным ралли по бездорожью. Боги зорко следят за любым движением, сделанным без их ведома. Не любят такого. Стараются прихлопнуть на всякий случай, не разбираясь. Но вот, наконец, опасности позади. ПВД³. Какие-то незнакомые заботливые люди, которые, оказывается, ждут эвакуированных, выделяют им уголок для существования. Юра

³ ПВД — пункт временной дислокации.

постоит еще какое-то время, скажет пару каких-то неловких слов, помолчит, перекрестит на прощание. И уйдет навсегда из жизни тех, кого спас. Кто он им? Кто-то неизвестный, необъяснимый, чужой.

— Всё ближе кладут. Пора, наверное.

В Горском девочка живет, иконы рисует. Тоже как-то приехали эвакуировать, а семья отказалась. Мамки нет, немолодой уже отец и трое дочерей. Нет, говорят, не надо нас вывозить, мы остаемся. Только краски нужны. Какие, блин, краски? Верят, что под защитой. Посмотрели — действительно, красиво пишет. Худенькая, лет четырнадцати. Вроде и канонически, что-то неловко немножко, но даже живее получается. Всё сплошь Святой Георгий да Богородица — ее с мамки своей, наверное, пишет. Защитники. Оба на небе. Что тут поделаешь? Но младших забрали, уговорили. Горское пронесло, не зацепило. Когда фронт отступит, воссоединятся. Неясно, скоро ли. Кстати, краски нашли девочке специальные. Передали лаки, кисти, еще что-то. Те — икону в дар. Я не стал брать. Может, обидел даже, не знаю. Помню, еще маленький был, деда хоронили, священник объяснял замысел Божий. А я стоял и не верил, не верил. Крутилось в голове — не может быть, врут они все.

— Выходим, — говорит Юра. Оценивающе оглядывает нас.

Уже вчера понятно было — начинается. «Чего ж сидели до последнего?» — спросили. «Да вот, думали, как-то пронесет», — сказала глава семейства. И детей не отдала. Вот же. Упрямая. Самые упрямые здесь и собрались. Селяне эти, и Юра, и те, кто в рации говорит, и противник. Непонятно, кто победит. Упорство, побеждает всегда именно упорство, бывает, и законы природы поворачивают вспять.

До войны, в другой жизни, где много всяких морей посетил, я видел странный обряд. Собираются раз в неделю ночью на берегу — бьют в барабан и посудыны всякие, ждут знака. У них там с погодой не очень, раз в год бывает неожиданный катаклизм. Так вот, стучат, ждут — сегодня или в другой раз? Вроде пронесло. Расходятся усталые, но успокоенные. Не в этот раз.

Темнеет. Детей жалко. Вот бы хоть какой знак.

— Пора, — говорит Юра.

Спыхватываюсь, разжимаю пальцы. Надо же, задумался, чуть ладони не проткнул. Надо бы ногти постричь.

Ухает стихия. Юра стоит на берегу, смотрит вдаль. Конечно, не на берегу, а у бетонного проема. Но смотрит куда-то туда, как в море. Скоро совсем стемнеет.

Народные мемуары

Валерий ГАБРУСЕНКО

ЧТО БЫЛО, ТО БЫЛО¹

* * *

Трудно представить советскую эпоху без лозунгов. Над воротами старого зоопарка когда-то висел плакат со словами знаменитого селекционера Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее — наша задача!» Действительно, не ждать же, пока звери сами придут в город и добровольно заберутся в клетки!

У проходной спиртзавода (который снесли при расширении ул. Большевистской) висел такой лозунг: «Только труд приносит радость человеку!» Тут ни убавить, ни прибавить.

При выезде из-под железнодорожного моста на шоссе в сторону аэропорта Толмачево стоял огромный щит с лаконичными, как удар дубины, словами: «Коммунизм неизбежен!» Создавалось ощущение, что спрятаться от коммунизма некуда. Тогда мы и предположить не могли, что когда-нибудь вместо идеологических лозунгов появится наглая, во сто крат более назойливая коммерческая реклама и заполнит собой все обозримое пространство.

* * *

Объявление в НИИЖТе: «6 ноября состоится торжественное собрание, посвященное Великой Октябрьской социалистической революции. Явка сотрудников и студентов обязательна. Вход свободный». Про выход ничего написано не было...

* * *

Столь же трудно представить советскую эпоху без очередей в магазинах. В 1950—1960-е годы в основном стояли за продуктами питания. В те годы в центре города в старинном одноэтажном доме рядом с кинотеатром «Пионер» работал магазин «Мясо», где после долгого стояния можно было купить говядину или жирную свинину. Однажды

¹ Окончание. Начало в № 5/2024

и это не помогло — мясо быстро закончилось. Народ не поверил, начался скандал с обвинениями дирекции в умышленном сокрытии товара (отпускать дефицитный товар «по благу» с черного хода было общепринятой практикой). Громче и обстоятельнее всех возмущался один крепкий пенсионер. Однако после того как его отправили «народным депутатом» для переговоров с дирекцией, обратно «депутат» не возвратился. Как выяснилось, ему нагрузили полную сумку мяса и проводили через черный ход. Много изменилось в нашей жизни за 60 лет, только повадки «народных избранников» остались прежними.

В связи с этим случаем вспоминается старый советский анекдот. Собралась большая толпа, ожидающая открытия мясного магазина. Выходит на крыльцо директор:

- Русские есть?
- Есть!
- Говядины не будет.
- Украинцы есть?
- Есть!
- Свинины не будет.
- Татары есть?
- Есть!
- Баранины не будет.
- Коммунисты есть?
- Есть!
- Разъясните международную обстановку!

* * *

В 1957 году я второй раз побывал в гостях у дяди в Крыму, теперь уже в украинском (Хрущев его передал из состава РСФСР в состав УССР в 1954 году. — *Ред.*). Все было, как прежде, все говорили по-русски, только надписи на двух языках вызывали смесь любопытства с отторжением. Особенно потешили надписи у мраморных львов, охраняющих вход в Воронцовский дворец. Внизу по-русски была надпись «Спящий лев» — по-украински «Лев, що спыть». Выше по лестнице — «Пробуждающийся лев» (укр. «Лев, що трохи не спыть»). А на самом верху — «Бодрствующий лев» (укр. «Лев, що не спыть»). Сразу подумалось: «А что, в украинском языке причастий нет?»

* * *

По окончании школы я решил поступать в Сибстрин и стать архитектором, но не хватило одного балла (в сочинении «не раскрыл образ» какого-то героя и получил тройку). Поскольку к тому времени экзамены во всех вузах прошли, меня взяли только на вечернее отделение железнодорожного института (НИИЖТа) по специальности «Промышленное и гражданское строительство». Так как заочники и вечерники были обязаны работать по специальности, пришлось устраиваться работать на стройку. Вместе со мной пошел мой уличный приятель Сережка Попов. Кадровичка предложила написать заявления о приеме на работу.

Серезка написал его так: «Заявляю о своем желании работать в вашей организации разнорабочим на стройке». Кадровичка сказала, что нужно писать не «Заявляю...», а «Прошу принять на работу...». Серезка спорить не стал, написал, как она требовала, но вместо слова «Заявление» написал «Прошение». Его железная логика (если «заявление», то «заявляю», если «прошу», то «прошение») на тетку не подействовала. В итоге Серезку на работу не приняли.

Проработав на стройке год, я решил вновь поступать в НИИЖТ на дневное отделение. Поступление совпало с очередной хрущевской «реформой». На сей раз три четверти мест выделялось абитуриентам с производственным стажем не менее двух лет либо демобилизованным солдатам. Все остальные должны были приобрести соответствующий стаж во время учебы. В результате на оставшуюся четверть мест был огромный конкурс. При зачислении выяснилось, что в нашу группу вне конкурса с целью «подготовки национальных кадров» включены шесть казахов, сдавших вступительные экзамены у себя дома «на отлично». Шестеро русских, уже считавших себя студентами, были отправлены за борт. Из «наших» казахов до диплома дошел только один...

Наша группа два года работала на строительстве правого крыла НИИЖТа, а по вечерам училась. В результате учились мы шесть лет. Зато я сделал «головокружительную» карьеру — от землекопа до крановщика башенного крана.

А о том, что не стал архитектором, я не пожалел. После хрущевского «Постановления об устранении архитектурных излишеств в проектировании и строительстве» (1955 год) и перевода строительства на типовые проекты и сборный железобетон архитекторам оставалось только, как детям, собирать дома из кубиков и расставлять их на плане. Повезло лишь тем, кто проектировал административные здания, дворцы культуры и подобные нетиповые объекты.

* * *

В 1959 году был расформирован Тбилисский железнодорожный институт. Часть его студентов приехала доучиваться к нам. Среди них выделялся блондин по фамилии Голубев, который говорил с подчеркнuto грузинским акцентом и общался с нами, аборигенами, через губу. Впрочем, и с настоящими грузинами «дружба народов» не успела сложиться. Вскоре их, включая Голубева, отчислили за неуспеваемость. С грехом пополам до диплома дотянул лишь один, да и тот с фамилией Шустер.

* * *

Долгие годы существовала вражда между студентами НИИЖТа и мединститута, общежитие которого находилось неподалеку от нас. Корни вражды уходили во времена, когда НИИЖТ еще был НИВИТОм (институтом военных инженеров транспорта) и в нем учились преимущественно парни. Объектом их повышенного внимания, естественно, становились студентки-медики, что не нравилось студентам-медикам. И хотя в мое время в НИИЖТе уже училось немало девчонок, вражда

сохранилась. Чаще всего она проявлялась в кулачных потасовках на танцах в общежитии медиков.

Апофеозом вражды стал инцидент, инициаторами которого были мостовики. На их факультете невесты всегда были в дефиците. На военных сборах мостовики умудрились стащить 200-граммовую толовую шашку с огнепроводным шнуром и капсюлем-детонатором, которой по приезде в Новосибирск попытались взорвать мужскую часть общежития медиков. Взрыв произвел большой общественный резонанс, но оказался жидким — у здания снаружи было лишь слегка повреждено несколько кирпичей. Исполнителей не нашли. Больше всех возмущался интеллигентнейший Николай Павлович Зиновьев, подполковник-фронтовик, читавший на военной кафедре курс по заграждению (минированию) железных дорог. На первой же после этого события лекции он укорял студентов своим глуховатым басом: «Мне стыдно за вас! Все, чему я вас учил, — псу под хвост. Толовой шашкой при правильной установке можно разрушить пролетное строение большого моста, а вы не смогли разрушить даже трех кирпичей!»

* * *

Однажды мокрым осенним вечером мы с приятелем проходили около здания Совпартшколы (теперь здесь находится архитектурный университет) и обнаружили на тротуаре воротник из чернобурки. Не раздумывая, мы сдали его в расположенный неподалеку «Пункт охраны общественного порядка» (таких пунктов в городе было много). Дежурный милиционер принял находку и записал наши данные. На удивление, воротник нашел свою ветреную хозяйку, которая не поленилась съездить в НИИЖТ и выразить благодарность руководству. О ее визите я узнал из институтской газеты «Кадры — транспорту», где была напечатана заметка под названием «Молодец, Валерий!». Начиналась она так: «Валерий Габрусенко известен в институте как музыкант, активный участник художественной самодеятельности. А недавно нам сообщили о нем следующее...» — и заканчивалась словами, вынесенными в заголовок. После этой заметки мне проходу не было. Все знакомые парни ехидно приветствовали меня словами «Молодец, Валерий!». А кульминацией стало обращение ко мне одной дуры из учебной части с просьбой найти ее вещь, тоже потерянную на улице...

* * *

Практические занятия по строительной механике у нас в группе вел почти наш ровесник, только что окончивший институт молодой преподаватель Виктор Б-ков. На первом занятии он страшно волновался и постоянно делал ошибки, которые сам же исправлял. После очередной корректировки он не выдержал «солидной» позы и произнес: «Что-то я сегодня все описываюсь и описываюсь». Хохот в аудитории деморализовал его окончательно...

Курс технологии строительного производства нам читал бывший фронтовик В. И. Воротников. Свой предмет он очень любил, лекции читал, как стихи декламировал, а первую лекцию начал с особым пафосом:

«Товарищи, залп “Авроры” возвестил новую эпоху в развитии строительного производства!» Перед войной он начинал учиться на филфаке, хорошо знал литературу, а в наше время был автором многочисленных пародий и эпиграмм. На одном из литературных вечеров, которые регулярно проводились в институте, он под дружный смех аудитории прочел свой «Семиугольный огурец» — язвительную пародию на «Треугольную грушу» А. Вознесенского.

Как-то идем мы с сотрудником кафедры (я тогда уже работал в институте) и встречаем Воротникова. Коллега говорит: «Поздравьте, Владимир Иннокентьевич, его (указывая на меня), у него сегодня родилась дочь». В ответ звучит: «У, бракодел!» Сотрудник, большой сноб, отвечает: «Позвольте! А вот Хемингуэй считает, что только у настоящих мужчин рождаются девочки». На что Воротников чеканно продекламировал: «К литературе страсть имея, // Купил себе Хемингуэя. // Скажу по совести, друзья, // Не понял ни хемингуэя».

В то время работал в НИИЖТе доцент Х-пов, этакий хомячок невысокого роста и плотненького сложения. Он только что защитил кандидатскую диссертацию. Однако в ВАКе (Высшей аттестационной комиссии, которая принимает окончательное решение) диссертация чем-то не понравилась, и его вызвали в Москву. Идет он по институтскому коридору с телеграммой, хватается за сердце и падает в обморок. Естественно, в Москву шлют телеграмму, что Х-пов из-за сердечного приступа приехать не может. Проходит время, поступает второй вызов, и история повторяется. В конце концов в ВАКе решили, что Х-пов, как видно, не жилец, и защиту его диссертации утвердили. Тот прожил еще лет сорок без единого сердечного приступа...

Курс металлических конструкций у нас вел сам зав. кафедрой Федор Федорович Краснов — замечательный лектор, интеллигентный и мудрый человек. Как-то, уже работая в институте, встречаю его стоящим возле аудитории, где студенты сдавали экзамен. О чем-то разговорились, а потом он сказал: «Ну, мне пора. Думаю, они уже списали все, что надо». Он не препятствовал списыванию, разумно полагая, что все формулы, особенно если они эмпирические, с разнообразием коэффициентов, студент может только механически вызубрить, а не выучить. При этом Ф. Ф. было достаточно задать три-четыре вопроса, чтобы безошибочно узнать, понимает ли студент, что написал. Когда я учился у него, один наш отличник на этом попался и получил тройку.

Другой лектор с той же кафедры, Я. С. Левенсон, слыл «либералом». Принимая курсовые проекты, он не читал расчетно-пояснительной записки, не задавал вопросов и не требовал защиты, а мельком просматривал чертежи и ставил четверку. Если студент хорошо знал предмет и четверка его не устраивала, Левенсон без лишних вопросов ставил пятерку. Оттого прием курсовых работ занимал у него от силы два часа, а не целый день, как у других.

Однажды вместо заболевшего лектора две лекции по математике нам блестяще, с артистизмом прочел сам зав. кафедрой Савелов. Мы слушали их, затаив дыхание, все было доходчиво и понятно. Однако,

раскрыв потом тетради, обнаружили, что конспектов нет, есть только отрывочные фразы и формулы и без учебников обойтись нельзя. Полной противоположностью Савелову был лектор по физике, женщина (забыл ее фамилию). Она два часа подряд монотонно читала свои конспекты, а мы писали, не успевая соображать, о чем пишем. Зато по ее лекциям можно было сдавать экзамены, не заглядывая в учебники. Когда я стал читать лекции сам, старался придерживаться золотой середины.

В молодости я любил шутить, особенно когда попадалась благодарная публика. Иногда бывал настолько «в ударе», что компания покатывалась со смеху. Однажды эта публика меня и подвела. Был у нас в группе слегка заикающийся студент Игорь И-цев, человек умеренных знаний и усердия. В обычном разговоре его заикание было совершенно необременительным, но когда он сдавал курсовой проект, зачет или экзамен, то заикался так сильно, что преподаватели, не выдерживая пытки, ставили ему четверку (да еще грызли себя сомнениями, не занизили ли оценку).

Я решил воспользоваться его опытом при сдаче зачета по санитарной обороне (существовал и такой предмет!), к которому был совершенно не готов. Принимала зачет молодая врач. Беру билет, делаю вид, что готовлюсь, и иду отвечать. Первый же свой звук я начал с протяжного воя с сильным прерывистым вдохом, высовыванием языка, энергичным подергиванием головы и закатыванием глаз — в общем, все как у настоящего дефективного. Врач сочувственно смотрит на меня, пытается подсказывать, но без толку. Все дело испортили сидевшие в аудитории одноклассники. Они долго крепились, но не выдержали и зарыдали от смеха. Я в сердцах сказал нормальным голосом: «Вот черти!» На этом представление закончилось. Зачет я не получил. Пришлось готовиться по-настоящему.

* * *

Военные сборы студенты НИИЖТа проходили в железнодорожных войсках на станции Саянская строящейся линии Абакан — Тайшет. Месяц пребывания в армии оставил в моей памяти несколько событий.

Перед нашим приездом на сборы в части произошло трагическое событие. Во время ледохода на небольшой речке Майне майор-подрывник, оставшийся невредимым в войну, бросал с берега на лед толовые шашки — взрывами крошили льдины во избежание затора перед опорами временного железнодорожного моста. Длина огнепроводного шнура была рассчитана ровно на такое время, чтобы его можно было поджечь и забросить шашку подальше. Работа была утомительно однообразной, притупляющей внимание. Что-то отвлекло майора после того, как он поджег шнур. Он не успел бросить шашку, и она взорвалась в его руках...

Командиром нашего взвода был молоденький лейтенант, лишь на два-три года постарше нас. Он был исключительно прост в общении, без командирского чванства и заискивания перед более образованными студентами, но никому из нас не приходило в голову обращаться к нему фамильярным тоном. Военное дело он знал великолепно, многому нас терпеливо учил и тратил на это все свое время. Одним словом, был «отцом-командиром», и мы платили ему уважением и полным доверием.

Руководство стрельбой на 25 метров из пистолета Макарова вел подполковник Никифоров, блестящий строевик, орденосеиц, прошедший всю войну. При стрельбах он стоял на безопасном расстоянии — метрах в десяти сбоку от мишени. Подошла очередь последнего оставшегося в нашей роте (на 4-м курсе) казаха. Тот долго целится, зажмурив один глаз, потом зажмуривает второй и стреляет. Никифоров падает как подкошенный (пуля просвистела рядом с его ухом) и лежа кричит: «Не стрелять!» Затем встает побледневший и подходит к казаху. Тот вместе с пистолетом на вытянутой руке поворачивается к Никифорову. Никифоров уже спокойно командует: «Убери оружие». Тот поворачивает пистолет на нас. Тогда подполковник резко выхватывает пистолет из руки незадачливого стрелка и начинает крыть его так, как это может делать только русский человек в минуты особого вдохновения.

* * *

Учился в нашем потоке некий С. В-штейн. Поработав после окончания института непродолжительное время вместе со мной в НИЛ (научно-исследовательской лаборатории) железобетона, он сообразил, что там для написания диссертации нужно много пахать, и наострил лыжи. Я попытался его отговорить, убеждая тем, что работа в НИЛ интересна в творческом отношении и дает большую практическую пользу стройиндустрии. На это он мне возразил: «О человеке общество судит не по тому, что он сделал для общества, а по тому, что он сделал для себя». К сожалению, фраза очень точная, и мои жизненные наблюдения ее слишком часто подтверждали. Сам В-штейн был силен не только в теории, но и в практике: он переориентировался на экономику (конечно, социалистическую!), где быстро защитил кандидатскую, а в конце 1980-х и докторскую диссертацию, и стал профессором института народного хозяйства. Надо полагать, что в 1990-е годы он с тем же успехом рассказывал студентам о пороках социалистической экономики и сплошных достоинствах капиталистической...

Валера К-тов был в нашей группе самым слабым студентом — он перевелся к нам с вечернего отделения на третьем курсе, а до того безуспешно учился в театральном училище. Он не знал, что такое дифференциалы и интегралы и даже что такое логарифмы, синусы и косинусы. Выглядел он каким-то беззащитным и жалким, поэтому ему все помогали: то в курсовом проектировании, то в подготовке к экзаменам и зачетам. А он все время приговаривал: «Ребята, вы же умные, куда мне до вас». Сиротинушка, да и только. Однако, к всеобщему изумлению, вскоре после окончания института он первым из всего потока защитил кандидатскую диссертацию. Как это ему удалось? Наверное, так же, как он делал курсовые проекты...

* * *

В 1950—1960-е годы НИИЖТ прочно держал первое место среди вузов города (консерватория не в счет) по самодеятельности и спорту. Наш ректор Николай Павлович Кондаков всячески поддерживал эти

направления, не забывая о главном — учебном процессе и научной деятельности. Выпускники института пользовались большим спросом в городском строительном сообществе и среди транспортников, чему способствовали прекрасные научные школы и преподаватели.

Концерты самодеятельности в НИИЖТе были на высоком уровне. В первом отделении исполнялись музыкальные номера из мировой классики. Выступал духовой оркестр, оркестр народных инструментов и танцевальный ансамбль, солисты — певцы и музыканты. Открывал концерты хор с ритуальной песней о Ленине или о партии, а потом переходил к русским народным песням или к хорам из классических опер. Студенты в зале не только внимательно слушали классическую музыку, но и часто устраивали овации.

Второе отделение было «полегче» — эстрадный оркестр с хорошими песнями, танцоры и модный в те годы «театр миниатюр». В памяти осталась пародийная защита диссертации на тему «Влияние лунного света на износ рельсов» и пародия на детектив: несмотря на упорные поиски шпиона людьми в форме, ловит его хрупкая пионерка — применяет приемы самбо, валит на землю, связывает своим галстуком ему руки, садится на него верхом и, подняв вверх руку, звонко произносит: «Чтоб совсем положительной быть, буду бдить, буду бдить, буду бдить!» Эта задорная пионерка потом стала моей женой...

«Генеральным» руководителем самодеятельности и одновременно руководителем духового оркестра был Владимир Кузьмич Фугенфилов (за глаза просто Кузьмич), ровесник века, фанатично преданный музыке. Музыкально неграмотные мальчишки осваивали у него нотную грамоту и учились играть на гобое, кларнете и медных инструментах. Был он невысокого роста, полноватым, эмоциональным и, несмотря на возраст, подвижным и энергичным. Если над кем-то из его подопечных нависала угроза отчисления, он врывался в кабинеты заведующего кафедрой, декана, а то и самого ректора со словами: «Вы что, хотите мне концерт сорвать?» (Варианты: «...лучший в городе оркестр загубить?», «...самодеятельность института развалить?»)

На последних курсах обучения я, выучившись сносно играть на трубе, стал официальным руководителем эстрадного оркестра НИИЖТа. Впервые за историю НИИЖТа оркестр занял первое место в городском конкурсе самодеятельности вузов.

В те годы одной из самых популярных песен была «Хотят ли русские войны». Пел ее Женя Д-ов — обладатель симпатичного мужественного лица, статной фигуры и превосходного густого баритона. На репетициях все прошло гладко. Однако на институтском концерте (это было его первое в жизни выступление) случился казус — Женя от волнения забыл слова. Спел первую строчку: «Хотят ли русские войны...» Оркестр: «Та-та-та-та». Женя молчит. Оркестр опять: «Та-та-та-та». Женя молчит. Ему уже громко подсказывают не только из-за кулис, но и из зала, а Женя молчит, как в оцепенении. В конце концов, он убежал со сцены и за кулисами разрыдался. Его успокаивали, как могли. К сожалению, в дальнейшем выступать на сцене он наотрез отказался.

* * *

Окончание сессии наша небольшая приятельская компания, человека три-четыре, часто отмечала дома у одногруппника Алика Басова. К столу всегда приглашали его бабушку, сухонькую, энергичную, но почти слепую старушку лет восьмидесяти «с хвостиком». Выпьет она с нами рюмочку, а вторую уносит в свою каморку, оставляет «для лечения». Как-то раз возвращается с пустой рюмкой:

- Ой, Алька, налей еще, не донесла я.
- Что, бабушка, пролила?
- Да нет, не удержалась, по пути выпила.

Моя бабушка, выпив полрюмочки некрепкого вина, всегда приговаривала: «Ох, крепка Советка власть!» В те далекие 1950-е годы власть была действительно крепкой, а вино, даже самое недорогое, очень хорошим. Так продолжалось до 1970-х годов, когда прилавки заполонили «Рубин», «Солнцедар» и прочая гадость, прозванная в народе «чернилами».

* * *

Тетушка Ира приезжала к нам каждый год навестить старенькую маму и сестер. В 1960 году я повел ее на оперетту «Поцелуй Чаниты» в недавно открывшийся Театр музыкальной комедии, где и сам до тех пор ни разу не был. Мне, воспитанному на операх, все — и солисты, и хор, и оркестр — показалось ужасно примитивным, на уровне плохой самодеятельности. Тетушка, чтобы не обидеть меня, делала вид, что с удовольствием слушает (или смотрит — до сих пор не знаю, слушают оперетту или смотрят). К счастью, в театре оказался хороший буфет, куда мы отправились в первом же антракте и выпили по рюмке какого-то хорошего вина. Посему второй акт нас уже не раздражал. В следующем антракте поход в буфет мы повторили, и третий акт нам уже понравился, даже очень.

К опере меня с детства приучила тетушка Вера, заядлая театралка. Сказались и коллективные посещения всем классом. Регулярно я там бывал в студенческие годы, а позже ходил в оперный театр с женой и с дочерью.

Однажды я взял три билета на «Травиату», но дочь отказалась идти — она работала почтальоном и упорно готовилась к повторному (на сей раз успешному) поступлению на восточный факультет Дальневосточного университета во Владивостоке. Услышав наш разговор, вместо сестры запросился в театр девятилетний сын Сергей, пообещав, что выдержит все три акта. После первого мы пошли в буфет и взяли сыну пирожное и еще что-то вкусненькое, после второго поход в буфет повторили. Тогда пирожные были натуральными, а цены копеечными. Сын действительно выдержал все три акта и, судя по выражению лица, слушал внимательно и с интересом. После «первой пробы пера» мы с ним стали регулярно ходить в театр и на концерты. Разумеется, с посещением буфета. Я потом шутил: «Путь к высокому искусству лежит через желудок».

Уже много лет мы с женой в оперу не ходим. Режиссеры с нетрадиционной жизненной ориентацией в большинстве постановок извратили все, что можно. Не дошла пока очередь только до «Князя Игоря».

Поскольку у дочки с раннего детства проявился отличный музыкальный слух, мы решили отдать ее в музыкальную школу. Узнали, что на собеседовании требуется повторить ладошками ритм мелодии, спеть несколько песен и выполнить еще что-то, и начали готовиться. Одна из песен, которую я выбрал для репертуара дочери, была о Гражданской войне — «Там, вдали за рекой». Однажды на домашней репетиции поем мы с ней под мой аккомпанемент на фортепиано первый куплет, второй, а на третьем вдруг замечаю, что пою я один. Оборачиваюсь, а Танюшка тихо и горько плачет — ей стало жалко молодого бойца.

Одна из наших походных песен, когда мы с ней, трех-четырёхлетней, бывали на природе, была «Солдатушки, браво, ребятушки». Одну фразу дочка пела так:

- Наши жены в пушки заряжены.
- Таня, почему в пушки-то?
- А куда их еще девать!

* * *

Свою будущую жену я пригласил на первое свидание на бульвар на Красном проспекте. Пришел к назначенному времени, сел на скамейку и в ожидании стал читать газету. Читал я, не отрываясь, до прихода дамы моего сердца. Когда взглянул на часы, оказалось, что она опоздала на полчаса. Если бы я посматривал на часы почаще, то ждать больше 15 минут ни за что бы не стал (самолюбие-с!), свидание бы не состоялось, а знакомство, возможно, на этом прекратилось. Так простая советская газета (не помню ее название) сыграла решающую роль в моей судьбе и в судьбе моей жены Ирины Петровны. Поженились мы рано и, вопреки статистике, прожили вместе 61 год.

* * *

В 1963 году мне довелось впервые встретиться с проявлением русофобии. Мы с женой были на Иссык-Куле в доме отдыха Сибирского отделения Академии наук СССР. Поскольку дом отдыха стоял на киргизской земле, местные власти бесплатно забрали себе половину мест, не отягощая себя затратами на эксплуатацию, при этом надавали путевок вдвое больше вместимости дома отдыха. Поехали мы однажды на экскурсию в Семеновское ущелье, получили на каждую группу из шести человек сухой паек. В нашей группе оказалась одна казашка, преподаватель вуза из Алма-Аты. За чаем у костра она нахваливала свой город, а потом неожиданно сказала: «Идешь по улицам и не понимаешь, чей это город — русский или казахский?» Я опешил, но достойного ответа дать не сумел — отечественную историю я тогда знал слабо. Пришлось более серьезно ее изучать и многое для себя открывать, даже по кастрированным учебникам истории СССР. Позднее, когда по производственным или научным делам я объездил почти все республики Советского Союза, мне это пригодилось.

* * *

В стройуправлении, где я работал до института, служил мастером некто Еременко. За какой-то брак в работе его на полгода понизили в должности — поставили бригадиром монтажников, строящих панельные дома. Когда окончился срок наказания, его решили восстановить в должности, но Еременко решительно отказался. У бригадира зарплата 350 рублей и выше, а у мастера, да не просто мастера, а старшего мастера, — 140 рублей, как у разнорабочего. Да еще ответственность за все: за качество, сроки, технику безопасности, своевременное поступление материалов, зарплату рабочим и т. д. Надо сказать, советская власть не очень жаловала инженеров, главным сословием для нее всегда был «гегемон» революции.

* * *

Зимой 1966/67 года я с сотрудником, моим хорошим товарищем Володей Строковым был в длительной командировке в Новокузнецке. Однажды он предложил съездить на выходные в соседний город Белово в гости к своему дяде Семену. Старик, стойчески перенесший в жизни много невзгод, оказался интересным собеседником.

В 1937 году, 1 мая, будучи крепко навеселе, он из самых патриотических побуждений полез на крышу сельсовета снимать красный флаг. Тот показался ему грязным, и он решил его постирать. Дядю Семена тут же сгребли и дали 10 лет по 58-й статье — за контрреволюционную деятельность. Просидел он «от звонка до звонка» и, вспоминая эти годы, рассказывал: «Зато с какими людьми сидел! Помню, рядом со мной на нарах был один инженер. Смотрит он на потолок барака и говорит мне: “Семен, выбей-ка ногой этот брус”. Я спрашиваю: “А крыша не рухнет?” — “Не рухнет”. Выбил я, а он мне велит: “А теперь с другой стороны!” Выбил я другой, а он говорит: “Вот теперь все нормально, а то дураки столько лишнего натолкали”». Как я понял, речь шла о деревянных фермах, статический расчет которых инженер сделал в уме и обнаружил ошибки. В наше время, когда людей с дипломами пруд пруди, такие специалисты уже почти не встречаются.

Наутро мы собрались уезжать, а дядя Семен слегка занедужил и решил подлечиться. Достает пол-литровую банку, полную разнокалиберных разноцветных таблеток. Выяснилось, что все таблетки, которые ему выписывали врачи, он ссыпал в одну тару и брал оттуда без разбору. Выпив при нас две какие-то таблетки, он через полчаса сказал: «Ну вот, теперь полегчало».

* * *

Осенью 1967 года я поехал в командировку в Москву на проходящем поезде. На нем возвращалось домой много демобилизованных солдат с Дальнего Востока. Оказались они и за моим столиком в вагоне-ресторане. Один сержант, крепко поддав, начал болтать о своей службе на аэродроме в городе Артеме под Владивостоком, о новых боевых самолетах и многом другом. Забавы ради я подначил его: мол, аэродром я этот

знаю, на нем стоят какие-то два десятка старых бомбардировщиков. Сержант повелся и начал перечислять не только марки, но и количество новейших самолетов. Я уже не знал, как его остановить, а потом сообразил. Достая свое красное, с гербом, удостоверение, прикрываю пальцами слова «путей сообщения», оставляю только «Министерство» и сую ему под нос. Сержант мгновенно протрезвел, встал, сделал руки по швам и стал лепетать что-то оправдательное. Я его милостиво отпустил, но предупредил, что если еще раз увижу пьяного, то пусть пеняет на себя. Шутка получилась жестокой, но полезной: в те годы за такую болтовню могли припать уголовную статью «за разглашение». И поделом!

* * *

В 1971 году мы с женой были в турпоходе по Военно-Сухумской дороге. В то время популярным киноартистом был Владислав Дворжецкий, с которым у меня было некоторое внешнее сходство. Проводник-карачаевец подозрительно часто посматривал на меня. Наконец, подошел и тихонько спросил: «Ты в кино играешь?» Я ответил отрицательно. Кавказец не поверил, начал горячиться и говорить о том, что он перевидал много разных знаменитостей и ему непонятно и обидно, почему я скрываю свою личность. Чтобы прекратить бесполезный разговор, я сказал ему доверительно:

— А ты никому не расскажешь?

— Клянусь, никому!

— Тогда только тебе одному скажу: да, я снимаюсь в кино. Только смотри, никому!

Проводник был на вершине счастья и пребывал на ней до самого конца перехода.

* * *

В 1970-е годы единственным специалистом по обслуживанию и ремонту ЭВМ в вычислительном центре НИИЖТа работал Саша К-лов. По мере расширения ВЦ были дополнительно приняты инженеры, и монополия Саши как будто исчезла. Однако если случались сложные поломки, он оказывался единственным, кто мог их исправлять. Подвела Сашу страсть к эффектам: уж слишком быстро он ликвидировал неисправности, причин которых часами не могли доискаться другие. Это навело на подозрения, за Сашей стали следить и в конце концов выяснили, что «неисправности» он устраивал сам. И делал это не из корыстных побуждений (никакой материальной выгоды он за это не получал), а только ради славы. Пришлось ему увольняться с работы.

* * *

Как-то среди моих студентов-вечерников оказался секретарь комитета комсомола НИИЖТа Павел Б-ров. Мне позвонили из парткома института с просьбой помочь ему с курсовым проектом и «отнести внимательно». Я скрупулезно просмотрел проект и нашел в нем массу огрехов. Главное, проект был попросту не закончен. Я отправил

комсомольского секретаря исправлять ошибки и приходиться, когда проект будет готов к защите. Через день приходит вновь — как прежде, важный и немногословный. Проект доделан, но многие ошибки не исправлены, и ни одного членораздельного ответа на мои вопросы. Похоже, человек совершенно не понимал, что делал (да и сам ли делал?). О положительной оценке и речи не могло идти. На следующий день меня пригласил для беседы секретарь парткома С. И. Черноусов, человек очень воспитанный. Он вежливо пытался убедить меня, что Б-ров выполняет ответственную работу, крайне занят и потому требует к себе особого отношения. Я долго слушал, а потом сказал: «Уважаемый Сидор Иванович, если я комсомольскому лидеру должен ставить четверки вместо двоек, то что мне ставить рядовым комсомольцам? Кроме того, главная задача комитета комсомола в вузе — мобилизовать комсомольцев на добросовестную учебу. А тут явное несоответствие получается. По-моему, Б-ров сидит не на своем месте». Так мы ни до чего и не договорились. А проект Б-ров сдал другому преподавателю. Тот был членом КПСС и звонок из парткома воспринял как партийное поручение...

* * *

Главным инженером крупнейшего в Новокузнецке завода сборного железобетона был Николай Павлинович Пуляевский — умница, человек прямой и бесхитростный. Когда его приглашали на заводское партсобрание, он отвечал: «Во-первых, я беспартийный, а во-вторых, мне работать надо, а не время на пустую болтовню терять». На него махнули рукой, приглашать перестали и терпели только потому, что по глубине знаний, производственному опыту и умению быстро находить грамотные выходы из технически сложных положений ему не было равных.

Как-то приезжаю к нему с нашей новой конструкцией балок, которая на четверть легче типовых и на 15 % экономичнее по расходу арматурной стали. Он посмотрел чертежи, задал мне массу вопросов и отметил, что балки ему очень понравились, но внедрять их у себя не будет. «Смотри сам, — сказал он, — экономия бетона 25 %, а экономия арматуры 15 %. Значит, на каждый кубометр бетона расходуется больше арматуры. А нам фонды на арматуру дают из расчета на куб бетона...» Таковы были издержки плановой экономики.

* * *

Однажды на лекции, с коими тогда часто выступали в НИИЖТе пропагандисты из горкома или обкома КПСС, зашла речь о садовых участках. Кто-то из аудитории задал вопрос: «Ну ладно, дачные домики размерами не больше, чем три на четыре метра. Но почему запрещено строить бани? Почему на Кавказе они разрешены?» Лектор ничего умнее не придумал, как ответить: «Мы должны учитывать национальные особенности других народов нашей страны». Это вызвало откровенную бурю возмущения: «Что, национальная особенность русских — ходить грязными?!» Лектор промямлил что-то нечленораздельное и на этом лекцию закончил.

* * *

Начальником отдела оснастки у нас в СКТБ (я там работал в 1970—1980-х годах) был Б. П. Ж-ский, человек среднего роста и сублильного телосложения. На всех праздничных застольях он быстро пьянел и становился сентиментальным. В таком состоянии он однажды зашел в мой отдел, подсел ко мне и предложил: «Давай, Валерий Васильевич, выпьем на... ну, как это...» Он долго вспоминал слово «брудершафт» и, наконец, промолвил: «Давай выпьем на эшафот!»

По части использования импортных слов он отличился еще не раз. Тогда на телеэкранах с утра до вечера мельтешил опостылевший Горбачев со своим «консенсусом». На одной из планерок разгорелся горячий спор между начальниками отделов. Борис Павлович решил всех примирить: «Что мы ругаемся! Давайте находить этот... косинус». Всеобщий хохот действительно всех примирил.

Работал в моем отделе заведующий сектором Леня Гр-нов. Читал он много, но был ужасно косноязычным. Его спрашивают: «Где такой-то отчет?», а он: «Где его судьба, я не знаю». На отдельных планерках свое выступление он начинал обычно словами: «Я хочу сказать вот какого содержания». Многие его фразы становились у нас крылатыми.

* * *

Сегодня невозможно представить, что в 1960—1970-е годы никаких досмотров в аэропортах не было: взвесил багаж, зарегистрировался и пошел на посадку. В 1970-е я был свидетелем одного сюжета. Стою в аэропорту Внуково в очереди на посадку. Передо мной полковник с небольшим чемоданом и генерал-майор налегке, оба одного возраста, оживленно беседуют между собой. Я подумал: вот прощаются старые сослуживцы-товарищи или однокашники по академии. Полковник улетает в свою часть, а генерал провожает. Но перед самым выходом на посадку выяснилось, что улетал генерал, а полковник, как обычный денщик, нес его чемодан. Думается, пресловутая «дедовщина» началась не в солдатских казармах, а в генеральских кабинетах.

* * *

Бывая в Москве, я, как все приезжие провинциалы, под завязку «отоваривался» дефицитными тогда товарами. Однажды при предварительном взвешивании обнаружил, что мой чемодан тянет на 36 килограммов (тогда разрешался бесплатный багаж весом до 30 кг). Пришлось «расфасовывать» 6 кг апельсинов по всем карманам. При посадке женщина-контролер спросила:

— А что у вас в карманах?

— А... это в дорогу, перекусить.

Она сочувственно улыбнулась.

* * *

Осенью 1970 года мы с женой «дикарями» побывали в отпуске в Средней Азии. Прилетели в Бухару, устроились в гостинице, а наутро

пошли осматривать город. Рядом с гостиницей был базар, на котором ничего интересного, кроме одного дряхлого аксакала, не увидели. Сидя по-турецки на коврике, он торговал четырьмя дверными ручками. Ручки были деревянными и на редкость грубо изготовленными — такие у нас когда-то использовали для дверей дворовых уборных. Возвращаясь под вечер в гостиницу, мы опять заглянули на базар и увидели того же аксакала, в той же позе и с теми же ручками. Вероятно, главным для старика была не прибыль, а сам процесс торговли — традиционно уважаемое на Востоке настоящее мужское дело.

В центре Бухары была площадь под названием Ляби-хауз, сохранившаяся в первозданном виде со Средних веков. В ее центре располагался живописный искусственный водоем, а вокруг него несколько чайхан. В одной из них мы заказали зеленый чай и пресные лепешки. Чайханщик, прежде чем подать нам пиалы, ополоснул их в тазу с черной, с жирными разводами водой. Я возмутился такой антисанитарией и попросил вымыть их как следует. Он вымыл пиалы под краном, вытер их изнутри грязными пальцами и подал мне левой рукой, прижав правую руку к сердцу. Я был сражен, протестовать язык не повернулся.

* * *

В 1970-е годы в одной из своих командировок в Ленинград мне пришлось задержаться на выходные дни. Гуляя по городу, набрел на Николо-Богоявленский морской собор, вошел внутрь и был настолько потрясен хоровым пением, что задался вопросом: «Почему на концертах и по радио никогда не звучит эта божественная музыка? Потому что она церковная? Тогда почему звучат хоралы и мессы Баха и Генделя, “Аве Марии” Баха и Шуберта, “Реквиемы” Моцарта и Верди?» Догадался не сразу: «Да ведь потому, что это русская церковная музыка».

О кофе со взбитыми сливками я читал у русских классиков, а впервые отведал этот изумительно вкусный напиток в командировке в Харькове. В Киеве и Одессе с этим «барским» напитком тоже проблем не было. Какими же голодными и неухоженными на этом фоне были российские города, ковавшие щит Родины, — Красноярск и Иркутск, Нижний Тагил и Горький, Челябинск и Куйбышев, и несть им числа. А «настоящие» («щирые») украинцы были убеждены, что это они кормят Россию. Так же считали и другие наши «братья» по СССР.

То, что только русские напиваются, а европейцы потребляют алкоголь культурно, оказалось слухами. Мне рассказывали десятки историй о том, как напиваются поляки, немцы и венгры, да я и сам был этому свидетелем. «Культурное» питье европейцев объясняется элементарной расчетливостью. Эта же жадность вызывает у них желание выпить как можно больше за чужой счет. При этом финны, латыши и эстонцы прекрасно напиваются и на собственные деньги. «В доску» пьяных латышей я видел в Риге, а еще более пьяных финнов — в Ленинграде, куда они ездили по путевкам выходного дня с целью напиться (в Финляндии были ограничения по части спиртного). Эти «экскурсии» редко обходились без пьяных дебошей.

Кстати, об алкоголе. Мой хороший знакомый В. Б. Матэри (сын знаменитого в 1930-е годы инженера — автора конструкции купола Новосибирского оперного театра), сотрудник института «Сибгипрошахт», рассказывал такой случай. В ходе строительства БАМа (Байкало-Амурской магистрали) началось освоение богатейшего месторождения угля в Нерюнгри, в котором планировалось участие японцев. На место для переговоров приехали представители заинтересованных сторон, в том числе и Матэри как проектировщик. Наши, зная об иезуитской хитрости и коварстве японцев, применили тактический прием. Накануне подписания соглашения устроили банкет, на котором из спиртного была только водка и подавали ее в стаканах. Попытка японцев уклониться от выпивки пресекалась сакраментальной фразой: «Вы нас не уважаете? Знаете, у нас так не принято». Японцы оказались жертвой собственной вежливости. Наутро они были настолько больны, что не смогли работать. Руководители нашей делегации и здесь нашли верный ход: «Не волнуйтесь, мы вас быстро вылечим!» Поднесли японцам по полстакана — те ожили, еще по полстакана — повеселели. После этого было подписано соглашение, выгодное нашей стране. Конечно, оно было выгодно и Японии, но не в такой степени, как в первоначальном варианте...

* * *

Как-то моим соседом в самолете оказался крупный чин из Западно-Сибирского управления гражданской авиации. Перед самой Москвой наш самолет развернули и посадили в Куйбышеве (ныне Самара), где мы просидели часа четыре. Мой сосед был страшно расстроен:

- Я должен быть в министерстве на совещании в 11 часов!
- Но вы же не виноваты. Скажете, что самолет опоздал.
- А-а-а, это детская отговорка. Мне ответят: «Ты, старый дурак, 20 лет в “Аэрофлоте” работаешь и свою фирму знать должен!»

* * *

Однажды в конце 1970-х мы с моим другом и коллегой Володей Строковым (переехавшим незадолго до того в Новгород и работавшим управляющим трестом) одновременно оказались в командировке в Министерстве строительства в Москве. Позвонили одному бывшему ниижтовцу, новоиспеченному москвичу, и все вместе решили встретиться в ресторане «Славянский базар». Выпили, закусили, говорим о том о сем. Приносят на горячее лангеты. Володя попробовал и говорит: «Ребята, а гарнир с душиком». Несмотря на наши отговоры, подзывает официанта. Тот, бестия, профессионал — сразу учуял в нас провинциалов, говорит снисходительно. Володя требует шеф-повара. Является, высокомерно разъясняет, что это специфический запах какого-то овоща (врет, конечно!). Тут Володю понесло: «Сударь мой, такого запаха не бывает даже у спаржи после недельного маринада. Специфический запах издают только артишоки, но запах у них пикантный. Вы принесли нам тухлятину, потрудитесь ее заменить и в дальнейшем будьте осмотрительнее, прежде чем обнаруживать недостаток своих кулинарных

познаний». Блюда нам заменили, причем на всякий случай принесли куда более увесистые лангеты. Когда мы спросили Володьку, что такое спаржа и артишоки, он ответил, что понятия не имеет, где-то читал...

* * *

В 1983 году я в составе делегации из шести человек побывал по линии Минстроя СССР в командировке в Венгрии. Главой делегации был некто Р-чев, зам. начальника Главтехуправления министерства. Остальные оказались тоже крупными начальниками из Ярославля, Калинина (Твери), Горького (Нижнего Новгорода) и Вильнюса. Все члены КПСС. Как я при своей скромной должности начальника отдела СКТБ и беспартийности туда попал, вероятно, было для них загадкой.

Мои отношения с Р-чевым сразу не сложились. По дороге из Будапешта в Дьер (нас везли на микроавтобусе) нам неоднократно встречались памятники павшим советским воинам. Я предложил купить цветы и возложить их к одному из следующих памятников. Главе делегации «инициатива снизу» не понравилась, и он ее барственно осадил. Дальше — больше, и через день наши отношения были почти что враждебными. Однако в последние два дня нашего пребывания в Венгрии Р-чев горячо меня возлюбил.

Из западного Дьера нам нужно было переехать через всю Венгрию в восточный Дебрецен. Дорога на микроавтобусе долгая, поэтому радужные хозяева снабдили нас огромным количеством вина. Р-чев крепко надрался, вечером в гостинице добавил еще и, возвращаясь к себе из туалета, перепутал комнату и полез спать на мою кровать. На мои возражения и увещевания других он ответил многоэтажным матом. Пришлось нам его тело переносить на законную кровать. Наутро его многоопытный сосед по комнате, начальник Калининского управления строительства, доходчиво описал ему события вчерашнего дня, отчего Р-чева обуял страх. Он, видимо, решил, что если в делегацию включили какую-то мелкую беспартийную сошку из дремучей Сибири, наверное, это просто стукач из КГБ. После чего Р-чева было не узнать — заискивание его передо мной было настолько мерзким, что было неудобно всем.

Надо признать, что барственная спесь Р-чева проявлялась не только по отношению к членам нашей делегации, но и к венграм. Некоторые основания для этого были. Ездили мы туда в порядке обмена опытом, хотя учиться нам у венгров в техническом отношении было нечему. Мы, каждый по своему направлению, находили у них немало несовершенного и отсталого. Это они, бывая у нас, совершенно бесплатно увозили домой кучу конструкторской и технологической документации. А для советских делегаций ответные командировки были лишь приятными турпоездками за государственный счет.

Учиться у венгров нужно было не нам, инженерам, а политикам. Там уже несколько лет успешно реализовывалась новая экономическая модель. Предприятия оставались в собственности государства, но государственные планы им постепенно снижались, а остальные заказы они должны были искать сами. Появилась конкуренция, стремление к снижению себестоимости продукции и повышению ее качества. Госзаказы

давались на основе конкурсного отбора. Чтобы не разгонять инфляцию, государство установило жесткий контроль за ростом зарплаты, в том числе у директоров (не более 4 % в год). Была разрешена частная торговля и частный сектор в сельском хозяйстве. Полки магазинов ломились от товаров. Свои трудности у венгерского правительства, конечно, были, но была цель, и страна двигалась к этой цели. Как это назвать — государственным капитализмом или рыночным социализмом, не знаю. Думаю, все же социализмом, ибо соблюдался его главный принцип: «От каждого — по способностям, каждому — по труду». В Кремле об этом знали, но там также знали, что в Венгрии партия не вмешивается в производственную деятельность предприятий, а для аппарата КПСС это было смерти подобно. Смерть все же наступила, но по другим причинам.

Помню, в Будапеште зашел с двумя коллегами в небольшой универсам. Они (оба из «голодных» краев — Ярославля и Горького) не скрывали зависти и восторга от обилия сортов колбас, сыров и прочей гастрономии. Я им посоветовал: «Вы смотрите на них не как на товары, а как на музейные экспонаты, которые ни потрогать, ни попробовать нельзя. И сразу на душе станет спокойнее». Кстати, родина еще одного члена нашей делегации — Тверь тоже находилась в «голодном» крае. Тверяки шутили: «Снабжение у нас плохое, но зато есть два хороших пригорода — Москва и Ленинград».

В Венгрии в одной комнате со мной жил В. Эленбергас из литовского министерства строительства (кроме союзного министерства, были еще и подчиненные ему республиканские). Время было такое, когда уже можно было без опасения высказывать умеренно-крамольные мысли. Витаутас и выдал, что до 1940 года Литва процветала, а после присоединения к СССР все стало намного хуже. Я ему насмешливо ответил, что до 1917 года и в Сибири было изобилие. Она экспортировала хлеб, барабинское масло шло к столу английской королевы, и проблем с мясом не возникало. На этом тема была закрыта.

Однажды в Дебрецене наша переводчица с очень большим почтением отозвалась о Яноше Кадаре, добавив: «Он не то, что ваш (т. е. Брежнев. — В. Г.), который нацепил на себя все ордена». Меня задело: «Знаете, у нас принято, как в Древнем Риме: о мертвых или хорошо, или ничего». Переводчица была вынуждена извиниться.

До меня в аналогичной командировке в Венгрии поздней осенью побывал наш главный инженер А. Е. Требесов, личность очень яркая. Делегацию, в которой он был, привезли на озеро Балатон, и кто-то из мадьяр подначил в том смысле, что сибиряки — народ закаленный и такой воды, наверное, не боятся. А. Е. (ему уже было далеко за пятьдесят) откликнулся на подначку: зашел в озеро с обжигающе холодной водой и несколько минут поплавал. Потом демонстративно неспешно обтерся, оделся и не торопясь дошел до гостиницы. Как позже признался Требесов, далее он во всю прыть помчался в буфет, купил бутылку бренди, всю ее выпил, завалился спать и утром встал без признаков простуды. На следующий день в венгерском министерстве об этом уже знали. Когда туда привезли с Балатона советскую делегацию, Требесова встречали как

героя. На восторги венгров он «застенчиво» отвечал: «А что тут особенного. Мы в Оби купаемся, как только лед сойдет. Иногда даже плаваешь и льдины руками отталкиваешь». К счастью для меня, поездка нашей делегации на Балатон (дело было в октябре) предусмотрена не была.

* * *

В 1985 году меня схватил сильнейший приступ остеохондроза, после которого я еще некоторое время ходил с палкой. Захожу как-то в новосибирский ЦУМ, подходит ко мне молодой человек восточной наружности и обращается с акцентом: «Вы мне не поможете купить шапку?» — «Что, нужно померить?» — «Да нет, там шапки инвалидам войны дают».

* * *

В 1986 году в Кутаиси произошло обрушение покрытия строящегося мясокомбината с человеческими жертвами. Оно так бы и осталось внутренним делом Грузии, но комбинат был единственным пусковым объектом союзного Минмясомолпрома, и потому катастрофа приобрела всесоюзный статус. Министерство строительства СССР направило туда комиссию для расследования причин в составе трех человек: меня по части железобетонных конструкций, ярославца по части технологии строительства и москвича из министерства неизвестно по какой части. Причины обрушения выяснили быстро: прочность бетона 18-метровых балок была вдвое ниже проектной, а арматуры в них оказалось в полтора раза меньше, чем требовалось. Приехали в Тбилиси на завод-изготовитель. Главный инженер, почему-то кандидат наук в области керамики, шестой по счету за последние пять лет (видимо, эту должность давали «для кормления»), уверяет, что разрешение на изменение конструкции им дал местный НИИ. Мы просим показать чертежи с изменениями и научно-технический отчет о результатах испытаний столь «экономичных» балок. Через полчаса нам приносят счета на оплату работы этого НИИ. Мы говорим, что нас интересует не счет, а отчет. Ждем еще час, но ни чертежей, ни отчета так и «не нашли». Вернулись в Москву, доложили результаты, а на вопрос зам. министра, что делать, ответили, что дальнейшие действия — это прерогатива прокуратуры. Зам. министра с сомнением покачал головой: у грузин в Москве столь могучая рука (он имел в виду члена Политбюро Шеварднадзе), что связываться себе дороже.

В 1988 году произошло катастрофическое по своим последствиям землетрясение в Армении, однако еще вопрос, кто больше виноват в огромном количестве жертв — стихия или армянские строители. В Леникане рухнул огромный, только что построенный производственный корпус, запроектированный по всем антисейсмическим правилам одним новосибирским проектным институтом. Поскольку была задета честь институтского «мундира», его директор обратился к кафедре железобетонных конструкций НИСИ (я там работал тогда по совместительству) с просьбой выяснить причины обрушения. В Леникану отправилась группа опытных специалистов и через две недели привезла ошеломляющие результаты, проиллюстрированные фотографиями. Не говоря

о массовых чисто технических безобразиях (низкая прочность бетона, отсутствие сварки деталей, недостаточность арматуры, вопиющие отклонения от размеров и т. д.), в теле железобетонных конструкций встречался обыкновенный мусор, включая старые галоши...

* * *

За год до землетрясения я побывал в Ереване с докладом на всесоюзной конференции. Там меня поразили две вещи. Во-первых, гигантские памятники. Во-вторых — пустующее метро. Зачем оно нужно просторному городу с широкими улицами, хорошим наземным транспортом и населением, едва достигшим миллиона, было непонятно. Единственное объяснение — «ленинская национальная политика».

* * *

В конце 1980-х годов, в завершающий период моей работы в СКТБ, правительство Рыжкова пошло на уступки либералам и сняло всякие ограничения в зарплате. Для моего отдела это было выгодно: заявки на наши разработки сыпались со всех сторон, и моя зарплата стала доходить до 1 200 рублей в месяц. Среднемесячная зарплата в СССР в тот период составляла около 200 рублей. Раньше мы могли перевыполнить план хоть в десять раз, но зарплаты это нам не добавляло: вместе с премиями я получал максимум 300—320 рублей. Одновременно я преподавал по совместительству в Сибстрине. Зарплата там была так невелика, что я даже забывал ее вовремя получать. Однако привычка считать каждый рубль при прежней скромной жизни оказалась сильной и превратилась в натуру.

Как-то зимой, возвращаясь поздно вечером из института после лекций у вечерников, я вышел на остановку и долго не мог дожждаться троллейбуса. Пока ждал, мимо прошмыгнуло несколько пустых такси, но у меня и мысли не возникло остановить машину. «Это роскошь, это не для меня», — сидела подспудная мысль. Только потом сообразил, что истрачу на дорогу копейки, но такси больше не попадались. Так и пошел по морозу пешком до станции метро. Такова была расплата за инерцию мышления.

С началом «рыночных реформ» люди перестали смеяться, исчезли даже улыбки на лицах молодежи. Если раньше молодые люди ехали в электричке за город с песнями под гитару, то теперь без песен и без гитары. Пенсии не выплачивали месяцами, и вскоре старики стали походить на бомжей.

В 1990-е годы цены на услуги росли фантастическими темпами, особенно в парикмахерских. По этой причине среднестатистический новосибирский мужчина стригся не чаще трех-четырёх раз в год. Как-то, будучи в шутовском настроении, захожу в парикмахерскую:

— Сколько у вас стоит обычная стрижка?

— Десять тысяч.

— А полголовы — пять?

— То есть как это — полголовы? Я вас не понимаю.

Тогда снимаю со своей наполовину лысой головы шапку:

— Вот так, полголовы!

Парикмахерша растерялась, но ненадолго:

— Хорошо, за шесть тысяч я вас постригу.

Потом мне эти «торги» надоели, я купил себе машинку и с тех пор стригусь дома.

Однажды встречаю своего соседа по даче К-лякова, пенсионера, бывшего директора проектного института и коммуниста. Он оказался крайне расстроен тем, что в киоске на железнодорожной станции его обсчитали. Я шутливо утешил: «Что вы переживаете? Гусинский с Березовским да Смоленский с Ходорковским у нас с вами полстраны украли, а здесь какие-то копейки». Он: «Меня Гусинский с Березовским не колышут, я с ними дел не имею».

* * *

С 1991 года в течение 23 лет мне довелось возглавлять Общество железобетонщиков Сибири и Урала, под эгидой которого раз в полтора-два года проводились конференции ученых и специалистов из разных городов России и даже из Белоруссии и Казахстана. На них звучали доклады о результатах исследований, происходил обмен свежей научной информацией и «обкатывались» работы аспирантов, часто получавших при этом полезные «синяки» и «шишки». Регулярно издавались сборники научных трудов Общества, редактированием которых по должности занимался я (все это на общественных началах). Эта работа была намного труднее, чем председательствование на конференциях, так как многие, особенно молодые, авторы плохо владели русским языком. Мало того что статьи у них были написаны, как тогда шутили, «двойным хлюстом» («одинарным хлюстом» — это когда автор понимает, что написано, но не понимает читатель; «двойным хлюстом» — когда не понимают ни читатель, ни автор). Они часто злоупотребляли научными терминами, имеющими синонимы в русском языке, грешили несогласованностью падежей, чисел и времен. Как в известной шутке: «Если хочешь сил моральных и физических сбережь, // Пейте соков натуральных, укрепляйте грудь и плеч». Или: «Идут двое: один в театр, другой в галошах».

В 1980-е годы в Москве я как-то заехал в редакцию журнала «Бетон и железобетон» и там мне рассказали один забавный случай. В одном из литературно-художественных журналов (сейчас уже забыл, в каком именно) молодому редактору в качестве первоапрельской шутки подсунули перепечатанный на машинке рассказ А. П. Чехова и сказали, что это рассказ начинающего автора из провинции. Редактор постарался на славу. Он не только его существенно литературно отредактировал, но и сократил текст самого лаконичного русского классика. Тогда же я услышал и о «болезни», именуемой «редакторским зудом», которой старался не заразиться в своей редакторской работе.

* * *

В моем потоке выпуска 1993 года была одна очень яркая и сильная группа, в которой, кроме лекций, я вел практические занятия и курсовое проектирование. Это была моя любимая группа, всех ее студентов

я знал не только по фамилии, но и по имени. Большинству, как я считал, была уготована блестящая профессиональная судьба. Спустя время я встретил одного из ребят этой группы и поинтересовался, кто как устроился. Оказалось, что по специальности устроился только один, да и тот — бригадиром рабочих-кровельщиков. Остальные работают продавцами, мелкими клерками в посреднических конторах или даже подались в «челноки» (возили из Китая барахло для перепродажи).

* * *

В 1993 году в Новосибирске при областном Совете народных депутатов был создан радиоканал «Слово», отличавшийся твердой патриотической позицией. Его то закрывали, то открывали, а с 1995 года он наконец заработал стабильно. На одном из дискуссионных собраний (политических «тусовок»), кои тогда часто проводились в бывшем Доме политпросвещения обкома КПСС (теперь на этом месте возведен концертный зал филармонии), я познакомился с главным редактором радиоканала В. П. Котельниковым. Он пригласил меня выступить к себе на радио. Там существовала рубрика «Свободный микрофон», где выступающие рассуждали преимущественно о том, как раньше было хорошо и как теперь стало плохо.

Это были годы беснования русофобов не только во всех средствах массовой информации, но и в литературе и искусстве. Осенью 1995 года прозвучала моя первая радиопередача под названием «Можем ли мы жить, как на Западе?». Ее целью было разоблачение либеральной лжи о том, что стоит избавиться от советского наследия, и мы заживем, как в Европе. С цифрами в руках я доказывал, что в силу суровых природно-климатических условий наша продукция всегда будет дороже, что по причине большого числа охотников до русской земли у нас всегда будут самые высокие военные расходы и что высокий уровень жизни на Западе в значительной мере обеспечивается политикой неокOLONIALИЗМА, которую Россия никогда не проводила. Позднее эта тема была развита А. Паршевым в книге «Почему Россия не Америка». Моя передача вызвала множество положительных откликов, и ее повторяли несколько раз.

Следующей была передача «Нужен ли России Советский Союз?». В ней я на исторических примерах и цифрах показал, что все многонациональные империи недолговечны и что советская «дружба народов» базировалась на огромных дотациях России союзным республикам и социально-экономической дискриминации русского народа.

Потом пошли передачи на еще более злободневные темы, включая «Десять ельцинских ударов по России». Название было выбрано как антипод «Десяти сталинским ударам» по Германии. Передача вышла в эфир в 1996 году накануне второго тура выборов президента России, когда главным соперником Ельцина выступал секретарь ЦК КПРФ Зюганов. Она вызвала не только широкую поддержку радиослушателей, но и анонимные угрозы автору по телефону. Группа патриотически настроенных радиослушателей застенографировала передачу, а потом принесла текст в Новосибирский обком КПРФ с предложением отпечатать

и распространить в виде листовки. Однако местные коммунисты ответили: «Вам надо, вы и распространяйте».

Выступал я на радио почти три года, а ушел по причине разногласий с редактором (им тогда была Т. Б-ская). В те же годы я написал брошюры «Задачи русской молодежи», «Отсталый ли русский народ?» и «Где искать фашистов в России», быстро распространившиеся в Новосибирске и за его пределами. В последней я постарался дать жесткий аргументированный ответ обвинителям русского народа в фашизме — герберам, новодворским, швидким и прочим русофобам.

Поскольку среди моих передач было несколько, посвященных защите Русской православной церкви от агрессивного нашествия сект и иностранных конфессий, мне довелось близко познакомиться с несколькими священниками. Александр Новопашин, Анатолий Носков, Святослав Невзоров, Виктор Сметанников и ряд других оказались замечательными молодыми людьми, которые пошли в священнослужители «не корысти ради», а по зову русской души. В середине 1990-х по их инициативе был создан Новосибирский общественный комитет «За нравственное возрождение Отечества», председателем которого избрали отца Александра, а сопредседателем — меня. Комитет развернул широкую просветительскую работу национально-патриотического направления, но в нулевые годы ее пришлось свернуть из-за неодобрительного отношения нового новосибирского епископа.

В те годы мне часто приходилось выступать перед молодежными аудиториями — в школах и летних православных лагерях. Мои друзья отец Анатолий и отец Святослав никак не могли понять, почему я остаюсь человеком невоцерковленным. Я отвечал, что защищаю Русскую православную церковь потому, что она — один из русских национальных институтов, а когда перестанет быть таковым, то и защищать перестану. Воцерковить меня они так и не сумели и, в конце концов, присвоили мне титул «православный атеист».

* * *

Институт в Харькове, куда я приехал в командировку в конце 1980-х, находился рядом с огромной площадью Дзержинского, местным Гайд-парком. Прохожу мимо толпы митингующих, от нее отделяется какой-то возбужденный человек, берет меня за рукав и возмущенным голосом на южнорусском диалекте спрашивает: «Кто, по-твоему, Гоголь — русский или украинский писатель? Там москали говорят, что русский». Я в ответ спросил: «А на каком языке писал Гоголь?» — «Ну, на русском». — «Вот ты и ответил на вопрос». Он страшно разгорячился, и я счел за благо дискуссию не продолжать.

Был у меня один хороший знакомый — якут Дима Ф., грамотный проектировщик и талантливый программист. В 1990-е годы он как-то высказался в том духе, что если бы Якутия была независимым государством, то с ее огромными запасами ископаемых она жила бы припеваючи (это был результат проводившейся в то время массивной пропаганды идей сепаратизма). Я возразил Диме. Во-первых, коренной

народ Якутии — эвенки, а якуты лишь на 100 лет «кореннее» русских, и прав у них на Якутию не больше, чем у русских. Во-вторых, такое маленькое по населению государство в современном мире не может быть независимым: если не Россия, то — Китай. А если Китай, то через 50—70 лет якуты растворятся в китайцах без остатка и вспоминать о них будут только этнографы. Дима, умный человек, хоть и нехотя, согласился.

* * *

В 2010-е годы у меня состоялся разговор с двумя молодыми коллегами, которые ругали советскую эпоху с сугубо меркантильной стороны: мол, в магазинах ничего не было, за всем очереди. На это было трудно возразить, но я попытался защитить ту эпоху. Да, в советские времена товаров на всех не хватало. Сегодня товаров полно, но не у всех хватает денег. Дефицит остался, только он другой. И все же у советской эпохи было минимум два бесспорных плюса — уверенность в завтрашнем дне и высокая общественная нравственность.

С «уверенностью» они согласились, вспомнив, что живут у родителей, которые получили квартиры в советское время бесплатно. Сами они могут купить квартиру только через ипотеку и не дай бог, если при этом потеряют работу. С «общественной нравственностью» дело оказалось сложнее, общие рассуждения собеседников не устраивали, им требовались цифры и факты. По счастью, некоторыми цифрами я владел и смог рассказать, во сколько раз выросли заболеваемость сифилисом и число разводов. Количество детей-сирот превысило их число на момент окончания Великой Отечественной войны (и это при живых родителях!). Наркомания и казнокрадство стали поистине национальным бедствием. С этим они были вынуждены согласиться, однако их симпатии все равно остались на стороне «рыночной демократии». В конце концов мы сошлись на том, что идеального общественного строя нет и быть не может. У каждого свои достоинства и недостатки. Вопрос в том, кому что больше по душе.

* * *

С моим школьным приятелем Леней Чернобаем мы не виделись несколько лет, а недавно случайно встретились в поликлинике. Обрадовались, что оба живы, обнялись, и он спрашивает: «Ну как здоровье?» Отвечаю: «Леня, мы где с тобой встретились? На беговой дорожке или на лыжне? Если начнем говорить о здоровье, до утра не закончим».

* * *

Жизнь подходит к концу. Все меньше и меньше остается моих сверстников, все больше и больше событий прошлого стирается в памяти. Остается только главное — насыщенная жизнь, плодотворная работа и хорошая семья.

Лаборатория критического субъективизма

Июньский выпуск ЛКС¹ о том, что многое в нынешней литературе не то, чем кажется. «Лишний человек», как определили критики героя Кирилла Рябова, на самом деле, человек своевременный и нужный. Детективы, идущие по разряду необязательной развлекательной литературы, на самом деле, могут выражать социальность наравне с высокой прозой. А романы Е. Водолазкина ни социальность, ни эпоху отражать не могут, как и христианскую идею и духовную вертикаль, и, на самом деле, идут по разряду необязательной развлекательной литературы. Еще одно «кажется» — это когда кажется, что Владимир Козлов пишет оригинальную глубокую эссеистику. И другое, более страшное «кажется» — уверенность, что интеграция в «высокую культуру Запада» — безусловное благо.

Анна Жучкова

Дарья ЕФРЕМОВА

ДЕРЖИСЬ, СОБАКИН!

О романе Кирилла Рябова «Дирижабль»²

Роман-мытарство Кирилла Рябова так и тянет примостить с краю полки большого корпуса скитальческой прозы. Самая простая аналогия — Венечка Ерофеев с его запойно-психоделическим трипом «Москва — Петушки», к которому, кстати, отсылает издательский анонс, рекомендуемый книгу Рябова как «пронзительную историю о мучительной любви и пагубной зависимости, ведущих душу художника по современным станциям крестного пути через мрачный, мистический город». Самая же хронологически близкая — вышедший за полгода до «Дирижабля» «Фирс Фортинбрас» Сергея Носова, чей главный герой, незадачливый,

¹ Предыдущий выпуск см. в № 3 за 2024 год. — Примеч. ред.

² М.: ИД «Городец», 2023. — 320 с.

но тоскующий по сцене актер Никита-Кит, так же, как и талантливый, но обойденный вниманием фортуны и экспертных жюри писатель Федор Собакин, ввязывается в сулящую легкие деньги авантюру с кино по заданию сомнительного заказчика. Разумеется, герой Рябова выполнять заказ не торопится: бродит по рюмочным Петербурга, встречает старых и новых «друзей», теряет прежнюю любовь, находит новую, и тоже ее теряет, и заново обретает старую... Еще, конечно, завидует удачливым бездарям. Но это так, краска.

Если отвлечься от киношно-денежной коллизии, можно вспомнить «Постороннего» Альбера Камю, оба «Тропика» Генри Миллера и даже Джеймса Джойса с каноническим «Улиссом» — в «Дирижабле» Рябова просматриваются аллюзии к одиссеям. Печальный пес и весьма себе кобель Собакин (впервые читатель застаёт Федора на перроне, погруженным в раздумья о груди проводницы) частенько представляется Никем — гомеровским именем, предназначенным для обмана одноглазого циклопа. По крайней мере, именно так он отвечает на расспросы любопытствующих в рюмочных: «Кто ты?» — «Никто». — «Чем занимаешься?» — «Ничем».

В том же ряду и любовная линия: подруга писателя, сексапильная завучиха Инна, присутствует в романе на расстоянии — она и верная Пенелопа, и коварная Цирцея, обращающая мужчин в свиней. Ежедневно, в строго отведенный час, дисциплинированная педагогиня требует от любимого отчета о прошедшем дне. Если время проведено с пользой для дела и Собакин трезв, она вознаграждает его сеансом видеосвязи, на котором мастурбирует. А нет, так бросает трубку.

Если поэтичный, разъедаемый раком времени Генри Миллер выдавал компендиум мужских неврозов, сладострастно и порочно обрушивая на читателя подробности бюстгальтеров и подвязок, то целомудренный Федор, Симплициссимус и слегка Иванушка-дурачок, принимает свои эротические пилюли с обреченностью захворавшего пса, продолжая надеяться на разрешение противоречий и счастливое будущее со своей хозяйкой.

— Ты закончил? — спросила Инна.

— Да, но нет. Я ужасно виноват, я забылся...

— Я уже поняла, Федя, что для тебя выпивка с приятелем оказалась важнее. Ты просто расставил приоритеты. И выбрал не меня. Обсуждать тут нечего.

<...>

Она отключилась. Федор не стал перезванивать. Это было бесполезно. Она бы и не ответила. Полежав немного, он отправил ей эсэмэс:

«Я козелд».

За легкомысленным тоном рассказчика скрывается отнюдь не ирония.

Казалось бы, безответственная гулянка по злочным местам Петербурга — вызов унылой, прошитой меркантилизмом действительности, однако посмеиваться в ладошку над абсурдом современности для Рябова мелковато. Истинный антагонист в его романах, рассказах

и повестях — смерть, поджидающая очередного Собакина-Одиссея разъяренным слепым циклопом где-то на выходе из пещеры. Скитания Федора по кабакам — карнавализованные поминки по литературному «я», утрачивающему семантическое ядро. И дело даже не в цене прокрастинации — расправа колбасного олигарха Панибратова, внесшего внушительный аванс за несуществующий сценарий, Федора не пугает. Темпераментный, отчаянный, прямодушный, он чинит расправу над собой сам — стремительно опускаясь на дно, обретая «нулевую температуру», нужную для проявления природы его художественной действительности, чтобы читателю было легче ее расслышать и рассмотреть. И вот уже «каменная башка», барельеф в комнате бабушки Биби, корчит рожи, а перед затухающим сознанием проносятся обрывки диалогов и абрисы дорогих и ненужных лиц — Инна, Зофия, Анжела, Венера и даже луна, висящая, как бельмо, посреди ночного неба.

— Привет, дура! — сказал Федор.
Луна не ответила.

Смерть, прибирающая растерявшихся мужичков в inferнальных закутках их нескладной жизни, — об этом почти все тексты Кирилла Рябова. Не искупительная и не очистительная — какой уж там шаг к вечности, — фантазмагоричная, охочая до переливки душ в пуговицы, она заявляет о себе с первых строк, превращая последние дни, а иногда и память погибающего в хаос. Так, в романе «Пес» вдовец Бобровский скитается среди коллекторов, силовиков и проституток — это поминки по ушедшей жене как не-бывшей. А герой повести «Лихо», учитель рисования по фамилии Выдрин, находится на пороге небытия с тех пор, как арестовали его кота Диего:

Его потащило сквозь крошечную тьму, наполненную звуками: невнятные обрывки фраз, музыка Чайковского в стиле техно, смех, шепот, звон колоколов. Потом лицо окатило холодным. Выдрин открыл глаза. <...> Он хотел поскорее сесть, но смог лишь немножко пошевелить рукой и издать тихий хрип. Пришла старуха с кухонным ножом.

— Нужно проткнуть горло, чтобы он мог дышать, — сказала она. — Пока мозг не умер.

В «Дирижабле» прослеживаются два макабрических образа — физиологичный, осязаемый, и эфемерный, надуманный. Это похмельная черная птица, которая то омерзительно-тихо скребется коготками, то мечется и бьется в груди героя, и, собственно, сам неведомый дирижабль, о котором заказчик попросил «что-нибудь написать» в сценарии.

С последним, кстати, все не так просто. Раздутый шар с крохотной гондолкой изначально служил средством перемещения богатой праздной публики, но позже превратился в красивый, сигаровидной формы летательный аппарат — символ технического прогресса и авангарда. Герои книги Рябова, конечно же, в старом пузатом дирижабле.

Влекомые сиюминутными порывами и скучными, но злободневными задачами, они перемещаются по страницам в заданном ветром направлении. Голос главного героя звучит как будто из-под палки — ему

не придумывается, не пишется, не живет. Казалось бы, крик маленького человека, которому оттоптали его маленькое персональное эго, — характерный мотив современной русской прозы и ее коренное отличие от прозы модерна, где на каждой странице случался закат Европы и умирал Бог.

Значение этого сюжета можно было бы признать частным, если бы не та тень, которую отбрасывают пьяные похождения отчаявшегося таланта на весь современный литературный мейнстрим, исчерпывающе характеризуя его проблематику, объем и горизонт. Лучше сто раз напиться и один раз выйти в окно, чем стать одним из тех «востребованных» авторов, кто послушно выполняет заказы, улавливает на лету тренды, соблюдает сроки, выдает по книжечке в год, превращая искусство в коммерческий аттракцион. Психологическая достоверность в «Дирижабле» достигается тем, что герой не пытается изменить ситуацию — он действует, исходя из навязанных обстоятельств. Неслучайно и фамилия у него «животная» — Собакин. Критики уже определили героя Рябова как новую инкарнацию лишнего человека в русской литературе. Нужный лишний человек. Своевременный.

Елена САФРОНОВА

ОБ ОСТРОСЮЖЕТНОЙ ПРОЗЕ КАК ЦЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ИСТОЧНИКЕ

Возможно ли присутствие в остросюжетном произведении социального начала?

В наши дни социальное все острее проникает в художественное во всех родах искусства и всех возможных идеологиях (вспомним фразу Кэрол Ханиш «Личное — это политическое», ставшую крылатой именно сейчас). Литературные произведения, состоящие из нарратива и идейности, ближе всех прочих человеческих творений подходят к раскрытию социальных проблем. Социальным высказыванием становятся не только прямые указания на общественные процессы или вариации вокруг «фиги в кармане», но и демонстративное отсутствие таковых. Эскапизм (подобный тому, что мы наблюдаем в детективах Елены Михалковой) — тоже общественная позиция художника.

Но сейчас речь об обратном примере: о включении в условно-развлекательный сюжет мощной социальной проблематики. Я нашла такую в двух «свежих» романах королевы отечественного детектива, лауреата премии «Русский детектив» Александры Марининой. Это ретроспективные книги о советской милиции: «Тьма после рассвета» (2022) и «Дебютная постановка» (2023). Начавшая с отличных «полицейских детективов», Маринина вот уже лет двадцать как не похожа на себя саму — создателя образа Насти Каменской. Она уводит свои книги от детективной канвы в сторону бытописательства и притянутых к нему политико-философских рассуждений, которые удручающе многословны.

Однако же упомянутые книги складываются в своеобразный диптих другого рода. Не стану подробно пересказывать, о чем они. Но если кратко, то сюжет «Тьмы после рассвета» начинается 10 ноября 1982 года, в день смерти Брежнева и День советской милиции. Основных линий две: бесследное исчезновение в центре Москвы двух подростков — мальчика из «элитной» семьи и девочки, дочери диссидента, в конце концов осужденного за «настроения», — и внешне бессистемные убийства молодых людей в разных городах страны. По сути, это приквел всех похождений Каменской: она появляется тут аналитиком, взятым в органы сразу после института. В двухтомнике «Дебютная постановка» — два хронологических пласта. В 1966 году расследуется убийство на подмосковной

даче солиста Большого театра Владилена Астахова, любимца генсека. В наши дни честолюбивый журналист Петр Кравченко затевает книгу о гибели советских сотрудников правоохранительных органов при исполнении служебных обязанностей, но в итоге меняет задумку и концепцию книги. Он будет писать о трансформации милиции как структуры и о проблемах, с которыми она сталкивалась на каждом этапе своего существования. Со сведениями юноше помогают Анастасия Павловна Каменская и Сергей Кузьмич Зарубин — немолодые, умудренные долгими годами службы работники системы.

Особенность обеих книг в том, что «под» (или «над», как посмотреть; по мне, это высшее и объединяющее начало) каждым милицейским детективом прослеживается довольно едкий социальный посыл. Удивительным образом ему не вредят ни «фирменное» многословие Марининой, ни характерные для нее километровые реплики в прямой речи. Напротив, в уста многих персонажей автор вкладывает то, что хочет сказать сам; но когда это произносят участники действия, выходит выразительнее.

В первом романе доблестная советская милиция не столько расследует пропажу и убийства молодых людей, сколько сама себе мешает, загоняясь в тупик юридических формальностей, правовых оснований и подковерных игр. Если учесть, что милиции то и дело ставит подножки еще и КГБ, преследующий свои интересы и находящийся в ситуациях политическую подоплеку (задержать группу диссидентов для комитетчиков важнее, чем отыскать детей живыми), то, по сути, сотрудники МВД находятся в путях сплошных ограничений и не могут выполнять свою работу. А во втором добросовестно описывается, почему система МВД так несовершенна: при Хрущеве МВД СССР аннулировали, оставив лишь министерства союзных и автономных республик, чтобы оно не было таким всесильным, как при Сталине. На недолгое время грозное ведомство превратилось в безликое Министерство охраны общественного порядка (МООП). Оно обладало кучей ахиллесовых пят: отсутствие профессионального образования, приток неподготовленных служащих, кампанейщина по приему на работу сознательных комсомольцев из очень далеких от правоохранительной сфер деятельности (о чем рассказывается в фильме «Два билета на дневной сеанс»). Когда же органы внутренних дел снова стали усиливать, сложилась питательная почва для расцвета всякого рода карьеристов, способных на любую профессиональную «ошибку» — от подделки результатов расследования до осуждения невиновных. Все это рассказал Петру Кравченко старый сотрудник кадровой службы МВД СССР Николай Губанов. Юноша был шокирован обрушившейся на него «демифологизацией» советской милиции. Эта ставшая откровением для представителя поколения Y информация выходит на первый план как социальный посыл «Дебютной постановки».

Кто-то скажет, возможно: подумаешь... дела давно минувших дней, секреты Полишинеля!.. Но в условиях формирования современной победительной мифологии об СССР как утраченном «золотом веке»

роман о советском социальном неравенстве и изъянах его правоохранительной системы обретает важное значение. Мы знаем, что многие детективы Марининой основаны на реальных уголовных делах, а биография ее главного персонажа местами пересекается с судьбой автора. Если читать две ее новинки как еще одно «свидетельство очевидца», социальный пафос перекрывает все прочее. А если учесть диалектику исторических процессов, то писательница не только «дела минувших дней» раскрыла с неприглядной стороны, но и на сегодняшние проблемы силовых структур намекнула вполне прозрачно. Может, оттого она и отдалилась от «чистых» детективов?..

К слову, многие читатели «срисовали» социальный жест. На одном сайте-«отзовике» я прочитала о «Дебютной постановке»:

Острое ощущение, что писательница высказывает свое политическое мнение о сегодняшних событиях в безопасном прошлом, хитро подобрав нужный исторический промежуток, параллели с которым так и напрашиваются... Проблема в том, что целевая аудитория — это те, кто преданно читает Марину Анатольевну годами в поисках той самой мрачной атмосферы 90-х без параллелей с современностью. Нам уютно там, в темных временах безопасного прошлого, которое ушло безвозвратно.

Заметно передергивание либо недопонимание: роман не о «лихих девяностых», а о хрущевско-брежневском «светлом прошлом». Девяностые в нем почти не фигурируют. Авторское осуждение — если оно там и есть — бьет не по периоду распада, а по более ранней эпохе, слывущей незыблемой и справедливой. А о девяностых Маринина писала в других романах («Стечение обстоятельств», «Иллюзия греха» и др.), между прочим, никогда не умалчивая о коррупции, взяточничестве, «оборотнях в погонах». В тандеме с книгами о бедах советской милиции «эпос» Марининой о милиции девяностых приобретает новый смысл: иначе быть вряд ли могло. И если бы она была одинока на этом поле!..

Не Марининой единой. «Лихие девяностые» породили и жанр «крутого детектива»: Чингиз Абдуллаев, Виктор Доценко, Андрей Константинов и иже с ними. Автор саги «Бандитский Петербург» был основателем и главой «Агентства журналистских расследований», «дела» которого, несомненно, отразились в романах цикла. Читатели привыкли воспринимать такое чтение как «трэш», «жесть», «штурм» эмоций. А что если признать содержание «крутых детективов» не авторским вымыслом, а свидетельствами современников и ценным историческим источником? Это справедливо: историческим источником может быть всё. Жанры «крутого детектива» и «бандитского экшна» становятся достоянием истории вместе с фактографией, на которой основаны.

ПОИГРАЕМ В ПОСТМОДЕРН

«В эпоху разложения какого-нибудь жанра — он из центра перемещается в периферию...»¹ — писал Юрий Тынянов. Сегодня мы наблюдаем, как это происходит с жанром интеллектуального романа: зародившись в модернизме, пройдя через постмодернизм, ныне он стерся, потерял выразительность. «Им пишет всякий». А. Макушинский, Е. Чижов, А. Иличевский, М. Степанова... М. Елизаров в пацанской «Земле» страницами излагает рефераты по философии. Жанр сходит с гребня — и спускается в формульную (массовую) прозу, где его подхватывает Евгений Водолазкин.

Застрельщик нисхождения жанра интеллектуального романа — Виктор Пелевин. Успешный продолжатель — Водолазкин. (Где-то рядом трудится Яхина, разрабатывая жанр любовного романа в декорациях исторической травмы.) Это не хорошо и не плохо, это нормальный процесс движения литературы. Важно просто называть вещи своими именами. И понимать, что премиальные списки сегодня зачастую не имеют никакого отношения к высокой прозе, а рассчитаны на читаемость, узнаваемость и простоту, что соответствует критериям массовой литературы.

Даже первый и лучший роман Водолазкина «Лавр» — роман формульный, построенный на шаблоне агиографического жанра и постмодернистской игре. Много раньше этим путем прошел Умберто Эко. Но массовому читателю понятнее Водолазкин. Отзывы характерны: «Все нравится. Язык, фабула, ирония, серьезность при этом...»; «Грешен, люблю писателей-филологов. Язык родной, емкий и вкусный, и изложено как положено»; «Из современных писателей Водолазкин — один из самых значительных. Очень интересно выстроенные сюжеты». То есть хвалят за понятность языка и увлекательность сюжета — четкие маркеры массовой прозы. И при этом за... серьезность, филологичность. Благодаря сегодняшним мастерам премиального дела, массовый читатель получил уникальную возможность: читать легкий, понятный текст и считать его при этом серьезным и умным. Сбылось ироничное замечание Лотмана: «Читатель хотел бы, чтобы его автор был гением, но при этом он же хотел бы, чтобы произведения этого автора были понятными»².

¹ Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. — М.: Наука, 1977. — С. 258.

² Лотман Ю. М. Культура и взрыв. — М.: Гнозис; Прогресс, 1992. — С. 23.

Вместе с тем иным читателям романы Водолазкина кажутся подделкой. Вроде и говорят они с нами о Боге, о вечности — все как мы в русской литературе любим, — но что-то не так. Разгадка в том, что разговоры о Боге еще не богоискательство, а у Водолазкина именно разговоры — руссколитературный богоискательский шаблон; и не вечность являет себя в его текстах, а неолиберальная идея конца истории, как верно заметил В. Левенталь³.

Обратимся к «Лавру». Отказ от истории заявлен уже в авторском определении «неисторический роман». Затем Водолазкин транслирует Фрэнсиса Фукуяму с его «концом истории»: «Время более не движется вперед». Герои «Лавра» постоянно твердят о выходе из времени, но попадают они при этом не в вечность, а в постмодернистскую горизонтальность, дурную бесконечность симулякров: «...все зимы слились в одну и не имели больше отношения ко времени»; «...они... больше от времени не зависели», «...события не всегда протекают во времени... Порой они протекают сами по себе. Вынутые из времени»; «Живи покамест вне времени»; «[времени], как считает Амброджо, в конечном счете нет».

Однако время дано нам для изменений. Отказываясь от времени — отказываешься от изменений, от духовной вертикали, от глубины... В христианской традиции вечная жизнь напрямую зависит от жизни земной, от того, как ты провел ее время: «счастливое небохранилище — раздвижной и прижизненный дом» (О. Мандельштам). Не так у Водолазкина. Герои «Лавра» приходят к выводу, что человек может выбирать — жить ему во времени или вне его. При этом роман вроде как о духовных изменениях героя. Но, выйдя из времени, измениться герой не может. Он и не меняется. Просто нам заявляют: изменился. И всё тут.

Одновременно герой беспокоится, что время может кончиться: «Я, Амброджо, очень боюсь, что время может кончиться». То есть мозаичная рассыпающаяся постмодернистская концепция времени хороша до тех пор, пока дело не доходит до своей конкретной жизни. А когда доходит, появляется страх смерти. Страх смерти так же плохо коррелирует с верой, как и отказ от времени. Зато отлично коррелирует с западной рационалистической моделью, согласно которой жизнь — отрезок на оси времени, после которого *ничего нет*.

Также этот страх прекрасно сочетается с неолиберальной парадигмой, структурирующей мир по масштабу индивидуального «я» и не принимающей всего, что шире: Бога, веру, природу, Родину, смерть. Водолазкин так прямо и говорит: «Во всем, что шире человека, есть какая-то ненадежность»⁴.

Отсюда неутешительный вывод: воспринимать роман «Лавр» как высказывание о духовном пути человека не стоит, ибо задачи богопостижения в нем не стоит. Художественная цель и «Лавра», и уж тем более дальнейших книг Водолазкина не постижение непознанного,

³ Левенталь В. Летописец растерянности // Литературная газета от 16.12.2020, № 50. URL: <https://lgz.ru/article/-50-6765-16-12-2020/letopisets-rasteryannosti/>

⁴ Водолазкин Е. Г. Дом и остров // Совсем другое время. — М.: АСТ, 2013. — С. 456.

а тиражирование интеллектуальных шаблонов, например концепции нелинейного времени, появившейся на рубеже XIX—XX столетий и ставшей главной «фишкой» книг Водолазкина.

Водолазкин — автор формульной (массовой) прозы. И если исследователи находят в его романах этический компонент: «...в основе творчества Водолазкина лежит именно этическая идея, произведения Водолазкина выражают нравственные идеалы»⁵, то это снова о том же, ибо базовая задача формульной литературы — закрепление общих этических норм. Именно об общем характере этического идеала у Водолазкина речь всегда и идет. Он дает универсальные стереотипы, что тоже отмечают исследователи: «Водолазкина интересуют самые общие, универсальные закономерности человеческого существования; Водолазкин... пренебрегает конкретно-историческим планом ради универсального; Водолазкин... обращается не столько к определенной исторической эпохе, сколько к универсальным закономерностям человеческой жизни, которые действуют всегда, в любую эпоху»⁶. Однако разговор о вечном и всечеловечном в высокой прозе ведется через конкретное и историческое — иначе о вечном не скажешь. Иначе — ходячие истины и клише, как у Водолазкина. Что ж, это и есть его метод — соединение жанровой формулы интеллектуального романа с неолиберальным стереотипом и постмодернистским клише.

⁵ Кротова Д. В. Современная русская литература. Постмодернизм и неомодернизм. — М.: МАКС Пресс, 2018. — С. 155.

⁶ Там же. С. 143, 196, 201.

ЗАЧЕМ «ЗАЧЕМ ПОЭЗИЯ»

О книге Владимира Козлова «Зачем поэзия»¹

В названии моих заметок отсутствует подразумеваемый вроде бы вопросительный знак, как отсутствует он и в заглавии книги Владимира Козлова — поэта, литературоведа, критика, создателя медиа о поэзии Prosodia. Думается, вопрос о смысле и предназначении поэзии из разряда «вечных» и требует не столько ответа (который вряд ли возможен, тем более однозначный), сколько разговора — интенсивного, насыщенного, серьезного. Небольшая по объему, но весьма концентрированная по наполнению книга Козлова служит отличным импульсом к подобному разговору, и в заглавии ее как раз звучит не столько вопрошание (благородное, но неблагоприятное и часто, к сожалению, безответное), сколько утверждение необходимости дискуссии. Однако внятной дискуссии за время, прошедшее с выхода книги (а составляющие ее эссе публиковались на портале Prosodia еще раньше), пока не заметно. Попробую немного «раскачать» беседу, помня о том, что, говоря о различных взглядах на сущность и назначение поэзии, мы всегда сталкиваемся со множеством «правд» без единой истины. Поговорим о «правде» Козлова.

«Зачем поэзия» написана динамично, плотно, афористично, полна интригующих формулировок, читается легко и почти на каждой странице провоцирует на несогласие. Уже небольшое предисловие изобилует утверждениями различной степени спорности. Почему именно сегодня так необходимо «переосмысление» роли поэзии, если очевидно, что она еще в полной мере не осмыслена? И осмысление это — задача всей жизни каждого конкретного поэта, ибо каждый, как известно, «выбирает для себя».

Не совсем ясно, почему в качестве художника поэт должен обязательно «выживать» (на слове «выживание» Козлов делает максимальный упор). Тот факт, что социальным выживанием поэт платит за полноценную жизнь духа, утвердился далеко не сегодня. Однако эта узаконенная еще в романтизме коллизия («цифровизация» и прочие приметы дня сегодняшнего, на самом деле, в ней мало что меняют) подается Козловым как примета именно современности. Ясно как день: чтобы иметь физическую возможность писать стихи, поэт должен овладеть профессией, которая будет его худо-бедно кормить (эту необходимость часто проговаривает, например, Виталий Кальпиди).

¹ Ростов-на-Дону: Prosodia, 2023. — 72 с.

В общем, уже по прочтении предисловия формируется ощущение неясности, некоторой умозрительности (ее, кстати, замечает за собой и сам автор), которое будет сопровождать меня на протяжении практически всей книги: вопросов много, ответов мало. И все же главное (вспоминая предисловие к «Герою нашего времени») — «поставить диагноз», вызвать на диалог, а это у Козлова получается.

«Определение поэзии не должно быть единственным», — утверждает Козлов и напоминает (увы, не последний раз за книгу) пресловутого «Капитана Очевидность». Спасибо, кэп, определение поэзии единственным быть и не может, иначе одноименное стихотворение Пастернака («Определение поэзии»), например, закрыло бы тему. По Козлову, утрируя, сегодня поэзия — хороший способ провести время между свиданием и футболом, а завтра — миссия и смысл жизни. Так не бывает. По мне, все «определения поэзии» (независимо от степени их отрефлексированности) живут и работают в поэте в нераздельности и неслиянности, в цельнооформленном единстве.

Обратимся, наконец, к самим эссе. Первое из них именуется «Поэзия как собирание человека». В этой формулировке мне слышится некая наивность, странная для профессионала, которым Козлов, безусловно, является. Да, поэзия может «собрать» самого поэта, может способствовать «собиранию» читателя-сотворца, но «нового человека» как антропологический тип она, как мне представляется, не пестует. «Собирание человека» — это зона экзистенциальной ответственности самого человека, ничто внеположное ему — его не соберет. Он может «собрать» себя сам изнутри, в том числе (но не исключительно) за счет взаимодействия с поэзией, ни больше ни меньше.

Многое из того, что представляется мне (и уверен, что не только мне) самоочевидным, Козлову почему-то таковым не кажется. На многих тезисах ощутил налет штампованности, клишированности. Так, чтобы понимать, что «красота» поэзии и «красивость» гламурных журналов — не одно и то же, не нужны «двадцать лет черного труда критика, редактора, исследователя». Да, удивительная целостность, явленная поэзией, противостоит дискретности и «лоскутности» сознания современного человека. Но ведь поэзия оцельняла сознание, центрировала и фокусировала мировосприятие еще в Древней Греции. Помнится, Аристотель говорил о законченности как залого подлинной эстетической красоты художественного произведения и непременно в условии катарсиса. Принципиальной разницы с современностью здесь не вижу, тем более что у древних греков тоже разнообразных стрессов хватало.

Далее Козлов рассуждает о формулах и об искусстве как поиске формул, а также о способах рационального выведения таковых. Рассуждения эти выглядят хлипкими и, думается, в достаточной степени «опрокидываются» известными строчками Марины Цветаевой:

Стихи растут, как звезды и как розы,
Как красота — ненужная в семье.
А на венцы и на апофеозы —
Один ответ: — Откуда мне сие?

Мы спим — и вот, сквозь каменные плиты,
Небесный гость в четыре лепестка.
О мир, пойми! Певцом — во сне — открыты
Закон звезды и формула цветка.

Экспериментальный потенциал поэзии, на котором акцентирует внимание Козлов, трудно отрицать, известна, например, концепция «трех Э» Казарина — энигматичность, эвристичность, эксперимент как «три кита» стихотворения. Понятно и то, что эксперимент здесь залегает гораздо глубже языковых новаций, в области экзистенциального. Однако сама используемая Козловым метафора поэзии как лаборатории по выведению нового типа человека неизбежно заставляет вспомнить Гомункулуса из гетевского «Фауста». Само слово «выведение» подразумевает определенную искусственность и неполноценность полученного результата, в то время как поэзия зиждется на основах органики и естественности, «искусственное оплодотворение» здесь вряд ли возможно. В лаборатории можно создать эрзац, клон, киборга, но не человека, не живой организм стихотворения. «Закон звезды и формула цветка» принципиально невыводимы. Поэтому попытки описания поэзии с помощью «лабораторных» метафор обречены примерно в той же мере, как попытки вдавить обратно в тубик выдавленную из него зубную пасту. Финал же эссе несколько даже смущает возгонкой пафоса до проповеднического.

Второе эссе называется «Поэзия как полная противоположность идеологии». Сегодня, когда в так называемой «актуальной поэзии» (да и не только в ней) поэтическое сплошь и рядом подменяется политическим, внятно проговорить их сущностную полярность, конечно, не лишне. Однако яростно защищать поэзию от идеологии, как это пытается делать Козлов, все равно довольно странно, ибо поэзия сама с этим прекрасно справляется, как справлялась всегда. Да и «агитационная» поэзия бывает разная: недаром Мандельштам говорил о «Нигде кроме, как в Моссельпроме», что Маяковский «не поэзию опускает до масс, а массы поднимает до поэзии». Настоящая «агитка» требует гораздо большей виртуозности и мастерства, чем типовое лирическое нытье комнатной температуры. Козлов пропагандирует поэтический эскапизм, вероятно не совсем отдавая себе отчет в том, что поэзия может либо переплавить (но не подменить!) идеологию, оставшись поэзией и даже закалившись, либо раствориться в ней (что, увы, происходит гораздо чаще), перестав таким образом быть поэзией. Но вместе они никогда не сосуществуют: тут всё по Кьеркегору — или-или. Поэт всегда имеет право уйти в «башню из слоновой кости», но должен при этом понимать, что на соседней (или даже на этой же) «башне» может быть установлен вечевой колокол, который, по Лермонтову, «простым и гордым языком» звонит «во дни торжеств и бед народных».

Я бы не сказал, что нынешняя известная идеологическая поляризация российского общества оказала какое-то ощутимое влияние собственно на поэзию (не путать с литпроцессом). Кто был поэтом до СВО, тот поэтом и остался (изменив порой тематико-мотивное наполнение стихов, но и только), кто не был — так и не стал, ибо поэтом, как мы уже выяснили, человека не делают внеположенные ему события. Поэзия Анны

Долгаревой, например, остается поэзией ровно настолько, насколько она поэзия (в этом лично меня убеждает как книга «За рекой Смородиной», так и христианский цикл «Осенние молитвы», опубликованный в мартовском «Урале»). На тех же основаниях поэзией остается творчество Сергея Гандлевского, чью значимость для отечественной изящной словесности ничто поколебать не способно. Посему различные «отменяния» поэтов и поэтик с обеих сторон ничего, кроме грустной усмешки, вызвать не могут.

Художник выбирает независимость, спору нет, «тайная свобода» (Блок) — его основная ценность и спасительный воздух. Но эту независимость вовсе не обязательно реализовывать в форме апологии эскапизма. Становление художника не подразумевает автоматически аннигиляцию им в себе гражданина: кто кем «быть обязан» (вспоминая хрестоматийного Некрасова) и в какой степени — каждый опять же «выбирает для себя». Державин, Некрасов, Маяковский вполне реализовали свою поэтическую независимость в рамках поэзии, которую принято называть гражданской. В поэме «Владимир Ильич Ленин» Маяковский в первую и главную очередь выражает именно человеческое восхищение Лениным, а уже во вторую — свою идейную солидарность с коммунистической идеологией. Именно это проводит мощный водораздел между поэмой Маяковского и тоннами заслуженно забытых ныне холуйских и выхолощенных славословий пролетарскому вождю.

Конечно, художник пребывает в «точке венаходимости», но этой точкой его «зона влияния» не исчерпывается. Он впускает в себя свое время, мир с его текущими проблемами, чтобы осмыслить его с точки зрения вечности, сказать о вечном «сквозь» свою эпоху. Поэтому заявление о том, что художник не может быть гражданином, оставаясь при этом художником, критики не выдерживает, а праведный гнев автора уходит в пустоту.

Теперь об «ответственности художника». Художник «говорит всё», заявляет Козлов. Да, но «всё» можно (и нужно) сказать через частности. «Идеологическое» в этом смысле — материал для поэзии, не хуже и не лучше любого другого, и в этом качестве не может быть отвергнуто. Тютчевское «всё во мне, и я во всём» — это ведь не только о поэте во вселенной и вселенной в поэте. Это и о наличествующей социокультурной и политической реальности, в которой Тютчев, будучи дипломатом самого высокого ранга, разбирался отлично. И дорог он нам не только своим космизмом, но и своей философией истории — философией, выраженной через художественные образы. Расширяя и универсализируя призвание художника, Козлов на деле его сужает и обедняет. Отвернувшийся от «идеологии» Блок не был бы тем Блоком, которого мы знаем и любим, и не факт, что написал бы поэму «Двенадцать». Мандельштам не был бы Мандельштамом не только без «Мы живем, под собою не чуя страны», но и без «Оды» Сталину. «Всё» художника — это знаменитое «всё» Александра Введенского, которого тоже вне его эпохи и трагической судьбы обэриутства рассматривать невозможно. Таким образом, позиция Козлова вновь обнаруживает уязвимое, наивное и попросту опасное прекраснодушие...

Затеянный разговор никому не обещал быть коротким, а посему — продолжение следует...

Вера КАЛМЫКОВА

О РУССКОМ ЯЗЫКЕ, КУЛЬТУРЕ ОТМЕНЫ И СУДЬБЕ ПОЭТА

А ведь 70 лет советской власти продолжают сказываться: даже деятели культуры, казалось бы, такие восприимчивые к добру и злу, обсуждают культуру отмены по-небожительно, будто с высокой горы. Непредвзято не имея в виду, что за каждой акцией — человеческая судьба, у каждой агрессии — своя конкретная жертва.

Русско-кыргызского поэта и переводчика Вячеслава Ивановича Шаповалова (1947—2022), на первый взгляд, трудно причислить к жертвам. Социально он состоялся на зависть многим: в науке — докторская степень и статус университетского профессора, в искусстве — автор многих книг. Орденосеиц, награды кыргызские и российские. Повсеместно уважаем.

Среди стихотворений Шаповалова, написанных в последние годы жизни, одно называется «Русский язык». Поэт прибег в тексте к излюбленному приему — псевдо-градационному ряду однородных членов, когда возрастание или убывание признаков по значению — иллюзия, а энергия накапливается естественным путем, синтагматически, к концу предложения.

Мой безгласный...
Литавры латыни
и норманнскую серую сталь,
Византии огни золотые,
тюркской степи звенящую даль —
всё ты сплавил в себе воедино,
боль и нежность, безмолвье и гром,
славу, лаву соборного гимна,
звездный мир и подземный разлом!

Здесь публицистичности все же чуть больше, чем обычно у Шаповалова, но история русской лирики и такие примеры знает («Клеветникам России»). И в том и другом случае прямота высказывания — выражение личной авторской позиции, лирический герой вынужденно уходит на второй план. Интересно посмотреть, чем в случае Шаповалова вызван такой пафос.

Так вышло, что ему выпало стать очевидцем снижения в Кыргызстане статуса русского языка — вплоть до попыток отмены. Оставим в стороне его личную боль — она никак не отразилась на судьбе, разве что съела несколько лет жизни (недоказуемо), однако в стихах воплотилась через

мотив *безъязычья*. Культурный подтекст итоговой книги Шаповалова «Безымянное имя» (М.: Русский Гулливер, 2021) таков: народ, выбравший отказ от постимперского (имеется в виду СССР) языкового приоритета (русский как обще- и наднациональный), ожидает *немота* (еще один мотив, постоянный у Шаповалова).

Но почему так? Разве приоритет национального языка для народа любой бывшей советской республики — не благо? Разве *культура отмены* не означает освобождение от внешнего диктата, от насилия и навязанных на уровне говорения когнитивных схем, чуждых данному народу? Разве законотворчество, делопроизводство, социальное обустройство и др. не должны отвечать менталитету тех, ради которых все это осуществляется? Ментальность реализуется прежде всего через слова, это аксиома. К тому же за тридцать с лишком постсоветских лет выросло поколение, не желающее двуязычия, и оно имеет на это полное право.

Для Вячеслава Шаповалова и многих других, думающих в том же направлении, *культура отмены* с самого первого движения означала *отмену культуры*. Продолжив каламбурить, заметим, что *отмена* может быть созидательна, только пока *культурна*, то есть имеет некий предел, возле которого останавливается и не идет дальше. А иначе — костры из книг и снос памятников, чему мы, собственно, и становимся *холодными свидетелями*.

Отменяя русскую культуру на ныне самостоятельных национальных пространствах, мы тем самым отменяем и историю, которая тоже не только факты и статистика, но и реальная *совместность*, давшая, как мы знаем, множеству народов парадоксальный опыт идентичности. Появление национальных эпосов по-русски, публикация русских переводов национальных литератур позволяли не только титульным народам республик, но и сотням малых народностей увидеть себя в зеркале чужого языка и возгордиться собственной самостью. Любой отдельный менталитет, который мы так внимательно лелеем, становится особенным лишь в отражении, в сравнении; Нарцисс не смог бы понять, насколько он прекрасен, не случись рядом реки. Другое дело, что не стоит проводить всю жизнь или всю историю, глядя в воду... Вот почему цитированное стихотворение Шаповалова заканчивается: «Свет ликующий — // Русский Язык!»

Вячеслав Шаповалов получил государственные награды как раз за переводческую деятельность — он всю жизнь переводил не только кыргызских, но и других тюркоязычных поэтов на русский. Среди его работ — даже фрагмент из эпоса «Манас», по мотивам которого создана оригинальная поэма «Рождение манасчи» (так называется в Кыргызстане толмач эпоса). Жизнь на две культуры, естественное двуязычие воспитали в Шаповалове ощущение невозможности иного существования. И дерусификация кыргызской культуры ударила по нему крепко.

Шаповалов, конечно, понимал, что дерусификация национальных республик шла не изолированно от другого процесса — попытки *дерусифицировать саму русскую культуру*.

Мечта об интеграции в обобщенно-умозрительный «Запад» появилась в СССР из-за многолетней насильственной изоляции, жизни за «железным занавесом». Когда в 1980—1990-е он пал, в России почти сразу произошла смена школьной и вузовской экзаменационной парадигмы — принятие болонского стандарта. Что ж, чем не окно в Европу: пусть дети имеют возможность получать аттестаты и дипломы европейского образца, учиться и жить где хотят... Но мало кто вспоминает сейчас, что тогда же начал было действовать более сильный вектор — переход русской науки на английский с тем, чтобы русский оставался лишь языком бытового общения.

Можно, конечно, считать *диглоссию* вариантом *билингвизма*, оно как-то помягче выглядит; но лучше взглянуть на нее как на самостоятельный процесс, при котором существует разделение на высокое и низкое, сакральное и профанное. Первые позиции занял бы язык другой империи, Британской. Ментально ни на российских, ни на постсоветских территориях не укорененный вообще никак, историческим опытом совместной деятельности не подкрепленный ни в какой степени.

Шаповалов был билингом. Диглоссия оказалась для него сначала пугающей, потом неприемлемой.

Почему же, почему? Ведь интеграция в «Запад» не хороша и не плоха, это выбор и судьба, ничего больше. Да, но до тех пор, пока интеграция не оценочна. Едва лишь Фрост как совокупность социокультурных смыслов оказывается на отметке «хорошо», а Пушкин — «плохо», сразу начинаются процессы, разрушающие единство народа — и народов. Мы уже в высочайшей степени интегрированы в западную культуру, о чем свидетельствуют книжные переводные залежи или музейные коллекции, где имеется приличный корпус если не артефактов Древнего Египта, то малых, допустим, голландцев или фламандцев побольше. Это прекрасная интеграция, нам бы довести ее *от Москвы до самых до окраин*; она порождает множество культурных смыслов, которые тоже хорошо бы нам усвоить *с южных гор до северных морей*. Это необходимое, хотя и не достаточное условие воспитания человека, умеющего думать и чувствовать, то есть человека *культуры*.

Казалось бы, ну что там горстка высоколобых, жаждущих диглоссии! Что они могут в стране со сколько-то миллионным населением? Однако несколько недавних лет мы прожили в *Рашке*; это было очень смешно — проект «Наша Раша», но по сути от «больной Р.» девяностых он отличался ненамного.

Империи за время функционирования нарабатывают, как правило, высокий культурный потенциал: воспевать власть нужно профессионально. И, например, собор Святой Софии до сих пор остается одним из чудес света именно потому, что мастерство исполнителей работ гарантировалось имперским характером заказа. Когда же империи рушатся, социальные механизмы слабеют, но культурные — нет: в естественных условиях их хватает еще лет на триста, причем, как правило, за это время и расширяется тематическое поле для художников, и расцветает формотворчество. Эта ситуация у Вячеслава Шаповалова описана объемно:

...во дни сомнений гремит сквозь ад
бездомный имперский язык,
блещет стеганый рваный халат,
в курджуне — яблоневый сад...
(«Киргизия. Кукурузный Христос»)

Единственное условие: не разрушать культурный потенциал намеренно. Тогда в памяти о былом величии содержится зерно *достоинства* народа.

Не задумайся Россия об отказе от самой себя, не возникла бы отмена культуры в бывших союзных республиках. Потому что залог величия — *самостоянье*, а не поиск подпорок вовне. Самостоянье не исключает критический взгляд, признание пороков и даже преступлений. Сильного признание не свалит, а лишь укрепит. Только в таком случае возможна *отмена отмены*.

Когда сам народ — или интеллектуальная элита, отрешившаяся от него и решающая его судьбу, — отказывается иметь достоинство, остается только надеяться, что уцелеют хотя бы единицы тех, кто будет о нем помнить. Вячеслав Шаповалов был из них.

На берегу три идола могли ведь
еще надежду побережь в тепле,
слепые очи девственница Лыбедь
дарует зрячей сумрачной толпе,
и на устах, что вымазаны кровью —
чужой молитвы бессловесный рык:
в пути от православья к празднословью
отвергнут христианнейший язык.
Они идут, свергая храм за храмом
и капища надстраивая ввысь,
где их отцы под прапором багряным
всё предали, что защищать клялись.
(«Факелonosцы»)

...Однажды мне довелось поделиться с Шаповаловым неожиданным наблюдением. Почитав пособие по литературе для московской англо-американской школы, я заметила, что интерпретация текста по этой методике практически безгранична и «Солнечный круг, небо вокруг...» можно объяснить как космогоническую картину мира. Вячеслав Иванович очень смеялся. Смех казался горьковатым. При всей традиционной российской открытости *во все концы света* недурно все-таки в первую очередь помнить, кто такие мы сами. Может быть, вспомним сейчас?.. Тогда, например, вся огромная переводческая работа поэтов поколения Шаповалова и старше окажется ненапрасной. Вновь обретут ценность народные эпосы по-русски. И вдруг государства, ранее объединенные насильственно, потянутся друг к другу добровольно.

Владимир БОРИСОВ

РАЗГОВОРЫ С ЭКИПАЖЕМ, или КОГО ВЗЯЛ БЫ НА СВОЙ КОВЧЕГ ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ?

Читая новую книгу новосибирского писателя¹, вдруг явственно ощутил, что именно нас крепко связывает. Помимо любви к фантастике и книгам. Мы оба родились и провели детство в районных центрах Красноярского края. Прашкевич в селе Пировском (около трех тысяч жителей), я — в селе Бея (около четырех тысяч жителей). Прашкевич пишет о том, что в селе было много ссыльных (в разные времена). В Бее их тоже хватало, тут жила некоторое время Е. Д. Стасова, соратница Ленина, и семейная легенда гласит, что мой дед даже передавал что-то от нее Ленину в Шушенское (это 50 километров по прямой, но через Енисей), где тот отбывал свою ссылку.

Параллели можно множить. Мы читали жадно и всё подряд. Не только художественную литературу, но и книги о науке, о путешествиях, об астрономии и космосе. Конечно, круг чтения у нас несколько отличался, прежде всего потому, что я младше на десять лет, и возможности для знакомства с новинками в 1950-х и в 1960-х годах существенно различались. Я бы даже сказал, что мы читали совершенно разную фантастику в те годы. Но у нас было кое-что и общее — классика: книги Жюль Верна, Герберта Уэллса, Александра Беляева. Много позже Геннадий Прашкевич отдаст дань некоторым из этих авторов, написав о них свои биографические книги.

Но было, пожалуй, одно направление, в котором юный Прашкевич преуспел и превзошел меня. Дело в том, что острая нужда в общении подвигла школьника писать письма самым разным писателям и ученым. Фрагменты этой его полувековой переписки вышли отдельным изданием в 2021 году под названием «Портрет писателя в молодости», в котором Прашкевич прокомментировал письма И. Ефремова, братьев Стругацких, профессора Н. Н. Плавильщикова, В. Астафьева, Ю. Семёнова и многих других. По каким адресам отправлял свои письма ученик

¹ Геннадий Прашкевич. Судовая роль (Собеседники): Роман-воспоминание. — М.: Престиж Бук, 2024. — 480 с.

тайгинской школы № 2, история умалчивает, но факт остается фактом: письма доходили до адресатов. И самое удивительное: весьма известные люди находили время, чтобы ответить школьнику!

Жаль, что у Прашкевича не сохранились его собственные письма; мы можем судить о их содержании лишь по ответам его собеседников по переписке. Но история любит неожиданности. Совсем недавно минский исследователь творчества Станислава Лема Виктор Язевич обнаружил в архиве польского писателя вот такое письмо.

Здравствуйте, уважаемый товарищ Лем!

Я решился все же написать вам письмо, будучи почитателем вашего таланта. Я прочел ваших «Астронавтов». Вы обладаете чудесным даром — воображением. Будучи соединено с вашими научными знаниями, оно дает такие результаты!

Я не знаю — дойдет ли мое письмо до вас. Если дойдет, я очень прошу ответить на некоторые мои вопросы. Мне 17 лет. Я живу в Западной Сибири. Но тем не менее до нас доходят ваши вещи. Я очень увлекаюсь литературой и мечтаю стать писателем. В составе экспедиции Палеонтологического музея Академии наук СССР я совершил несколько больших поездок по всей стране. Я много видел и много читал. Это дало мне возможность напечатать ряд рассказов — бытовых и фантастических, и также ряд популярных очерков. Если вы заинтересуетесь, я вышлю вам кое-что из моих рассказов.

Я хочу попросить вас вот о чем:

1. Расскажите о состоянии научно-фантастического жанра в Польской Народной Республике.

2. Расскажите о вашей жизни. Хотя бы кратко и об основных ваших произведениях.

3. Если возможно — вышлите вашу фотокарточку и что-нибудь из ваших книг.

Простите, если вас это в чем-нибудь затруднит. Я бы очень хотел переписываться с вами.

С нетерпением буду ждать ответа.

С приветом!

Геннадий Прашкевич

К сожалению, сам Геннадий Прашкевич сейчас не помнит, получил ли ответ от польского мастера, во всяком случае, при разборе своих архивов он не нашел писем от Лема (впрочем, разобраны эти архивы пока не полностью, и кто знает, что в них еще обнаружится). Через двадцать лет, в 1978 году, он пошлет Лему уже свою книгу — «Разванное чудо», с посвящением: «Пану Станиславу Лему — учителю». И Лем эту книгу получит и пришлет благодарственное письмо.

Но это будет потом, а пока юный Прашкевич широко открытыми глазами пытливно всматривается в окружающий мир, получая от своих именитых корреспондентов не только советы, но и серьезные поручения.

Вот что писал Иван Ефремов 23 апреля 1957 года (Прашкевич жил тогда на станции Тайга):

Что вы собираетесь делать летом? Наш музей мог бы дать вам одно поручение: посмотреть, как обстоят дела с местонахождением небольших динозавров с попугайными клювами — пситтакозавров, которое мы собирались изучать в 1953 году, но оно было затоплено высоким половодьем. Это в 90 километрах от Мариинска, который в 150 км по железной дороге от Тайги. Если есть возможность попасть

туда и посмотреть — срочно напишите моему помощнику Анатолию Константиновичу Рождественскому о том, что вы могли бы посетить местонахождение. Он напишет вам подробные инструкции и советы что надо делать.

И ведь поехал тайгинский школьник искать динозавров (с поугайными клювами!), да не один, а с двумя сверстниками. Неважно, что самих пситтакозавров они не нашли (опять был высокий уровень воды), зато нашли многочисленные следы стоянки людей каменного века. А параллельно Прашкевич пробовал силы в литературе. Сразу в трех направлениях: писал стихи, фантастические рассказы и очерки о науке. Первые публикации вышли в газете «Тайгинский рабочий»: научно-фантастический рассказ «Остров Туманов», очерк «В поисках динозавров» и романтические стихи. После участия в следующей научной экспедиции (в Пермскую область), где будущий писатель нашел кость эстемменозуха — крупного травоядного динозавра, он принес в редакцию «Тайгинского рабочего» стихи об этом удивительном животном. Эти стихи печатать не решились, но Прашкевич не расстраивался:

Ну и ладно. У меня и другие стихи были.

Например, об аномодонтах — на их броне мох рос.

И о териодонтах были у меня стихи, не дай бог встретиться с этими хищниками на узкой тропинке. И о загадочных диссорофидах я писал. Они были толстые и короткие, как сардельки. Из их толстых шкур можно было сапоги тачать, только все эти звери вымерли. А жалко. Вдоль всей спины диссорофида тянулся высокий кожистый парус. Приручил таких — и устраивай парусные гонки...

Собственно, эти три направления — поэзия (как своя, так и переводы с корейского, болгарского, сербохорватского), публицистика и проза (фантастическая, реалистическая, историческая, детективная) — стали для будущего литератора главными на всю дальнейшую жизнь. В одном интервью Геннадия Прашкевича я нашел такие слова: «Писатель, он как троякодышащая рыба. Он должен дышать так, вот этак, и еще вот так». Вот он сам так всегда и дышит, по-разному. И соответственно пишет.

Наверное, как и любому пишущему, Геннадию Прашкевичу неоднократно казалось, что у него ничего не получается, что ему никогда не удастся создать что-нибудь стоящее. Мне интересно было узнать, когда он впервые осознал, поверил, понял, что может писать по-настоящему? Что послужило основным показателем этого? Может быть, кто-то авторитетно подтвердил это? Как это произошло?

На мои вопросы писатель честно ответил:

Чувство провала — очень нужное чувство, иначе не пройдешь по натянутому канату. Я помню, с каким страхом перечитывал рукопись «Белого мамонта». Кто это будет читать? Помню, как несколько лет не отпускал от себя рукопись «Секретного дьяка». Ну, кому нужна вся эта история? Как долго писал я свои книги об ученых, писателях и фантастах, часто не получая вообще никакой помощи. И только после первых отзывов начинаешь понимать, что все-таки получается. Хотя есть и исключения. Скажем, «Божественную комедию» я написал на одном дыхании и сразу *знал*, что все получилось, то есть

получилось так, как я хотел. И Борису Натановичу [Стругацкому] я отослал рукопись с полным сознанием того, что он это примет.

И он принял.

Юность моя пришлась на годы ужесточения всех тем в литературе. Я не печатался, а то, что появлялось, вызывало в печати самую резкую отповедь. Рецензии московских писателей были невыразимо злобны, будто я и правда подрывал основы их существования. Но время от времени совершенно разные люди вдруг выражали свое одобрение, даже восхищение иногда: Виталий Бугров, Зиновий Юрьев, Валентин Катаев, Юлиан Семенов, Александр Бирюков, Георгий Гуревич, Аркадий Стругацкий. И все же я помню, как больно было чувствовать себя постоянно на обочине дороги, по которой катили удивительно уродливые арбы...

В конце шестидесятых на Сахалине я написал повести «Ильев. Его возвращение» и «Мыс Марии». Сотрудники нескольких московских журналов, отказавшись печатать предложенное (по причинам далеко не литературным), в частных письмах поздравили меня с успехом. Не странно ли? Но это поддержало меня необыкновенно... Уже в начале семидесятых я твердо знал, что будут меня печатать или нет, я продолжу это прекрасное занятие — писать книги. Просто нужно было распределить силы на большую дистанцию.

Дистанция действительно получилась длинной.

Жизнь Прашкевича — это практически новейшая история нашей страны.

Как-то, более десяти лет назад, я попросил его кратко охарактеризовать каждое десятилетие прожитого, 1940-е, 1950-е годы и далее: какими они были именно для него, чем запомнились, что было в них хорошего (и наоборот)?

Прашкевич откликнулся:

40-е годы — ужасное желание хоть что-нибудь съесть, вечное недоедание, зато в Когизах книжечки копеечные — о происхождении жизни, о вулканах, о доисторических животных... Из провинции мир виднее... Необыкновенно ярко виделось будущее...

50-е — школьная жизнь, девчонки, библиотеки, чтение при свете керосиновой лампы, невесть откуда приходящая приступами тоска: мир огромен... так хочется увидеть его... но недоступен он, недоступен... по самым разным причинам...

60-е — отчетливое понимание того, что чем больше знаешь, тем интереснее жить; и параллельно — отчетливое понимание того, что окружающим далеко не всегда нравится то, что ты что-то знаешь и понимаешь лучше них... Серьезное отношение к переменам, происходящим в стране... Окончательное понимание того, что мир, конечно, закрыт... и уж совсем закрыт после того, как была уничтожена цензурой первая моя поэтическая книжка...

70-е — понимание, что самое прекрасное в жизни — это *своя* работа, для *своих* мозгов, а одновременно для всех... Понимание того, что своим успехом можно не только раздражать окружающих, но и радовать...

80-е — ужасное понимание того, что огромные системы в мире меняются вовсе не по твоей воле, а значит, единственный способ работать — не *как все*, а *лучше*, и даже не лучше, а *лучше всех*... Эпоха *больших* друзей, придерживавшихся примерно тех же взглядов...

90-е — понимание того, что мир революций — это мутный и страшный мир, и если ты хочешь устоять, удержаться в нем, то работай, как *ты* умеешь, не подчиняйся чужим мнениям, отстаивай

свои взгляды на мир, — эпоха большого понимания необратимости почти всех процессов...

XXI век, нулевые, — мир открыт, и, если ты от души работал, ты не утонешь, ты получишь все те удовольствия, о которых мечтал в юности... Путешествия, любовь, работа... Наслаждайся свободой, открытым миром, работой, друзьями, подступающим одиночеством и пониманием того, что ты начинал понимать уже в 40-х...

Почему новая книга Прашкевича называется «Судовая роль»? Почему именно так?

Да потому, что в ней или прямым текстом, или метафорой жизнь человеческая уподобляется ковчегу, на котором все мы плывем в неизвестное, именуемое будущим. Тому самому ковчегу, в котором каждой твари по паре. А на любом судне, как известно, должна быть судовая роль — основной документ, содержащий точные сведения о количестве и составе экипажа при приходе и отходе судна. Вот писатель и попытался рассказать о тех, с кем он встречался на этом плывущем в будущее корабле, о чем с ними толковал, кто и чем ему особенно запомнился. Встреч было много, и собеседники попадались Прашкевичу самые удивительные, всегда интересные. Некоторые становились даже соавторами. Писатель вспомнил, конечно, не всех, но многих, начиная с одноклассников. Результаты общения с этими собеседниками часто приводили к написанию новых произведений. Иногда это видно явно, иногда — совсем не видно, и нужно провести настоящее расследование, чтобы понять, «из какого сора» выросла та или иная вещь. В новой книге писатель решил помочь возможным своим исследователям. Оглавление снабжено примечанием: «В скобках указаны произведения автора, замысел которых связан с описываемыми в главках событиями». Да, просто внимательно читай, сопоставляй, и тебе откроется истина. Но должен заметить, что подсказки автора не так просты, как кажется. Иногда мысль твоя должна проделать сложные кульбиты, чтобы понять, какие, собственно, связи имел в виду автор...

А иногда и это не помогает.

Казалось бы, книга-воспоминание не должна содержать никакой фантастики и просто рассказывать о том, что когда-то произошло. У обычных мемуаристов так и ведется, как правило. Но мы-то имеем дело с необычным. Вот случай из жизни автора, который произошел в южносахалинском кафе «Алые паруса» в 1968 году. Собрались местные поэты, компания говорливая. Стихи, споры, музыка, разговоры. И вдруг к этой компании подошел незнакомец в полувоенном кителе с погончиками и сказал, что хочет купить одно из прозвучавших стихотворений. Зачем? «В две тысячи двадцать восьмом году, — медлительно и просто пояснил незнакомец, — проданное мне вами стихотворение войдет во все самые значительные антологии мира». Когда? В 2028 году? Молодым поэтам из 1968 года эта дата показалась невероятно далекой. Но почему бы и нет? Две бутылки коньяка, и стихотворение было продано. Правда, осталась интрига. Незнакомец ведь не сказал, какое именно стихотворение он выбрал, кто его автор. Сейчас до 2028 года осталось совсем немного. Сбудется ли предсказание незнакомца? О каком стихотворении

он говорил? Вообще, кто этот незнакомец, почему вещал о далеком времени? Пришелец из будущего? Провидец грядущего? Нет ответов. Что ж, подождем.

Честно говоря, переход ко второй части книги, в два раза превышающей по объему первую часть, вызывает у меня затруднение. Да, в основе ее продолжение жизни автора, но она, эта жизнь, описана как бы пунктиром, как нечто второстепенное, а главным в ней стали собеседники автора, те самые, с которыми он сдружился на ковчеге. Их много, почти столько же (и даже больше), сколько и главок (а их около сорока). И каждый из участников судовой роли ковчеха как-то причастен к тому, что писал сам Прашкевич. Кто-то советовал, а кто-то просто указывал. Вот Аркадий Стругацкий: «Кому, как не тебе, брат Геннадий, писать о черном монахе? Кому, как не тебе, богодулу курильскому, писать о своих ранешних и нынешних друзьях? Так что пиши. О монахах, землепроходцах, дикующих». А вот Кир Булычѳев: «Ты напиши историю какого-нибудь потерянного сибирского народа. Есть же у вас такие? Или о Шамбале напиши. Книжка выйдет, раскупят ее, переиздадут, она тебя кормить будет, как домашняя корова. Или напиши про Гиперборею, или про Лукоморье, это тоже всем интересно. Или про страну Офир напиши, а то на нее наш друг гагауз Боря Штерн, я слышал, положил глаз. Но лучше всего, напиши историю Лемурии. Кому, как не тебе, писать об этом исчезнувшем материке? Напиши, в конце концов, о стране с молочными реками и кисельными берегами!» А вот необыкновенно интересные мысли о будущем высказывают то философствующий дворник из Минусинска Альвиан Афанасьев, то известный генетик академик Виталий Арнольдович Кордюм. А кто-то просто делится своими историями...

Ну а брат Геннадий не оценивал людей по внешнему лоску, по количеству титулов или наград. Он уже знал, что многое преходяще, что суровая история легко отбрасывает в небытие вчерашних кумиров. Его интересовали невыдуманные, настоящие мысли и идеи. Да и собственная жизнь тревожила. Были и рассыпанные гранки, и не вышедший первый сборник стихов, и уничтоженный тираж уже отпечатанной книги, и тираж книжки, сгоревший в разбомбленной луганской типографии...

В известной работе «Как стать гением. Жизненная стратегия творческой личности» создатель науки об изобретательстве Генрих Альтшуллер (он же — писатель-фантаст Генрих Альтов) писал, что творческая личность неизбежно встречает противодействие со стороны внешних обстоятельств, которые могут принимать самый разный облик и неизбежно мешать достижению задуманной цели. О том же писали братья Стругацкие в повести «За миллиард лет до конца света», в которой внешние обстоятельства именуются Гомеостатическим Мирозданием.

Как противостоять всему этому?

Один из героев повести Стругацких, ученый Филипп Вечеровский отвечает на указанный вопрос так: «Когда мне плохо, я работаю. Когда у меня неприятности, когда у меня хандра, когда мне скучно жить, я сажусь работать. Наверное, существуют другие рецепты, но я их не знаю.

Или они мне не помогают. Хочешь моего совета — пожалуйста: садись работать. Слава богу, таким людям, как мы с тобой, для работы ничего не нужно, кроме бумаги и карандаша...» А старший из братьев-фантас-тов — Аркадий Стругацкий, когда Прашкевич пожаловался ему на то, что его книгу «Великий Краббен» цензура пустила под нож, так успокоил расстроенного писателя: «Ну, зарубили у тебя еще одну книгу. Плюнь! Не первая и не последняя. Не вздумай терять время на ее спасение. Садись и пиши новую. Пока пишешь, один редактор сопьется, другого выгонят, Госкомитет разгонят, сам режим сменится. Крикнут, где руко-писи? Тут ты и появишься!»

Слушая рассказы Прашкевича об Иване Козыревском (в монашестве Игнатии), Аркадий приходил в восторг.

— Всё отребье мира! — торжествовал Стругацкий. — Кому, как не тебе, написать о брате Игнатии? Сколько ты сапог стоптал на островах? Ты и сам похож на этого монаха — длинный, к авантю-рам склонный. Сколько раз советовал тебе Гиша [Георгий Гуревич] связывать фантастику с тем, что ты уже видел. Сколько раз я тебе говорил, пиши про своих курильских богодулов...

— Я написал. И где теперь тираж «Великого Краббена»?

— ...про сахалинских бичей... про девиц на сайре...

— А где теперь тираж книги «Звездопад»?

— ...и про путь в Апонию... — Он меня не слышал. — Ты же ходил по океану. Чуть-чуть не дошел до острова Мальтуса. Читаешь морские карты, таскаешь сорокакилограммовый рюкзак, умеешь разжечь костер под любым ливнем. И в рабочих у тебя, наверное, ходили убивцы. Козыревский — это же твой герой!

То, что Геннадий Прашкевич станет в будущем путешественником, он сам знал точно еще школьником. Знал, что объедет всю планету. Ну, пусть половину.

Первые шаги к хождению по всему миру Геннадий предпринял еще в Тайге, а затем — в новосибирском Академгородке, в котором живет с самого его основания. Участвовал сначала в экспедициях по пригла-шению Ивана Ефремова, затем — в различных геологических и пале-онтологических экспедициях (Урал, Кузбасс, Горная Шория, Дальний Восток, Камчатка). А когда появилась возможность беспрепятственно выезжать за границу, Прашкевич использовал ее на полную катушку. Побывал и в Европе, и за океаном — в Америке, и на Ближнем Востоке. Но главным, любимым его местом надолго стал Индокитай. В том или ином виде впечатления от путешествий выливались в художествен-ные или публицистические работы писателя. Впрочем, когда читаешь описание колоссальной гравитационной Воронки на морской планете Несс («Анgrav-VI») или событий в нетипичной зоне Крайнего сектора, где главный герой пытается понять странную расу протозид («Костры миров»), умом понимаешь, что автор никак не мог там побывать, что все это результат его воображения, но детальность, подробность описанных им мест и событий невольно порождает сомнение: а может, Прашкевич действительно видел все это собственными глазами?

Ведь у него очень хорошее зрение.

Вот он рассказывает о своих беседах с Виталием Бугровым.

Я рассказал Виталию про кальдеру Львиная Пасть, где видел однажды странное существо, напоминавшее мне плезиозавра. Виталий сразу вспомнил М. Розенфельда, Г. Адамова. Вспомнил А. Палея. Показал редкое издание «Плутонии» Обручева — довоенное. Я рассказал об извержении вулкана Тятя, когда мир погрузился в дымную темноту и медведь-муравьятник в двух шагах от меня мыл лапами морду, думая, наверное, что ослеп. Виталий тут же вспомнил Жюль Верна и А. Беляева. «Вулканических» вещей в мировой фантастике много. Даже капитан Гаттерас гибнет в жерле вулкана. В ответ я не стал скрывать, что в Тихом океане на траверзе острова Мальтуса лично видел одного из китов, на которых стоит мир.

Ну, тут Геннадий Мартович немножко прихвастнул.

Потому что в одной из публикаций своих «Записных книжек» честно признавался:

Однажды на Кунашире в кафе «Восток» я пил бормотуху с богодулом, на полном серьезе уверявшим меня, что лет пять назад в Тихом океане (когда-то этот богодул был боцманом) при совершенно ясной погоде и трезвой памяти он видел тех самых трех китов, на которых стоит мир.

Впрочем, кто его знает, что там можно увидеть на траверзе острова Мальтуса? И когда, в какой из ветвей Мультиверса, кому именно там могут показаться киты, на которых стоит мир?

Кстати, знаете, почему случился всемирный потоп?

«Когда-то китов, на которых стоял мир, было четыре. Потом один сдох. Пока устанавливалось равновесие, мир здорово качало». Это я тоже нашел в «Записных книжках» Прашкевича.

...Геннадий Мартович любит водить гостей по новосибирскому Академгородку. Он все там знает. В один из последних моих приездов он повел меня к «мышке, которая всем гостям Академгородка вяжет варежки». Внутренне посмеиваясь, я не стал вслух высказывать своих сомнений. Знаю я Геннадия Мартовича: у него самое фантастическое неожиданно становится явью. И что же? В сквере у Института цитологии и генетики сидит мышка почтенного возраста, в очках на кончике носа, и действительно что-то вяжет. Правда, присмотревшись, можно понять, что вяжет она вовсе не варежки, а двойную спираль ДНК. Этот памятник лабораторной мыши поставлен в знак благодарности за вклад в изучение генов животных и разработку новых лекарств.

А чюхчи в сендухе до сих пор рассказывают детям сказку: летел гусь над тундрой, увидел внизу Прашкевича, сел рядом с ним, долго на Прашкевича смотрел, ничего в нем не понял и полетел дальше...

Впрочем, книгу свою новую сам писатель заканчивает очень даже понятными словами.

Чуден, прекрасен, свободен мир. Ничего не надо скрывать. Всем все прощено.

Я многому научился у своих собеседников. Давно и твердо знаю: все обязательно будут прощены, все непременно спасутся. Правда, как это ни грустно, собеседники уходят. Уходят и уходят.

Но их больше, чем мы думаем.

Потому я и работаю, не тороплюсь.

Наталья ТРИГАЛЕВА

ВДОХНОВЛЕННЫЙ ЕНИСЕЕМ

О художнике Николае Сальникове

Удивительно, но художник, в чьих работах столь ярко запечатлена величественная и суровая Сибирь, стал сибиряком уже в зрелом возрасте. А родился и вырос Николай Сергеевич Сальников (1924—1982) в станице Степной Приморско-Ахтарского района Краснодарского края. В 1942-м Николая призвали в армию, он провоевал до Победы.

В 1946 году будущий художник приехал на север Красноярского края, где жил и работал в Туруханске, Дудинке и Норильске. В 1953 году переехал в Красноярск. Осенью 1955 года был принят в живописный цех Красноярского отделения Художественного фонда СССР, где и трудился всю оставшуюся жизнь. В том же году работы Николая впервые были представлены на краевой художественной выставке.

Конечно, ему хотелось получить профильное образование. Он стал учиться на вечернем отделении Красноярской художественной школы им. В. И. Сурикова. Эта школа, основанная в 1910 году при участии самого Василия Ивановича, дала Николаю хорошую подготовку. Также заметно поспособствовала его творческому росту и знаменитая Челюскинская дача — Дом творчества художников-графиков в Подмосковье. В этом поистине сакральном для художников месте была не только материальная база для всех основных техник печатной графики, включая труднодоступные в Сибири офорт и литографию, но и особая товарищеская атмосфера. «Челюха» стала для Сальникова и высшей школой графического мастерства, и источником знаний о художественных тенденциях в стране и в мире, дала возможность погрузиться в творчество, оставив на время заботы обычной жизни.

Важным для художника было и сотрудничество с Красноярским книжным издательством, для которого Сальников оформлял книги.

С конца 1950-х годов Н. С. Сальников участвовал во всех городских и краевых выставках, в 1963 году вступил в Союз художников СССР. Вскоре его работы увидели зрители всесоюзных и международных выставок. В 1968 году за гравюру «Сибирские поля», представленную на международной выставке графики в Риме, он получил бронзовую медаль ЮНЕСКО. Его работы приобретали музеи, в том числе Государственный

Русский музей в Санкт-Петербурге, художественные музеи в Кемерове, Красноярске, Новосибирске, Омске, Ставрополе, Томске.

Николая Сальникова на протяжении всей жизни привлекали рисунок и акварель. Предпочитаемой же техникой стала линогравюра, а любимой темой — природа и люди Красноярского края. К живописи маслом художник обращался сравнительно редко — в самом начале профессиональной деятельности и в последние годы жизни. В основном это этюды с натуры.

Несмотря на несомненные успехи в живописи, по складу характера Николай Сергеевич был именно графиком. Ему больше импонировали обобщенные монументальные формы, четкие силуэты, упругие широкие линии, контрасты темного и светлого, организованность ритма, умение работать с большими пятнами цвета. Нетрудно заметить, как за короткое время он продвинулся от близкой к натуре повествовательной манеры начала 1960-х годов к лаконичной и строгой знаковости рубежа 1960—1970-х. Очевидно, что особенности художественного языка Сальникова полностью соответствуют содержанию его линогравюр, создающих одновременно реалистически-достоверный и возвышенно-символический собирательный образ Красноярского края.

В творчестве художника прослеживаются несколько существующих параллельно тематических линий. Прежде всего это Енисей — не просто большая река, но стержень, на котором держится жизнь природы и людей от Саян до полярных льдов. В его образах доминируют мощь и спокойное величие; люди показаны сильными, но осознающими свою зависимость от природы. Далее — тема Севера, мрачноватая и завораживающая красота тундры, тайги, причудливых скал и холодных рек. В «северной» группе работ чаще, чем где-либо еще, встречаются сюжеты с участием людей: оленеводов, охотников, рыбаков, геологов. Автор, почти десять лет проживший в Заполярье, знал их жизнь, понимал характеры и был вправе говорить от их имени.

Возведение Красноярской, Усть-Хантийской и Саяно-Шушенской ГЭС, строительство ЛЭП, дорог и мостов через горы, тайгу и неукротимые реки, своеобразный уют палаточных городков и рабочих поселков были по-настоящему интересны художнику. При этом его работы отражали не только восхищение грандиозностью преобразований, но и тревогу, порожденную вторжением в иную, не человеком созданную реальность.

Лаконичные, технически безупречные, разнообразные по колориту и композиции гравюры, тонкие по настроению акварели, трепетные пастели и цветные зарисовки, острые и динамичные рисунки и наброски Николая Сальникова были и остаются живым примером, на котором учатся и будут учиться поколения красноярских художников. Творческое наследие Николая Сергеевича, его самозабвенное служение искусству, широта интересов, умение видеть смысл и красоту во всех проявлениях жизни достойны уважения и памяти.

АВТОРЫ НОМЕРА

Амбросьев Александр Ксаверьевич (Сайылык Уола) родился в 1960 г. в селе Вилючан Сунтарского улуса Республики Саха (Якутия). Окончил торгово-кооперативное училище и Октемский филиал Якутского республиканского культурно-просветительского училища. Работал в сельском клубе, затем в сфере торговли. Публиковался в журналах «Курулгэн», «Чолбон», «Полярная звезда», «Байанай», «Сибирские огни». Победитель литературного конкурса научно-популярного журнала «Байанай» (2022), лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2022), Всероссийской литературной премии «Душа природы» (2023), премии журнала «Сибирские огни» за 2023 год. Автор нескольких книг стихов и прозы. Живет в селе Крестях Сунтарского улуса Республики Саха (Якутия).

Борисов Владимир Иванович родился в 1951 г. в селе Бея Красноярского края. Окончил Томский институт автоматизированных систем управления и радиоэлектроники (ныне ТУСУР). Библиограф, издатель фэнзинов, активист фэн-движения. Автор критических статей и переводов польской и чешской научной фантастики. Один из авторов первой отечественной «Энциклопедии фантастики», составитель энциклопедии «Миры братьев Стругацких». Лауреат премии им. И. А. Ефремова (2001) за вклад в развитие и пропаганду фантастики и премии им. Аркадия и Бориса Стругацких («АБС-премия», 2016) за книгу «Станислав Лем», написанную в соавторстве с Г. Пращкевичем. Живет в Абакане.

Воротнин Юрий Иванович родился в 1956 г. в поселке Пирово Тульской области. Окончил строительный факультет Тульского политехнического института. Заслуженный строитель России, генеральный директор АО «Проектно-строительное объединение № 13», президент футбольного клуба «Истра». Публиковался в журналах «Наш современник», «Сибирские огни», «Москва» и др. Автор пяти поэтических сборников. Лауреат ряда литературных премий. Член Союза писателей России. Живет в городе Дедовске Московской области.

Габрусенко Валерий Васильевич родился в 1941 г. в Новосибирске. Инженер-строитель, специалист в области строительных конструкций, кандидат

технических наук, педагог. Публицистикой занимается с 1995 г. Выступал на Новосибирском депутатском радиоканале «Слово», публиковался в газетах «Память Отечества», «За Русское дело», «Русский вестник», журналах «Молодая гвардия», «Медный всадник», «Русич» и др. Автор брошюр «Задачи русской молодежи», «Отсталый ли русский народ?», «Где искать фашистов в России», книг «150 русских гениев» (2-е издание «200 русских гениев»), «Творцы оружия Победы».

Денисова Наталья Сергеевна родилась в 1981 г. в поселке Пинега Архангельской области. Окончила Поморский государственный педагогический университет им. М. В. Ломоносова (ныне САФУ), факультет коррекционной педагогики. Работает учителем-дефектологом в школе. Финалист (2022) и лауреат (2023) Архангельского межрегионального литературно-музыкального конкурса-фестиваля им. А. Грина. Публиковалась в сборнике, изданном по итогам фестиваля, и в журнале «Сибирские огни». Живет в поселке Пинега.

Ефремова Дарья Викторовна родилась в Москве. По образованию искусствовед-теоретик, окончила РГГУ и аспирантуру того же вуза. Училась в Институте журналистики и литературного творчества (мастерские Льва Аннинского и Валерия Аграновского) и на семинаре критики журнала «Вопросы литературы». С 1998 г. — журналист, литературный и театральный обозреватель, колумнист и редактор в федеральных СМИ («Известия», «Литературная газета», «Труд», «Культура»). Соавтор книги «Портрет поздней империи. Андрей Битов».

Журавли Евгений Вячеславович родился в 1979 г. в городе Ярцево Смоленской области. Окончил Калининградский государственный университет (ныне Балтийский федеральный университет им. И. Канта) по специальности «технология и предпринимательство» и аспирантуру БФУ им. И. Канта по специальности «история философии». Предприниматель, исследователь, путешественник. С 2016 г. волонтер Донбасса. Проза и стихи опубликованы в журналах «Нева», «Дружба народов», «Нижний Новгород», «Подъём» и др. Живет в Калининграде.

Жучкова Анна Владимировна родилась в 1979 г. в городе Лыткарино

Московской области. Окончила филологический факультет РУДН. Кандидат филологических наук, литературовед, литературный критик. Доцент кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета РУДН.

Калмыкова Вера Владимировна родилась в 1967 г. в Москве. Кандидат филологических наук, главный редактор издательства «Русский импульс», искусствовед. Публиковалась в журналах «Сибирские огни», «Арион», «Дружба народов», «Звезда», «Литературная учеба» и др. Автор двух поэтических сборников, а также книги «Очень маленькая родина» (совместно с фотографом Сергеем Ивановым), которая стала лауреатом конкурса «Книга года». Лауреат премии им. А. М. Зверева (журнал «Иностранная литература»).

Комаров Константин Маркович родился в 1988 г. в Свердловске. Выпускник филологического факультета Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина. Кандидат филологических наук. Публиковался в журналах «Новый мир», «Урал», «Вопросы литературы», «Знамя», «Октябрь» и др. Лауреат ряда литературных премий. Автор нескольких книг стихов и литературно-критического сборника «Быть при тексте». Член Союза российских писателей. Живет в Екатеринбурге.

Королев Андрей Александрович родился в 1964 г. в Кемерове. Окончил филологический факультет Кемеровского госуниверситета. Был профессиональным футболистом, более тридцати лет работал в газетах. Публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «После 12», «Сибирские огни». Живет в Кемерове.

Найдёнов Александр Юрьевич родился в 1962 г. в Екатеринбурге. Работал инженером-дозиметристом в НИИ и на атомном ледоколе «Ленин», потом был предпринимателем, телеоператором и журналистом, сейчас — маркетолог. Прозаик и драматург. Проза публиковалась в журналах «Урал», «Уральский следопыт», «Нива» (Казахстан), «Полярная звезда», «Современник» и др. Пьесы печатались в сборниках, в журнале «Современная драматургия» и несколько раз становились лауреатами конкурсов драматургии. Живет в Екатеринбурге.

Пономарев Александр Сергеевич родился в 1970 г. в Москве. Окончил Институт инженеров водного

транспорта. Работает в страховании. Публиковался в журналах «Бельские просторы», «Нева», «Земляки», «Кольцо А», «Дрон». Финалист и лауреат ряда российских и международных литературных конкурсов. Живет в Москве.

Романов Дмитрий Владимирович родился в 1975 г. в Красноярске. Окончил Красноярский политехнический институт. Работает в Новосибирском краеведческом музее. Публиковался в журнале «Сибирские огни». Живет в Новосибирске.

Рубанов Роман Владимирович родился в 1982 г. в деревне Стрекалово Хомутовского района Курской области. Окончил Рьльское педагогическое училище и факультет теологии и религиоведения Курского государственного университета. Работает руководителем литературно-драматургической части Концертно-творческого центра им. М. С. Щепкина. Публиковался в журналах «Нева», «Урал», «Новая Юность», «Арион» и др. Лауреат ряда международных и российских литературных премий. Автор четырех книг стихов. Член Союза писателей Москвы. Член Русского ПЕН-центра. Живет в Курске.

Сафронова Елена Валентиновна родилась в 1973 г. в Ростове-на-Дону. Прозаик, литературный критик-публицист. Постоянный автор журналов «Знамя», «Октябрь», «Урал», «Бельские просторы», «Вопросы литературы», портала открытой критики Rara Avis и др. Редактор рубрик «Проза» и «Критика, публицистика» литературного журнала Союза писателей Москвы «Кольцо А». Редактор информационного портала о культуре «Ревизор.ru». Лауреат ряда литературных премий в критических и прозаических номинациях. Автор ряда прозаических и литературно-критических книг, в том числе романа «Жители ноосферы» (М.: Время, 2014). Живет в Рязани.

Тригалева Наталья Вассиановна родилась в 1959 г. в Красноярске. Окончила живописно-педагогическое отделение Красноярского художественного училища им. В. И. Сурикова, факультет теории и истории искусств Ленинградского государственного института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Главный специалист регионального отделения «Урал, Сибирь и Дальний Восток» Российской академии художеств. Живет в Красноярске.

Частные лица и организации в Российской Федерации
и в странах СНГ могут подписаться
на журнал **«СИБИРСКИЕ ОГНИ»** в любом отделении связи —
красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России,
Администрация Новосибирской области.
Журнал зарегистрирован в Государственном комитете
Российской Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:
630099, г. Новосибирск, ул. Чаплыгина, 25, тел. (383) 223-10-15
E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»
630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104
<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 19.05.2024.
Дата выхода № 6 за 2024 г. в свет 17.06.2024.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 12,03.
Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака
просим обращаться в типографию.

Николай Сальников. Казачинский порог. Цветная линогравюра. 1972

Николай Сальников. Зимний день. Темпера. 1974

